

ПИОНЕР 4

1982

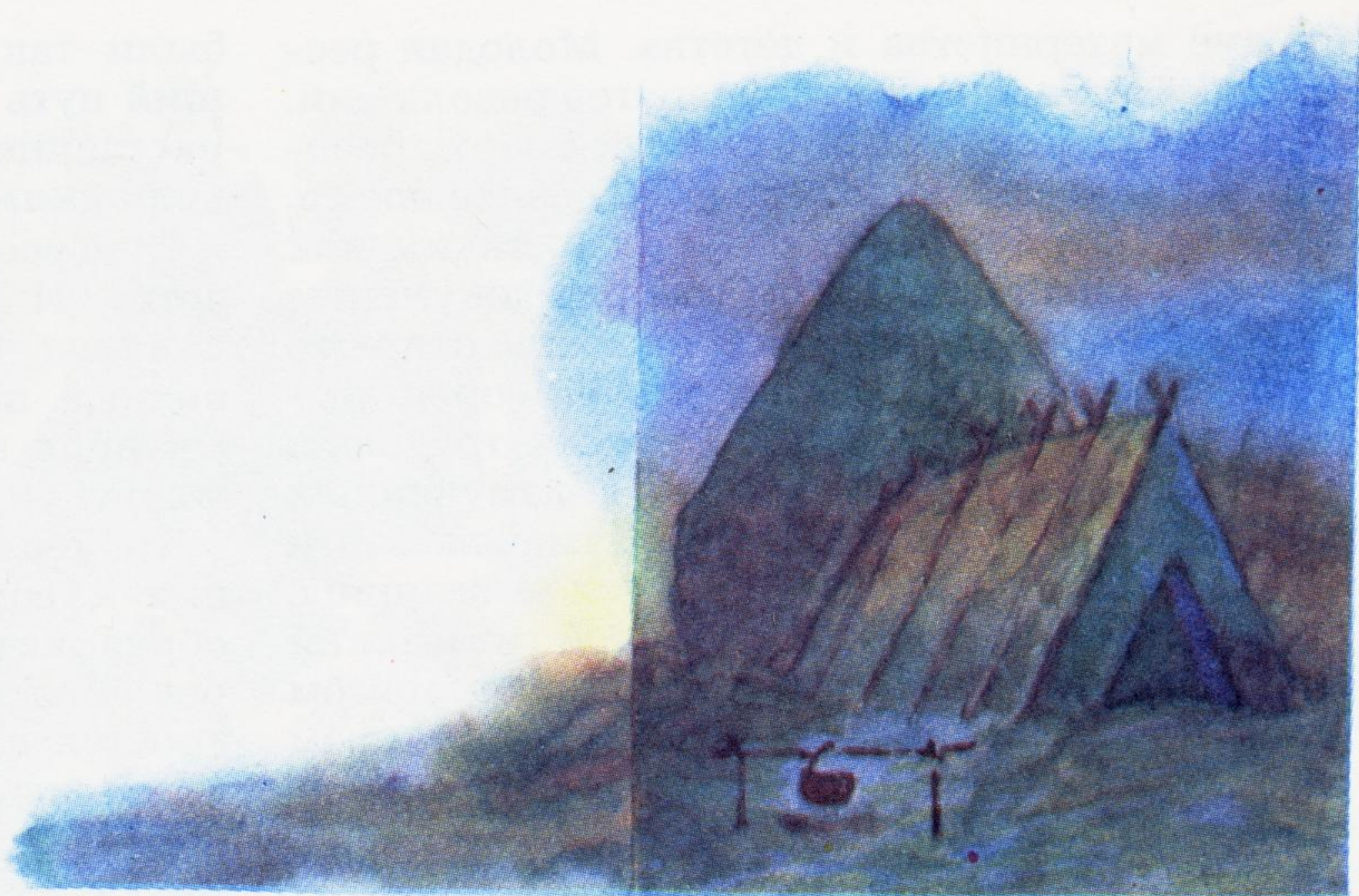

**«Организация детей — это лучший путь
воспитать коммунаров».**

В. И. ЛЕНИН

С думой о тебе

Наша машина стремительно летит от Ленинграда в сторону Разлива. Вдоль Приморского шоссе — сплошной багрянец. Березы, осины, клены, еще не успевшие отряхнуть свои царственные наряды, стояли в ярком праздничном убранстве. Вокруг спокойствие и тишина. Глубокое осеннее небо не предвещало дождя...

Вот и дорожка, ведущая к ленинскому шалашу. Мы приехали к вечеру и в тот поздний час не встретили никого. Все здесь изменилось с тех пор, когда летом далекого 1917 года, гонимый ищайками Временного правительства, сюда приехал Владимир Ильич Ленин. Но шалаш, своеобразная конспиративная квартира Ильича, сохранен для потомков и в граните, и в том виде, когда он оберегал вождя революции. Здесь же «зеленый кабинет» Ленина — два обыкновенных пенька. Здесь же «кухня» — две стойки и перекладина, на которую подвешивали то котелок, то старый медный чайник.

Известно, что на покосе вместе с Владимиром Ильичем находился постоянно смышленный и осторожный мальчуган — сын рабочего Николая Александровича Емельянова — двенадцатилетний Коля. Позднее Емельянов, участник штурма Зимнего, вспоминал: «Коля был у нас разведчиком, дозорным и поваренком... Когда все было благополучно, Коля свистел, как снегирь. Если к шалашу приближался посторонний человек, Коля начинал свистеть на другой лад, и мы понимали: тревога. Тогда Ильич надевал парик и брал в руки грабли».

В час тревожный, более того, — смертельно опасный, когда Владимир Ильич готовил вооруженное восстание, работал над книгой «Государство и революция» (ты с ней обязательно познакомишься, когда подрастешь), рядом с ним был подросток. Ленин думал над тем, каким будет новое социалистическое государство рабочих и крестьян, какой станет жизнь в недалеком и далеком будущем. Он глубоко верил в народные силы, в победу революции. А перед его глазами все время стояла фигура

мальчишки, помогавшего оберегать его от ищеек.

Мы сегодня не можем точно сказать, о чем говорил Владимир Ильич с Колей. Но мы можем утверждать, что, размышляя о будущем страны, он думал о тех, кто придет на смену старшим поколениям борцов, о миллионах таких, как Коля, которым предстояло жить уже при Советской власти. Об этом мне подумалось, когда я читал слова на мемориальной стене ленинского гранитного шалаша: «На месте, где в июле и августе 1917 года в шалаше из ветвей скрывался от преследования буржуазии вождь мирового Октября и писал свою книгу «Государство и революция», на память об этом поставили мы шалаш из гранита. Рабочие города Ленина. 1927 год».

И когда грянул Октябрь, когда революционная буря перевернула старую Россию и началось ее могучее обновление, В. И. Ленин среди самых неотложных дел молодой, только что рожденной Советской республики не забыл о миллионах детей и подростков, таких, как Коля Емельянов.

Страна Советов делала все, чтобы в тех тяжелых условиях детям жилось лучше, чтобы они учились, росли настоящими гражданами.

Прошло всего три дня после штурма Зимнего дворца, всего три дня! А Советское правительство образовало государственную комиссию по просвещению. Принимается декрет об

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

охране материнства и детства. Молодая республика в огненном кольце врагов революции. Она разута, голодна. Жизнь или смерть революции — вот что решалось в то грозное время. И все же Страна Советов думала о таких, как Коля Емельянов. Об этом говорят документы из архивов. В 1920 году в стране было открыто восемнадцать детских санаториев, сорок лесных школ и шестнадцать детских трудовых колоний для обездоленных и измученных гражданской войной детей. Вдумайся в эти факты, наш читатель. Вдумайся и оглянись вокруг себя, и ты поймешь, какой гигантский путь прошла наша Родина, шаг за шагом осуществляя ленинскую мечту о счастливом детстве. Но счастливое детство — это не означает детства без труда и забот, без упорства в достижении намеченной цели.

Давай еще раз вернемся к истории.

Шел май незабываемого 1919 года.

Владимир Ильич любил май месяц, когда отмечается международный праздник солидарности. Он с радостью наблюдал за морем флагов и транспарантов на Красной площади, за радостными лицами рабочих, поверивших в свою силу, в победу республики. Кругом царило приподнятое настроение. Ильич выступал в тот день несколько раз и, как всегда, вдохновенно. Его речи были устремлены в будущее. В одной из них В. И. Ленин сказал, указывая на детей, что они в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв. Вот его слова:

«Внуки наши как диковинку будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как в сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».

А через двадцать пять дней Ильич снова на Красной площади. Он принимает парад рабочих полков Всеобуча — всеобщего военного обучения. Революция должна уметь защищаться. И партия решила обучать рабочих военному делу. Владимир Ильич выступил перед будущими солдатами революции с пламенной речью. Когда он ее произнес и собирался уехать с Красной площади, его обступили юные москвичи, которые называли себя «юками» — юными коммунистами. Пионерской организации тогда еще не было, но ребята стремились объединиться в организацию, чтобы помогать взрослым строить новую жизнь. Ленин, увидев ребят, улыбнулся и, хотя спешил, все же выступил перед ними. Главные слова его короткого выступления

были такие: **«Организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров, и дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции».**

Еще усерднее будут строить это здание наши дети. И дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции. Какие дальновидные, пророческие слова заветы вождем Октября всем поколениям советских ребят, а значит, и тебе, наш читатель.

Ты очень часто слышишь такие выражения — «советский образ жизни», «буржуазный образ жизни». Вы проводите пионерские сборы «Два образа жизни — два детства». А что кроется за этими понятиями в повседневной твоей жизни и твоих друзей, ваших зарубежных сверстников? Какова разница между этими двумя противоположными понятиями?

Давайте на минуту предположим невозможное: что бы было с сыном питерского рабочего Емельянова, Колей, если бы в Октябре не прозвучал залп «Авроры», если бы у власти остались помещики и капиталисты? Чтобы ответить на этот вопрос, надо мысленно вернуться на... несколько десятилетий назад. Перед нами № 104 газеты «Правда» за 1913 год. Читаем: «В пять часов утра, когда наступает новая смена, протяжные, заунывные гудки оглашают окрестности рудников и выгоняют на работу из землянок и казарм забойщиков, грузчиков, проходчиков, откатчиков, сортировщиков и малолетних рудокопов — детей нередко в возрасте 7—8 лет... Тринадцать часов непрерывной шахтерской работы разрушающе действуют на детские, застывшие в своем развитии организмы, надорванные, кроме того, золотухой, рахитизмом, слабогрудием». На фабриках Тверской губернии восьмилетние дети работали не только днем, но и ночью. Хилые физически и искалеченные нравственно, изможденные, с лицами, покрытыми преждевременными морщинами, в жалких лохмотьях, стояли они, согнувшись, возле своих станков. Они трудились по 18 часов в сутки, с 10 часов вечера до 4 часов дня.

Вот что ожидало бы Колю Емельянова и его сверстников — невежество, изнуряющий труд, неравенство и несправедливость.

Ты можешь сказать, что, мол, это было при царе-горохе, что мир изменился, человек давно расщепил атом, обживает космос, настойчиво ищет внеземные цивилизации. Да, мир изменился. Человечество за последние полвека сделало столько научных открытий, сколько не могло сделать за всю предыдущую историю. Но везде ли изменились условия жизни, отношения между людьми, везде ли одинаково отношение государства к юным гражданам? Там, где существует советский, социалистический образ жизни, — изменились. Но там, где господствует буржуазный образ жизни, многое осталось неизменным. Теперь, чтобы доказать это, не надо рыться в архивах. Факты современной жизни говорят сами за себя.

Встреча В. И. Ленина на Красной площади с «юками» — юными коммунистами.

На планете 570 миллионов людей страдают от недоедания.

Где же здесь равные права для всех?

800 миллионов людей Земли неграмотны, а четверть миллиарда детей и подростков в возрасте до 14 лет, в том числе и в США, не посещают школу.

Где же здесь справедливость?

3 миллиарда людей не имеют доступа к чистой воде и 750 тысяч человек умирают от болезней, передающихся через воду.

Где же здесь гуманизм?

50 миллионов человек — это безработные: если бы их выстроить в очередь, то она протянулась бы от биржи труда в Нью-Йорке до биржи труда в Лондоне, и среди них огромное число тех, кто только что окончил школу.

Где же здесь равноправие?

И все это происходит в XX веке. И все это

происходит тогда, когда каждую минуту на вооружение тратится 1,25 миллиона долларов. Каждую минуту! К 2000 году военные затраты могут достигнуть одного триллиона долларов в год. Вот что несет миру империализм и буржуазный образ жизни — войны, голод, нищету, безработицу, насилие. От этого в первую очередь страдают ваши сверстники.

Ты растешь в мире, где проповедь войны, убийств, насилия, неравенства — вне закона. Ты растешь вместе со страной, которая заботится о тебе с первого шага по земле. Когда много лет назад Хьюллет Джонсон, видный борец за мир, настоятель Кентерберийского собора, вернулся в Англию после поездки по СССР, его спросили:

— Есть ли привилегированные классы в Советском Союзе?

Тот незамедлительно ответил:

— Да есть! Это дети.

Ты растешь вместе со страной Октября и чем можешь помогаешь старшим в гигантском созидании нового. Наше общество заботится не только о том, чтобы ты был сыт, одет, здоров, учился в школе. Оно проявляет заботу и о том, чтобы ты рос добрым, отзывчивым человеком, чтобы в твою душу и сердце не закралась плесень эгоизма, стяжательства, неуважения к другим народам. Чтобы ты был истинным наследником славных дел своих легендарных отцов, дедов, прадедов. И здесь на память приходят замечательные слова пламенного борца, соратника Ленина, Якова Михайловича Свердлова, сказанные им сыну: **«...Я оставляю тебе огромное, замечательное наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставляю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера».**

Навечно образы бесстрашных рыцарей революции, образ Владимира Ильича останутся для тебя и твоих сверстников тем живым родником, откуда мы черпаем и силу, и мужество, и веру в справедливость нашего дела. И чем дальше часы истории отсчитывают время с того поистине исторического мгновения, когда прогремела «Аврора», тем ярче пример людей, отдавших всю свою жизнь за наше счастье. И каждый из вас по-своему и неповторимо вглядывается и вдумывается в жизненный подвиг нестареющей гвардии Октября. Вчитайся в строки из сочинений тульских и ульяновских ребят, написанных ими о Владимире Ильиче.

Владимир Ильич очень любил детей. Он всегда находил время, чтобы побывать в детском саду или просто поговорить с детишками на улице.

Вот за эту любовь к детям мне очень нравится Ленин.

Витя Чернышов.

В школе я самостоятельно прочитала много книг о Ленине. Его чуткость и отзывчивость — пример для всех.

Владимир Ильич всегда заботился о товарищах. Он был самым необыкновенным товарищем — другом, замечательно цельным человеком.

Галя Широкина.

Мне нравится скромность В. И. Ленина. Он был главой Советского государства и, наверное, мог бы затребовать из Румянцевского музея несколько нужных ему словарей. Но В. И. Ленин написал записку: «Нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека будет закрыта. Верну к утру».

Люда Головина.

Когда гимназиста Володю Ульянова спросили однажды, неужели никогда не бывало,

чтобы он не приготовил урока, он ответил: «Никогда не бывало и не будет». Вот где твердость характера и трудолюбие! Эти качества меня восхищают.

Ира Менъшикова.

Владимир Ильич очень любил свою мать, нежно и чутко относился к ней.

Я стараюсь быть такой же внимательной к своей маме.

Таня Воронина.

Смелость, самообладание, целеустремленность и настойчивость в деле — вот качества В. И. Ленина, которые надо постараться воспитать в себе.

Олег Моисеев.

Меня поражает огромная сила воли, выдержка и мужество Володи Ульянова на выпускных экзаменах по алгебре и геометрии, которые ему пришлось сдавать сразу после казни любимого брата. Он сдал их на «отлично».

Галя Дмитриева.

Личность В. И. Ленина, вся его замечательная жизнь побуждают меня быть достойным звания строителя коммунизма и быть им на деле.

Слава Белов.

В этих простых, душевных словах — огромная любовь ребят к Ленину, стремление идти той дорогой, по которой шло поколение за поколением. «Мы, первые ласточки великого свободного детского движения! — писали В. И. Ленину пионеры 1-го отряда Краснопресненской дружины юных пионеров. — Смело пойдем на завоевание поставленной цели, вырвем детей рабочих из объятий улицы, воспитаем из себя сильных нравственно и физически бойцов за счастье трудящихся, имея перед глазами пример пионера мировой революции...»

Жизнь Ленина была, есть и будет самым ярким примером для всех советских людей.

...Дорога от Разлива в Ленинград кажется гораздо короче. Огни города, такого родного и знакомого, появились неожиданно. Проезжаем улицу Ленина. Здесь была одна из конспиративных квартир Ильича. Вот и набережная, известная во всем мире. В величавом спокойствии стоит крейсер «Аврора». Прожекторы выхватывают из темноты историческое оружие. Внизу плещется Нева. Сколько воды утекло с тех исторических мгновений Октября, сколько событий кануло в вечность! Но неизменным остается одно: дело Ленина живет и побеждает!

С. ФУРИН.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО,
Ю. ТИХОНОВА.

Примолкнув вдруг,
дыханье затая,
стараясь быть
как можно тише,
похожие
на стриженных детишек,
у Мавзолея
ёлочки стоят.
Их привезли
сюда издалека.
Сажали бережно.
Поили землю мудро.
В каком
лесу
они пробились
в утро,
впервые
увидали облака
и ветра влажного
хлебнули,
не зная,
что в почетном карауле
им выпадет
стоять
века?..

Алла СУРОВА

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ,
лауреат Государственной премии СССР и диплома имени А. Гайдара журнала «Пионер»

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИША-КИБАЛЬЧИША

Пьеса в двух действиях по мотивам сказки А. П. Гайдара

Рисунки М. ПЕТРОВА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КИБАЛЬЧИШ
ОТЕЦ
БРАТ
ДЕВУШКА
ГОНЕЦ
ЧАСОВОЙ
КРАСНОАРМЕЕЦ
ПЛОХИШ
ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН
КОМЕНДАНТ
ОФИЦЕР
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ

В эпизодах: МАЛЬЧИШИ, их ОТЦЫ и МАТЕРИ, СОЛДАТЫ, БУРЖУИНЫ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Солнечный день. В поле идет работа — вяжут снопы. В этой работе есть нечто прекрасное — желтое поле, синее небо и веселые, загорелые лица людей. Их руки двигаются ритмично: раз-два — еще сноп!.. Раз-два — еще сноп! Среди работающих — ОТЕЦ и БРАТ Кибальчиша. ОТЕЦ — бывший солдат, вернувшийся к мирному труду, — в старой гимнастерке, на поясе висит труба; он в армии был трубачом. Выбегает орава мальчишек и девчонок. Они выносят огородные пугала, пестрые, с раскрашенными физиономиями, с болтающимися руками и ногами, с хохотом и криками расставляют их среди убранного хлеба.

КИБАЛЬЧИШ (*подбегает к ОТЦУ и БРАТУ*). Смотрите! Смотрите!.. (*Размахивает страшным пугалом.*) Это я сделал сам!.. Это буржуин!..

ОТЕЦ. Молодец, Кибальчиш. Ловко сработал.

БРАТ. Вот и Буржуин пригодился! (*Втыкает пугало в землю.*) Он нам всех птиц живо распугает!

ОТЕЦ. Солнце садится. Конец работе! (*Снимает с пояса трубу, трубит.*)

КИБАЛЬЧИШ (*подпевает*). Бери ложку, бери бак, хлеба не-ту, иди-и-и-и так!

Взрослые уходят, а орава мальчишек и девчонок окружает трубача.

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ. Дядя трубач!.. Загадай нам загадку!..

ОТЕЦ. А вы отгадаете?

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ. Отгадаем!.. Отгадаем!..

ОТЕЦ. Ну, хорошо... Я буду играть... А вы внимательно слушайте и отгадывайте!..

КИБАЛЬЧИШ. А кто не отгадает, тому щелбан в лоб!..

ОТЕЦ. Вот именно! (*Играет, подражая пению соловья. Замолкает, с восторженным лицом прислушивается.*)

Пауза ... и тут же ОТЦУ отвечает соловей.

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ. Соловей!.. Соловей!.. (*ОТЕЦ играет, подражая петуху. Замирает, ожидая ответа. И тут же отку-*

да-то доносится: «Ку-ка-ре-ку!») Пету-у-х!
(ОТЕЦ играет, и в его игру неожиданно врывается мычание коровы.) Корова-а-а!
(Хохочут.)

Все уходят. Наступает ночь. На небе загораются звезды и появляется луна. По лунной дорожке идут БРАТ и ДЕВУШКА.

ДЕВУШКА. Все давно спят.

БРАТ. А мы!..

ДЕВУШКА. Не спим.

БРАТ. Может быть, одни на всем свете!

ДЕВУШКА. Вот весело...

Вдруг повеял тревожный ветерок.

(Поежилась.) Холодно стало... Побегу домой.

БРАТ. Не уходи. (Робко обнимает ее.) Я тебя согрею.

Они притихли, молчат. Небо зловеще темнеет — откуда-то доносятся то ли раскаты грома, то ли глухие разрывы. Темно. Страшно. Крадутся какие-то тени. Сначала они прячутся за пугала, потом бросают их на землю, а сами занимают их места. Тени неслышно подкрадываются к БРАТУ и ДЕВУШКЕ, окружают их, вытаскивают ножи. Неожиданно появляется ОТЕЦ в шинели внакидку. Тени замирают. ОТЕЦ прислушивается. Он явно встревожен. БРАТ и ДЕВУШКА подходят к ОТЦУ. Все ближе и ближе раздается грохот — теперь ясно, что это разрывы снарядов.

ДЕВУШКА (испуганно). Что это?..

ОТЕЦ. Где-то гроза.

ДЕВУШКА. А почему дымом запахло?

ОТЕЦ. Пастухи жгут костры.

БРАТ. Отец, а это не?..

ОТЕЦ (не дает ему договорить). Шли бы вы по домам... Завтра спозаранку на работу.

Входит нетвердой походкой ГОНЕЦ — тяжело опирается на винтовку, видно, он тяжело ранен.

ГОНЕЦ (замечает ОТЦА). Солдат!.. Помоги...

ОТЕЦ бросается на помощь, подхватывает ГОНЦА.

(Из последних сил.) Война!.. Наш... отряд... бьется... насмерть... с проклятыми буржуинами... Помощь требуется... Пока Красная Армия подойдет... (Падает.)

ОТЕЦ склоняется к ГОНЦУ, да поздно — тому уже ничем не поможешь. Он закрывает ему глаза.

ДЕВУШКА. Он умер?

Никто ей не отвечает. ОТЕЦ снимает с ремня трубу и трубит тревогу. В домах загораются свет, отовсюду доносятся тревожные голоса. Мужчины, женщины, старики, подростки, дети окружают ОТЦА. Среди них КИБАЛЬЧИШ.

ТОЛПА. Что случилось?.. В чем дело?.. Кто убил этого человека?..

ОТЕЦ (поднимает оброненную винтовку, снимает свою старую шинель, накрывает

ГОНЦА). Это Гонец. Пришла беда! На нас напал враг!..

Толпа затихает.

(Громко.) Опять свистят пули... Опять рвутся снаряды...

КИБАЛЬЧИШ. Значит, надо идти в бой!..

ОТЕЦ. Верно, Кибальчиш!.. Так что, товарищи, нужна наша помощь.

ТОЛПА. Веди нас!.. Мы готовы!.. Все как один!..

ОТЕЦ. Строй-с-с-я-я-я!

Мужчины прощаются с женщинами и детьми. Отрывают их от себя и строятся. Последними в строю — БРАТ и КИБАЛЬЧИШ. Он привстал на носки, чтобы казаться выше.

ОТЕЦ (медленно идет вдоль строя, всматриваясь в лица людей. Останавливается около сыновей). Выйти из строя!

БРАТ. Отец!..

КИБАЛЬЧИШ. Мы пойдем с тобой!..

ОТЕЦ. Приказ командира — закон!.. Выходи из строя!

БРАТ и КИБАЛЬЧИШ нехотя выходят из строя.

(Отряду.) Отряд, смирно-о-о!.. Налево-о-о!.. Шагом мар-р-р-ш-ш-ш!

КИБАЛЬЧИШ незаметно проникает внутрь строя отряда. Мужчины выталкивают его оттуда.

(Снимает ремень.) Вот я тебе!.. (Гоняется за ним под общий хохот.)

КИБАЛЬЧИШ прячется за БРАТА.

ОТЕЦ (сыновьям). Малы вы еще для войны. (Застегивает ремень.) Мы хлеб хорошо собрали. А молотить его, видно, вам, мальчишам, придется. (Уходит.)

Все долго и молча смотрят вслед отряду. Потом тоже уходят. Тени подкрадываются к убитому, обыскивают его и убегают.

Рассвет. Сквозь разрывы снарядов прорывается тревожный призыв трубы, играющей тревогу. С разных сторон выбегают люди: старики, женщины, юноши, девушки, дети... Среди них БРАТ, ДЕВУШКА, КИБАЛЬЧИШ.

БРАТ (командует). Отряд, стройся-я-я!

Выстраиваются старики и женщины, юноши и девушки. Последними в строю стоят ДЕВУШКА и КИБАЛЬЧИШ.

БРАТ (обнимает Кибальчиша за плечи). А ты, Кибальчиш, еще мал, чтобы воевать.

КИБАЛЬЧИШ. Я сильный!..

БРАТ. Выходи из строя!.. Приказ командира — закон!

КИБАЛЬЧИШ. Ишь, какой командир нашелся!.. Не выйду!

БРАТ (поднимает его и передает тем, кто остается). Держите его, чтобы не сбежал! (Командует.) Отряд, налево-о-о!.. Шагом

марш-ш-шш! (КИБАЛЬЧИШУ, весело.) Прощай, Кибальчиш!.. Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, голова на плечах!.. Живи!.. Нас дожидайся! (Убегает следом за всеми.)

Поле боя. Среди дыма, пожарищ и разрывов ползет ОТЕЦ. Гимнастерка на нем порвана, голова забинтована. Он тащит ДЕВУШКУ. Втаскивает ее в окоп. Уползает и возвращается с сыном — БРАТОМ КИБАЛЬЧИША. Опускает его рядом с ДЕВУШКОЙ.

ОТЕЦ (смотрит на ДЕВУШКУ и СЫНА). Эх, детки, детки... Перешли вы мне дорожку... Не такой я весточки ждал от вас. Радостной ждал... (Накрывает их с головой шинелью. Выглядывает из окопа, кладет под руку тяжелую связку гранат.)

Появляется КИБАЛЬЧИШ.

ОТЕЦ (вскидывает винтовку). Стой!.. Кто идет?..

КИБАЛЬЧИШ. Это я!.. Отец!.. (Скатывается в окоп.)

ОТЕЦ. Кибальчиш!.. Ты зачем пришел?..

КИБАЛЬЧИШ (молчит, разглядывает ОТЦА). Вот, принес вам поесть... И воды напиться ключевой... Чтобы лучше врага били.

ОТЕЦ. Что ж, больше некому было?..

КИБАЛЬЧИШ. А кому?.. В деревне только мы остались — девчонки и мальчишки. (Протягивает ОТЦУ флягу с водой.) Ты попей... Вон у тебя губы запеклись кровью от жажды.

ОТЕЦ жадно пьет воду.

КИБАЛЬЧИШ. А где мой брат?

ОТЕЦ. Брат?.. (Смотрит на КИБАЛЬЧИША, не отвечает, снова пьет воду. Потом кивком показывает на человека, лежащего под шинелью.)

КИБАЛЬЧИШ (радостно). Брат!.. (Бросается к БРАТУ.)

ОТЕЦ (быстро). Подожди!.. Не буди его. Не надо.

КИБАЛЬЧИШ. Что же он?.. На войне спит.

ОТЕЦ. Устал он в бою.

КИБАЛЬЧИШ. Устал?.. В бою?.. (Презрительно.) Еще чего! Я бы никогда не устал... Я бы этих буржуинов!..

ОТЕЦ. Он врукопашную ходил один против десятерых.

КИБАЛЬЧИШ. Против десятерых?.. Это по-нашему.

ОТЕЦ. Кибальчиш! Мне надо с тобой поговорить... Понимаешь... (Срывающимся голосом.) Тебе уходить пора!

КИБАЛЬЧИШ. Я подожду, пока брат проснется... и сразу уйду.

ОТЕЦ. Я его не буду будить... Так что уходи!

КИБАЛЬЧИШ (вдруг). Отец... Я ухожу... Только давай на прощанье споем нашу любимую.

ОТЕЦ. Так мы же брата разбудим.

КИБАЛЬЧИШ (хитро улыбается). А мы потихоньку.

ОТЕЦ. Ну, хорошо... Пусть эта песня будет для него колыбельной... Солдатской. Брат обрадуется твоему голосу.

КИБАЛЬЧИШ (смеется). И проснется!.. И расскажет мне, как он бил буржуинов. (Поет. ОТЕЦ не подхватывает песню, он сидит в глубокой задумчивости. КИБАЛЬЧИШ трогает ОТЦА за рукав.) Отец!.. Что же ты не поешь?

ОТЕЦ. А-а-а... я задумался. (Решительно.) Все! Уходи, Кибальчиш! И больше не возвращайся! И нас с братом не забывай...

Появляются тени врагов, подкрадываются к окопу.

КИБАЛЬЧИШ. Ты что?.. Прощаешься со мной?.. Насовсем?.. (Бросается к БРАТУ.) Брат!.. Брат!.. Проснись!.. Я не хочу с вами прощаться насовсем! (Срывает шинель с БРАТА. Перед ним лежат убитые БРАТ и ДЕВУШКА. КИБАЛЬЧИШ в ужасе отступает. Плачет, уткнувшись в ОТЦА.)

ОТЕЦ. Ну, ну, Кибальчиш. Не плачь... Главное, брата ты помнишь... И никогда не забудешь... А на войне всегда убивают... Разве ты не знал? И это еще не самое страшное.

КИБАЛЬЧИШ плачет.

ОТЕЦ. Жалко, я тебе о матери мало рассказывал. Сердце твое раньше времени не хотел тревожить. Она со мной на гражданской была. Мы вместе буржуев били... Ты родился в тачанке... В степи... А потом маму убило. Славная была женщина. Красивая. Так что ты, выходит, кругом солдатский сын и борец за свободу... И плакать тебе стыдно.

КИБАЛЬЧИШ (вытирает слезы). Отец... А что... самое... страшное на войне?..

ОТЕЦ. Измена. Страшнее ее ничего нет. Ты запомни это.

Тени врагов все ближе и ближе к окопу.

КИБАЛЬЧИШ. Запомню. А что надо солдату, чтобы победить?

ОТЕЦ. Товарищей верных... Да патронов вволю.

КИБАЛЬЧИШ. И это я запомню. А еще?..

ОТЕЦ. Хорошо еще иметь солдатскую смекалку.

КИБАЛЬЧИШ. Смекалку?..

ОТЕЦ. Ну да!.. Чтобы голова хорошо работала да чтобы сердце горячо любило родную землю. (Замечает врагов.) Кибальчиш! Уходи!.. (Берет в руку связку гранат.)

КИБАЛЬЧИШ. Никуда я от тебя не уйду!.. Я тебе буду патроны подносить! Гранаты подтаскивать!.. Сам говорил, когда Родина в опасности, каждый, кто может, должен идти на войну.

ОТЕЦ (следит за приближающимися врага-

ми). Правда твоя, говорил... Только, вижу я, забыл ты про солдатскую смекалку.

БУРЖУИНЫ (кричат по очереди). Трубач!.. А ну, выходи!

ОТЕЦ. Воевать надо, знаешь, как?... Чтобы общему делу... нашей свободе получше и побольше помочь... Понял?

КИБАЛЬЧИШ (глотая слезы). Понял, отец.

БУРЖУИНЫ. Сдавайся!.. Если охота жить...

ОТЕЦ (не обращая на них внимания). Теперь слушай внимательно. Ты возьмешь мою трубу... Я ведь тебя не зря обучил игре... Труба-то вроде волшебная... Ты верь, верь этому. Значит, так... Рано утром выйдешь по росе... И посигналишь ею. Вот так... (Играет на трубе.) И каждую ночь — выйдешь и снова посигналишь... Вот так... (Играет на трубе.)

БУРЖУИНЫ (стреляют). Заткни глотку! Повисишь ты у нас на первом дереве. (Стреляют.)

ОТЕЦ. Ты меня слушай, Кибальчиш!

КИБАЛЬЧИШ. Я слушаю.

ОТЕЦ. Этот твой сигнал пролетит над полями, над высокими горами, взвоется в небо и

долетит до Красной Армии... Ну, а дальше сам понимаешь, что случится...

КИБАЛЬЧИШ. Красная Армия придет и прогонит буржуинов!

ОТЕЦ. Именно... Задание это военное и секретное. Так что на тебя большая надежда! (Видит, что враги совсем близко. Кричит.) Бери трубу и беги, Кибальчи-и-ш! (Прячет связку гранат на груди и выходит из окопа.)

БУРЖУИНЫ (окружают его, кричат). Руки вверх!..

И все это исчезает в грохоте и пламени гранат, которые взорвал ОТЕЦ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Появляется КИБАЛЬЧИШ, падает на землю, роняя трубу ОТЦА. Тело его сотрясают рыдания... Но вот его рука случайно дотрагивается до трубы... Он поднимает голову, крепко сжимает трубу, медленно встает, подносит трубу к губам... И призывный сигнал тревоги разносится далеко-

— А, ты Кибальчиш, еще мал, чтобы воевать.

далеко, убегает по всем тропинкам и дорогам родной земли, уходит в горы, улетает в небо. На этот сигнал КИБАЛЬЧИША сбегается целая орава отчаянных мальчишек и девчонок.

КИБАЛЬЧИШ. Эй, Мальчиши!.. Пришла беда—на нас напал враг!.. Повсюду свищут пули и рвутся снаряды... А наши отцы и братья... матери и сестры... *(Молчит: ему трудно говорить.)*

МАЛЬЧИШИ низко опускают головы. А кое-кто тихо всхлипывает.

КИБАЛЬЧИШ *(еле слышно)*. Погибли они... Что же теперь нам, мальчишам, по-прежнему только в палки играть да в скакалки скакать?.. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтобы буржуины забрали нас в свое проклятое буржуинство?..

Входят три буржуина: КОМЕНДАНТ, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ОФИЦЕР. У КОМЕНДАНТА в руке хлыст, у НАЧАЛЬНИКА ТЮРЬМЫ на поясе висят наручники.

МАЛЬЧИШИ *(отчаянно)*. Не боимся буржуинов!.. Бей проклятых!.. Да здравствует свобода-а-а!

КОМЕНДАНТ. Арестовать!

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ *(отстегивает на ходу наручники, бросается на МАЛЬЧИШЕЙ)*. В тюрьму их!..

ОФИЦЕР *(выхватывает пистолет)*. Всех!.. Всех!.. Всех!..

МАЛЬЧИШИ дерутся отчаянно и смело. Они воюют теми случайными предметами, которые оказались у них в карманах,—рогатками, камнями, яблоками... Они бросаются на БУРЖУИНОВ, повисая на них, подставляют им подножки, садятся верхом на спины. Вырывают у ОФИЦЕРА пистолет, и кто-то из них стреляет в воздух...

БУРЖУИНЫ *(разом, не своими голосами)*. На помощь!.. Солдаты-ы!... *(Убегают.)*

МАЛЬЧИШИ. Ура-а-а!.. Победа!..

И только один великовозрастный ПЛОХИШ не принимал участия в общей битве. Он прятался, когда все дрались, а теперь выскочил из кустов, кричал и радовался вместе со всеми.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В кабинете с зашторенными окнами сидит ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН—он толстый, старый, страшный, похож на паука. Он сидит с закрытыми глазами. Перед ним подобострастно вытянулись КОМЕНДАНТ, ОФИЦЕР, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ.

КОМЕНДАНТ. Мы всех мужчин и всех женщин разбили...

ОФИЦЕР *(вставляет угодливо)*. И всех стариков тоже...

Пауза. ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН делает нетерпеливый жест рукой: продолжайте, мол.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ *(неуверенно)*. Совсем была наша победа... Но объявился один

мальчишка... Кибальчиш... Собрал вокруг себя других... Они буянят!.. Кричат: «Да здравствует свобода...»

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН *(открывает глаза, хрипит)*. Что?! Дома все сжечь!..

БУРЖУИНЫ *(разом)*. Слушаемся!..

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Урожай уничтожить!..

БУРЖУИНЫ. Слушаемся!

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Кибальчиша изловить и погубить!..

БУРЖУИНЫ. Слушаемся!..

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Я вырву с корнем из них этот революционный дух!.. *(Закрывает глаза.)*

БУРЖУИНЫ тихо выходят.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сожженное поле. Кое-где валяются обгорелые снопы... Сожженные дома с торчащими в небо печами. Выходит строй буржуинских солдат—они больше похожи на заводные игрушки, чем на людей. Это какие-то автоматы—так отточены их движения, так ритмично и одновременно выполняют они каждый приказ КОМЕНДАНТА. Вместе с ними появляются НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ОФИЦЕР.

КОМЕНДАНТ. Ать-два!.. Ать-два! На месте стой!.. *(Проходит вдоль строя.)* Сейчас мы будем строить... Что?

СОЛДАТЫ *(одновременно)*. Тюрьму!

КОМЕНДАНТ. За работу!..

СОЛДАТЫ строят тюрьму.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ *(восторженно)*. Оттяпали.

КОМЕНДАНТ. Все шито-крыто-быстро-незаметно.

ОФИЦЕР. Свежий воздух... Просторы...

КОМЕНДАНТ. Песенку повеселей!

СОЛДАТЫ, продолжая работать, запевают песню. КОМЕНДАНТ в такт песне пощелкивает хлыстом. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ позванивает наручниками, а ОФИЦЕР дирижирует ножом этим необыкновенным хором. И вот уже незаметно тюрьма готова—красуется на радость всем крепкая решетка.

КОМЕНДАНТ *(обрывая песню)*. Стройся! Шаго-о-м марш! Штыком коли!.. Прикладом бей!..

СОЛДАТЫ уходят, выполняя на ходу приказы КОМЕНДАНТА.

ОФИЦЕР *(гладит ласково решетку тюрьмы)*. Милая...

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Будем сажать. Отсюда не убежишь.

Вдруг звонко и чисто запела труба КИБАЛЬЧИША—как гром среди ясного неба. Замерли БУРЖУИНЫ, слушая ее.

КОМЕНДАНТ. Приказ мой развесили?..

Мальчиши воюют теми случайными предметами, которые оказались у них в карманах.

ОФИЦЕР. Развесили. Тысяча монет за голову Кибальчиша!.. На каждом доме.

Снова играет труба.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Может, она и вправду волшебная?.. Может, она вызывает... Красную... Танки... Пушки... Самолеты... Конницу Буденного...

КОМЕНДАНТ. Еще раз скажешь про это... про армию... Убью!..

ОФИЦЕР. С Кибальчишем трудно... В нем живет... зловоредный... очень заразный... дух свободы.

КОМЕНДАНТ (ОФИЦЕРУ). Молчать!

Робко входит испуганный ПЛОХИШ.

КОМЕНДАНТ (пугается). Обыскать!.. Кто впустил?.. (Но никто не выполняет приказа КОМЕНДАНТА — все боятся подойти к ПЛОХИШУ.) Смирно!.. (Отступает.) Смирно-о-о! Кому говорят!

И вдруг ПЛОХИШ вытягивается по стойке «смирно».

КОМЕНДАНТ (успокаивается). Ты кто? ПЛОХИШ (заикается от страха). П-л-о-х-и-ш.

КОМЕНДАНТ. А что тебе надо?

ПЛОХИШ. Во-о-о-т при-шел... (Опускает руку в карман).

БУРЖУИНЫ бросаются в разные стороны.

ПЛОХИШ (вытаскивает из кармана приказ). Тысячу монет... Обещаете... за Кибальчиша...

БУРЖУИНЫ (разом). Ну?..

ПЛОХИШ. Я... очень... хочу!.. Эти монеты.

БУРЖУИНЫ (перебивая друг друга). А где он?.. Его труба?.. Привел?.. Тащи сюда!.. Охрана!..

ПЛОХИШ (осмелел). А монеты дадите?.. Не обманете?..

КОМЕНДАНТ (закуривает сигару). Давай доноси честно.

ПЛОХИШ. Кибальчиш сын трубача... Его отец погиб на войне...

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Слыхали про такого.

ПЛОХИШ. Он взорвал себя и ваших солдат.
ОФИЦЕР. Мерзкий тип.

КОМЕНДАНТ. Короче. Где сейчас Кибальчиш?

ПЛОХИШ. Чего захотели?! (Наглеет.) Ишь, хитрые... Кладите монету.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Ну и хапуга. За такое маленькое предательство столько монет!

ОФИЦЕР. Я в твои годы только буквы учил, а ты — тысячу монет. (Всем.) Вырастет — бандитом будет.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Уже бандит и мародер.

КОМЕНДАНТ прижигает ему руку сигарой.

ПЛОХИШ (вопит). Ой, больно... Ой, руку сожгли!..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. С ним шутки плохи.

ОФИЦЕР. Выкладывай!

ПЛОХИШ (хнычет). А тысяча?!

КОМЕНДАНТ (хлещет его хлыстом). Лечь — встать! Кругом марш!.. На месте — бегом!..

ПЛОХИШ (послушно выполняет все приказы). Я скажу!.. Я все-все скажу, дяденьки... Они в горы подались... Навстречу Красной...

КОМЕНДАНТ. Перехватить Кибальчиша!..

ПЛОХИШ (как будто торжествуя). Не перехватите!

БУРЖУИНЫ (разом, пугаясь). Как?.. Почему?.. Наши солдаты...

ПЛОХИШ. У него... эта... труба... Не слышали?..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (оглядываясь на КОМЕНДАНТА). Не слышали.

ПЛОХИШ. Думаете, почему мальчиши в драке вас одолели?

БУРЖУИНЫ (одновременно). Они?... Нас?... Ха-ха-ха! С детишками противно драться!..

ПЛОХИШ (смеется). Одолели... Одолели... Кому-нибудь заливайте, а не мне. Я же все видел... Я в это время в кустах сидел.

БУРЖУИНЫ. А почему?

ПЛОХИШ. Потому что!.. (С некоторым торжеством.) У Кибальчиша труба волшебная!.. И когда он на ней играет, то у них силы увеличиваются в десять раз!.. И каждый из них как будто не один мальчиш, а сразу десять!..

НАЧАЛЬНИК. А мы ее у него отымем.

ПЛОХИШ. А вот и нет.

КОМЕНДАНТ. Это почему же нет?

ПЛОХИШ (совсем обнаглев). Ать-два!.. А монеты будут?

КОМЕНДАНТ. Будут... Будут...

ПЛОХИШ. А он от вас улетит... Вот почему.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Во дает. На чем же он, интересно, улетит?..

ПЛОХИШ (важно). А ему труба силу дает полетную... Он затрубит, затрубит в нее, оттолкнется от земли, и полетел.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. А что же его отец не улетел, когда его настигала смерть?

ПЛОХИШ. Вы какие-то странные... (Вдруг с гордостью.) Он же честный. Он же Родину свою любил. Он поле боя покинуть не мог.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Агитатор.

ОФИЦЕР. Сейчас оборву тебе уши.

ПЛОХИШ (пугается). Когда вы его начнете хватать, он и взовьется в небо... Вот увидите.

КОМЕНДАНТ. Наши снайперы... Без промаха по движущейся цели — пли-и-и! И нет Кибальчиша.

ОФИЦЕР. Я догадался, господа, он — агент Кибальчиша.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. В тюрьму его! (Хватает ПЛОХИША и с ловкостью защелкивает у него на руках наручники.)

ПЛОХИШ (заикается от страха). Я еще не все сказал... Вы его не подстрелите!.. Ваши снайперы!.. Потому что... (Сочиняет на ходу.) Он когда летит, то вокруг него... это, невидимый, непробиваемый круг...

КОМЕНДАНТ. Отставить тюрьму!.. Плохиш наш друг... (Хлопает ПЛОХИША по плечу.) Найдем общий язык. (Величественно.) Плохиш! Оказываю тебе особое доверие... Назначу самым главным предателем!..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Такое доверие! (Поспешно снимает с ПЛОХИША наручники.)

КОМЕНДАНТ. Смирно-о-о! (ОФИЦЕР, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ПЛОХИШ вытягиваются по стойке «смирно».) Живо — Кибальчиша!.. Арестовать!

Все уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Ночь. Костер светится, как факел. У костра спят усталые МАЛЬЧИШИ. Только КИБАЛЬЧИШ не спит да ЧАСОВОЙ. У КИБАЛЬЧИША на поясе труба. У ЧАСОВОГО в руке пистолет ОФИЦЕРА. Появляются БУРЖУИНЫ, они одеты во все черное, а лица их закрыты масками зверей и птиц. В масках сделаны громадные глаза, которые светятся фосфорическим светом. ПЛОХИШ с ними, он тоже в черном, только без маски. Его лицо — белое пятно во мгле. БУРЖУИНЫ волочат упирающегося ПЛОХИША. Притаились в кустах. КОМЕНДАНТ щелкает хлыстом. ЧАСОВОЙ вздрагивает, пугливо всматривается в темноту. Тут же неслышно выскальзывают буржуинские СОЛДАТЫ. Они тоже в черном и тоже в масках.

КОМЕНДАНТ (шипит как змея). Ш-ш-ш-и-и-т-т-т-о-о-о-к-р-ы-ы-ы-т-т-т-о-о-о - о - о... Марш-ш-ш-ш...

СОЛДАТЫ скользят, окружая лагерь МАЛЬЧИШЕЙ, только ножи блестят в темноте.

ЧАСОВОЙ (испуганно). Кибальчиш... ты не спишь?

КИБАЛЬЧИШ. Нет.

ЧАСОВОЙ. Пистолет, ох, какой тяжелый! Всю руку оттянул.

КИБАЛЬЧИШ. А ты положи его на землю.

ЧАСОВОЙ. А если буржуины?..

КИБАЛЬЧИШ. Тогда ты его схватишь.

ЧАСОВОЙ. Нет, так не полагается... Эх, жалко, что у человека глаза не кошачьи, а то бы все видели в темноте... (Всматривается в ночь.) Правда, Кибальчиш?..

КИБАЛЬЧИШ. Правда.

КОМЕНДАНТ (протягивает ПЛОХИШУ бутылку). За дело!

ПЛОХИШ (заикаясь, читает наклейку на бутылке). «Ключе-вая во-да».

КОМЕНДАНТ. Это снотворное. Они пьют... Засыпают... А тут мы!

ОФИЦЕР. И Кибальчиш в наших руках.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (раскладывает перед собой наручники, считает). Раз... два... три...

КОМЕНДАНТ (ПЛОХИШУ). Когда надо будет начинать — я дам сигнал... крикну вороной.

ПЛОХИШ. Я б-б-б-оюсь...

КОМЕНДАНТ дает ему подзатыльник — ПЛОХИШ падает. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ пинает его ногой. ОФИЦЕР подхватывает его, волочит к лагерю МАЛЬЧИШЕЙ.

ЧАСОВОЙ (испуганно вопит). Кибальчиш, там кто-то есть!

КИБАЛЬЧИШ (подбегает к ЧАСОВОМУ). Стой! Кто идет?..

ОФИЦЕР толкает ПЛОХИША вперед.

ПЛОХИШ (падает к ногам КИБАЛЬЧИША, голос его плохо слышится). Это я, ребята... Плохиш...

КИБАЛЬЧИШ. Плохиш?..

ПЛОХИШ. Своих не признаешь?

КИБАЛЬЧИШ. Сразу не узнал... Глазам своим не поверил... (Заглядывает ПЛОХИШУ в лицо.) Что с тобой?.. Тебя били?..

ПЛОХИШ (быстро). Не... Упал, когда за вами гнался... (Потрогал здоровенный синяк под глазом.)

БУРЖУИНЫ, изгибаясь, прячась, размахивая руками, как птицы крыльями, приближались к лагерю.

КИБАЛЬЧИШ. А что это ты оделся... во все черное?

ПЛОХИШ. Чтобы буржуины меня в темноте не поймали.

ЧАСОВОЙ (кого-то замечает). Стой на

— Это я... Плохиш...

месте! Стрелять буду! *(В ужасе поднимает пистолет.)*

ПЛОХИШ. Ты что орешь?..

ЧАСОВОЙ. Вон там... Я видел очки большие-большие и нож блеснул.

ПЛОХИШ. Это филин. А нож — его клюв.

ЧАСОВОЙ *(виновато)*. И верно — филин. Вон у него какие глазища. А я испугался...

КИБАЛЬЧИШ *(ПЛОХИШУ)*. Хорошо, что ты пришел... А то ребята...

ПЛОХИШ *(испуганно)*. Что — ребята?

КИБАЛЬЧИШ. Беспокоились о тебе.

ПЛОХИШ *(удивленно)*. Обо мне?

КИБАЛЬЧИШ. О тебе... Хотели возвращаться... Думали, вдруг тебе нужна наша помощь. *(Протягивает ему хлеб. Ласково.)* Возьми... Поешь... Небось, голодный.

ПЛОХИШ берет хлеб, медленно ест.

ЧАСОВОЙ. Кибальчиш... А что самое страшное на войне? Ну, самое-самое...

ПЛОХИШ. А ты что, испугался?.. Кибальчиш, он испугался, испугался!

КИБАЛЬЧИШ *(тихо, ПЛОХИШУ)*. Не надо так... *(Громко, ЧАСОВОМУ.)* А тебе зачем это?..

ЧАСОВОЙ *(смущенно)*. Ну... чтобы подготовиться.

КИБАЛЬЧИШ. Отец говорил, что измена... *(Вдруг.)* Мне сегодня сон приснился, что кто-то из мальчишей стал изменником...

ЧАСОВОЙ. Из мальчишей — изменником?.. *(Впервые громко смеется.)* Что ты!

КИБАЛЬЧИШ. И нас всех арестовали. И отцовская труба попала к проклятым буржуинам.

ПЛОХИШ. Может быть, тебе во сне приснилось чье-нибудь лицо?.. Из нас?.. *(Встает, отступает в темноту ночи.)* И ты кого-нибудь подозреваешь?

КИБАЛЬЧИШ. Никого я не подозреваю и снам не верю.

ПЛОХИШ *(садится на место, радостно)*. И правильно делаешь.

ЧАСОВОЙ. Кибальчиш... А если бы ты знал, что будет измена, что бы ты тогда делал?!

КИБАЛЬЧИШ. Жил бы так же... Дрался бы с буржуинами и был бы верным товарищем.

ЧАСОВОЙ. Кибальчиш, а хорошо, что у тебя труба волшебная... Ты как затрубишь в нее, так я сразу перестану бояться буржуинов и силы у меня уж как прибавляются.

КИБАЛЬЧИШ. А это и требуется солдату для победы — чтобы сил было побольше.

ЧАСОВОЙ *(всматривается в темноту, трет глаза, опять смотрит)*. Кибальчиш... *(Просит тихо.)* Потруби сейчас... Очень мне надо.

ПЛОХИШ *(пугается)*. Ты что... Мальчиши же спят... Им отдых требуется. *(КИБАЛЬЧИШУ.)* Кибальчиш, а правда, что труба дает тебе полетную силу?

КИБАЛЬЧИШ молчит.

ЧАСОВОЙ. Конечно, правда. Я сам видел, как он во время битвы с буржуинами прямо подлетел вверх.

ПЛОХИШ. Покажи, Кибальчиш... Оторвись от земли...

КИБАЛЬЧИШ. Ты же сам говорил — нельзя, мальчишей разбудим...

Вдруг где-то ухнула ворона: «Кар-р-р!» — протяжно, длинно. Все затихли, поглядывая друг на друга. БУРЖУИНЫ приблизились вплотную к МАЛЬЧИШАМ.

КИБАЛЬЧИШ *(тихо)*. Ну, вот и все.

ПЛОХИШ *(зевнул)*. Устал я...

ЧАСОВОЙ. А ты поспи. Отдохни... А я покараулю.

КИБАЛЬЧИШ встал и снял с пояса трубу.

ПЛОХИШ *(достал бутылку КОМЕНДАНТА)*. Не время сейчас спать... Выпью ключевой водицы... Она живая... *(КИБАЛЬЧИШУ.)* У тебя волшебная труба, у меня живая вода. У кого что... После нее совсем не хочется спать... *(Делает вид, что пьет.)*

ЧАСОВОЙ. Наша... ключевая?! Вот здорово! Плохиш, дай мне глоток.

ПЛОХИШ. На... *(Протягивает ЧАСОВОМУ бутылку.)*

ЧАСОВОЙ *(пьет)*. Почему-то горькая...

ПЛОХИШ. Тебе показалось... Кибальчиш, не выпьешь?..

КИБАЛЬЧИШ *(берет бутылку)*. А ты, Плохиш, добрым стал. Это хорошо. *(Подносит бутылку к губам.)*

ЧАСОВОЙ тем временем сползает на землю и засыпает. Над ним вырастает ОФИЦЕР и выхватывает у него пистолет.

КИБАЛЬЧИШ *(замечает ОФИЦЕРА, кричит отчаянным голосом.)* Мальчиши!.. Измена-а-а!..

Врываются БУРЖУИНЫ. МАЛЬЧИШИ вскакивают. Их окружают солдаты.

БУРЖУИНЫ *(разом)*. Где Кибальчиш?.. Труба?.. В наручники всех!..

Шум. Драка. КИБАЛЬЧИШ дерется изо всех сил. И МАЛЬЧИШИ тоже дерутся. Но постепенно солдаты их одолевают. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ защелкивает у них на руках наручники... И только КИБАЛЬЧИШ вырывается и убегает в ночь.

БУРЖУИНЫ *(кричат)*. Стой!.. Кибальчиш! *(Стреляют ему вслед.)* От нас не уйдешь!..

МАЛЬЧИШИ *(поднимают кверху руки, скованные наручниками)*. Бей буржуинов! Не поймать вам Кибальчиша! *(В ответ им начинает играть труба Кибальчиша.)* Ура-а-а! Кибальчиш жив!.. Да здравствует свобода!..

А БУРЖУИНЫ снова начинают пальбу, надеясь, что убьют КИБАЛЬЧИША... Но только напрасно: труба играет все сильнее и сильнее. Теперь ее слушают все молча — одни от восторга, другие в ужасе.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

НОВЫЙ ЭТАЖ

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,

лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской

Зимний солнечный день слепил светом глаза. Вдоль улиц едва не до плеч высились пышные сугробы. Весело поскрипывал под ногами снежок.

Саша и Володя Ульяновы торопились со всех ног, возвращаясь после уроков из гимназии. Наверное, вернулся из поездки папа. Дал знать, чтобы сегодня ожидали.

Так и есть. Ворота во двор распахнуты, и обтянутый войлоком возок, с пушистыми хлопьями снега на дуге и боках, стоит еще не распряженный у заднего крыльца.

Мальчики мигом влетели в дом.

— Папа! Здравствуй!

Сестры, маленький братишка Митя облепили отца, виснут, целуют. Мама с радостной улыбкой ждет очереди обнять Илью Николаевича:

— Голубчик наш! Устал. Отдохнуть бы тебе надо.

— Эх, Машенька, где уж тут отдыхать! Школьники и учителя меня по всей губернии ждут. Школам-то нашим несладко живется.

И начинается долгий рассказ. Сегодня, завтра, лишь выпадет свободный часок, папа рассказывает. О чем? Да все о том же, о бедах крестьянских школ. Там нечем топить печку, дров не подвезли: школьники и учительница мерзнут в нетопленном классе. Там не хватает букварей и ни единой книжицы для чтения нет.

В деревнях нашей Симбирской губернии много живет татар, чувашей, мордвин — грустно и тяжело, что их ребятишек правительство вовсе запрещает учить.

Зачем им грамота? Землю пахать, сено косить и без грамоты можно. На их языках и азбуки нет.

— Папа! Ведь несправедливо! — в тревоге восклицает Володя.

— Несправедливо, — согласен отец. — Борюсь, как могу. Поткрывал несколько школ. За каждую бой, но как ни бейся, начальство такие преграды строит, что измотаешь все силы, а толку мало.

...Пройдет много лет. Сын директора народных училищ Симбирской губернии Володя Ульянов станет известным всему человечеству Владимиром Ильичем Лениным, создателем Российской Коммунистической партии, руководителем первой в мире победившей пролетарской революции, первого в мире рабоче-крестьянского государства — РСФСР.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — такой страны еще не бывало на земном шаре. Все вновь, все впервые.

На рассвете начального дня Советского государства, когда только что свершилась Октябрьская революция, Ленин написал два декрета: о земле и о мире.

В царской России земли принадлежали императорской фамилии и помещикам.

В царской России велись нередко захватнические несправедливые войны.

Отныне такого не будет. Хозяевами земли будут люди, которые на ней трудятся, пахут, засевают, убирают урожай.

Советские люди хотят мира. Долой войну!

Легко, хорошо дышалось Владимиру Ильичу, когда он писал эти замечательные декреты.

Народ сразу понял: пришла к нам наша народная власть.

Конечно, российские и иностранные буржуи не обрадовались созданию пролетарского государства. На Советскую страну, боясь ее новой жизни, поднялись полчища врагов. «Товарищи, мы в огненном кольце», — писал пролетарский поэт Демьян Бедный.

Но Красная Армия защищала Советскую Родину с отчаянной смелостью, весь народ ей помогал. Четыре года длилась гражданская война и окончилась славной нашей победой. Теперь все силы на строительство новой жизни.

При царе и буржуях рабочие работали двенадцать часов в сутки, а то и пятнадцать. Председатель Совнаркома Ленин подписал декрет: рабочий день для всех восемь часов.

Заводы и фабрики, железные дороги, шахты и копи, нефтяные промыслы, банки — все переходит государству. Все народное, все советское, все государственное.

Для детей трудящихся открыты все школы, все институты бесплатно. Учитесь.

Вот какой небывалый переворот произошел в нашей стране. Во главе всего нового, небывалого стоял Владимир Ильич, стояла партия коммунистов.

Основная задача — крепить Советскую Родину.

Много народов объединяли и объединяют ее обширные границы. Русские, якуты, башкиры, буряты, чуваша, калмыки, балкары... — сто с лишним национальностей.

При царе Российская империя тоже была многонациональной. Более половины населения по национальности были нерусские. Горько жилось в царской России нерусским народам.

Было так. Была Россия. А Украины вроде вовсе и не было. И Белоруссии не было. И Армения, и Азербайджан, и Грузия считались лишь частью России. Окраины. Никаких прав, никакой самостоятельности не давали народам. У многих народов даже своего алфавита и грамоты не

было. Людей унижали. Называли инородцами.

«В нашем советском обществе ни тени нельзя оставить от прошлого», — думал Владимир Ильич.

В его гениальном уме рождались и зрели великие планы дальнейшего строения Советского государства. «Здание то же, но требуется создать новый этаж» — так называл это Владимир Ильич.

...Но здоровье его ухудшалось.

Советский народ восстанавливал разрушенное войной хозяйство, а контрреволюция пряталась и тайно вредила. Три отравленные пули послала контрреволюция в спину Владимира Ильича. Одна попала в руку, ее не удалось извлечь. Рука ныла. От крайнего переутомления невыносимо болела голова. Владимир Ильич перемогался. Нельзя хворать. Надо вести революцию дальше. Строить «новый этаж».

Об этом Владимир Ильич думал дни, думал ночи. Сон бежал от него. Иногда в бессонные часы вставали перед его воспаленным взором картины далекого детства. Слышится музыка. Мелодичные и грустные, перебиваясь светлой радостью, звуки плывут по вечернему дому Ульяновых. Моцарт. Мама играет. Как чудесно на душе!

Или вспомнится день, когда во дворе стоит еще не распряженный, занесенный в дальней дороге снегом возок. Отец постоянно, и по осенней распутице, и по зимней выюге, в разъездах.

— Худо нашей сельской школе живется, — грустит, возвратившись из поездок, отец. — Над учителем командуют поп да кулак. Особенно плохо чувашской и татарской ребятне. Их и за людей не считают. Издеваются над нерусскими людьми. Татарина высмеивают: «Князь». Украинца — «хохол». Грузина — «кавказский человек».

«Вся жизнь для пользы народов! Вся жизнь — подвижнический труд, — вспоминает отца Владимир Ильич. — Тем выше, тем шире и глубже долг коммунистов перед народами...»

Октябрьская революция родила республики: Российскую, Украинскую, Белорусскую, Закавказскую. Республики дружно,

по-соседски живут. Цель у них одна — социализм. Чтобы лучше добиваться цели, надо республикам объединиться в один большой Советский Союз. Как нам объединиться?

Возникли споры среди товарищей Владимира Ильича. Даже несогласия с Лениным возникли у некоторых.

Ленин всегда считал национальную политику важнейшим делом и заботой партии. На десятом партийном съезде делегаты полностью с ним были согласны: угнетенных народов в Советском Союзе быть не должно, все равны. Никто из коммунистов никогда не изменял справедливым суждениям партии.

Но когда дело дошло до объединения национальных республик в одно государство, мнения разделились. Образованная Центральным Комитетом партии Комиссия приняла решение: единым Советским государством провозглашается РСФСР, а Украина, Белоруссия, Закавказье и, если образуются, новые республики, входят в РСФСР. Но высшими органами власти и управления в государстве остаются Российские — Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, Совет труда и обороны. Значит, каждая республика будет частью РСФСР.

О! Как возмутился и воспротивился Владимир Ильич!

Волжские впечатления детства, горестные рассказы отца о неравенстве и унижении нерусских народностей Симбирской губернии, свои наблюдения над угнетенной жизнью народов в царской России ожили с убийственной силой.

Конечно, не только эти впечатления настраивали творческую мысль Ленина. Коммунист, он по-коммунистически мыслил: народам нужен хлеб, но не только хлеб. Нужно чувство достоинства, равенства.

Независимые советские национальные республики **не вступают** в РСФСР, а **объединяются с ней в новое государство**, категорически настаивал Ленин. Вступить и объединиться — не одно и то же. Это и будет тот «новый этаж», федерация равноправных республик. И органы общегосударственной власти и управления должны быть составлены из представителей

всех республик и быть равноправными.

Больной, преодолевая тяжкие страдания, Ленин с помощью верных друзей организовывал, организовал и добился поддержки среди передового народа, масс трудящихся, съездов Советов в губерниях и уездах — поддержки своей пламенной и гениальной идеи.

И комиссия перестала противиться и согласилась с Лениным.

Будет Союз равноправных республик — СССР.

План создания Советского государства обдумывался, готовился и свершался Владимиром Ильичем все годы его революционного творчества. Когда двадцатитрехлетним молодым человеком он приехал в Петербург и организовывал там «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — начало партии, уже тогда мысль о будущем пролетарском государстве наполнила его сердце и ум.

В Шушенском, в ссылке, революционная работа Владимира Ильича не замедлялась ни на день. Ленин подготавливал создание Коммунистической партии и пролетарского государства.

В эмиграции Владимир Ильич написал много статей и книг, обучающих рабочий класс и коммунистов марксизму и борьбе с буржуазией и царским режимом. Мудра, проникновенна книга об этой борьбе и строительстве советского общества, написанная Лениным в шалаше за озером Разлив под Петроградом, где товарищи укрывали Владимира Ильича после возвращения его из эмиграции от преследования полицейских ищеек.

Книга называется «Государство и революция».

Октябрьская революция свершилась. Владимир Ильич хотел продолжать работать над книгой, но заканчивает словами, бесконечно волнующими, что написание ее, «пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

Опыт революции Ленин проделывал до последнего вздоха.

Болезнь все беспощаднее надвигалась на Владимира Ильича. Он лежал в своей комнате в кремлевской квартире. Правая рука поверх одеяла недвижна.

Но голова ясна, страстно работает.

Вчера, 30 декабря 1922 года, в Москве открылся I Всесоюзный съезд Советов. Был утвержден договор о создании Союза Советских Социалистических Республик. Сбылись мечты и планы Владимира Ильича о полном равноправии, дружбе, единстве всех советских народов.

Сегодня, 31 декабря 1922 года, Владимир Ильич, как в прежние дни, прикован к постели. И думает, думает. Болезнь опасна. Надо успеть оставить товарищам и советским народам напутствия, как жить дальше. Как строить социализм, крепить и оберегать СССР. Советские республики должны прочно дружить. Не должно быть раздоров и распрей. И тогда СССР станет справедливым и несокрушимым многонациональным государством.

Владимир Ильич диктует об этом письмо съезду. Стенографистка записывает. Быстрее, быстрее. Доктора разрешили Владимиру Ильичу диктовать лишь сорок минут в день.

Сорок минут истекли. Надежда Константиновна сменяет стенографистку у постели больного. Улыбка ее спокойна. Безмерно любит Надежда Константиновна друга, мужа Владимира Ильича! Любовь помогает собрать силы: надо казаться спокойной.

— Надюша, великое дело свершилось: родился Союз Советских Социалистических Республик, СССР.

— Ты всю жизнь отдал этому великому делу,—говорит Надежда Константиновна.

— И партия. И народ,—подхватывает Владимир Ильич.—Спасибо отцу,—говорит он.—Первые мысли о равенстве наций еще в детские годы мои заложены им. Но у него было мало сил и много врагов. У нас враги тоже есть, но у нас много сил. Надюша, молодость вернулась к нам.

И верно, глаза Владимира Ильича молодо блестят. Он счастлив—так огромно достижение, велика и благородна победа.

— А ведь нынче новогодний вечер, Володя,—вспоминает Надежда Константиновна.

Наклоняется, целует его.

— С Новым годом, дорогой наш Ильич!

НАШ ГАГАРИН

ПИОНЕРЫ В ГОСТЯХ У АННЫ ТИМОФЕЕВНЫ ГАГАРИНОЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Часто к Анне Тимофеевне Гагариной — матери первого космонавта — приходят ее юные друзья и помощники, пионеры.

Любят они вместе попить чаю, поговорить по душам, и каждая такая встреча с Анной Тимофеевной становится для ребят праздником.

Однажды и мне довелось побывать в гостеприимном доме Анны Тимофеевны, услышать ее беседу с ребятами из школы № 1 имени Юрия Алексеевича Гагарина города Гагарина — Верой Виноградовой, Галей Селедкиной, Таней Привольневой, Юрой Щурой, Володей Венедиктовым, Наташей Загичко, Наташей Долгих, Колей Русских, Мариной Савельевой, Валерой Алексеевым, Таней Головкиной, Ритой Тарасовой, Володей Пальвинским и тремя братьями Бакуневичами: Колей, Сережей и Сашей.

Я даже записал этот разговор и решил передать его вам.

— Анна Тимофеевна, какое у вас было ощущение, когда вы узнали, что ваш сын первым полетел в космос?

— Радио было выключено. Жена моего старшего сына Валентина пришла и спросила: «Почему у вас радио не работает?» Я говорю: «А что?» — «Да Юра, — говорит, — в космосе». «Какой Юра?» — «Да наш Юрка, сын ваш».

Я сомневалась. Включила радио, слушаю, передают: «Гагарин Юрий Алексеевич в космосе». Сомнения у меня пропали. Ну, ощущение такое, что я уже не могла быть дома. И я говорю: «Вы как хотите, а я еду в Москву, потому что у Вали, Юриной жены, две маленькие девочки — одна только родилась, и второй еще двух лет нет. Я поеду туда, надо помогать Вале». И я быстро собралась.

Вот поезд тронулся, поехал. Ну, там в поезде, наши были, гжатские, из нашего города, они уже слышали о Юре, поздравляют. Зовут: «Иди, рядом садись». Подходит ко мне пожилой человек, пожал руку и прослезился. Ушел, больше ничего не сказал.

В Можайске я узнала, что приземлился Юра благополучно. А на Ярославском вокзале в

Москве села я в электричку и слышу люди разговаривают, мол, так-то и так, наш советский человек в космосе, биографию его пересказывают. Сижу потихоньку и говорю сама с собой: «Это мой сын! Это мой сын!». Соседи меня услышали. «Как?» — говорят. «Да так!» — «А чем вы можете доказать?» А я говорю: «Не буду и доказывать. Чем я могу доказать? Еду дочек Юриных нянчить». «А как девочек звать?» — стали меня проверять. Я говорю: «Одну — Леной, а вторую они еще не назвали, потому что Юра был в командировке, без него не назвали». — «Ну, мы остановим поезд, — говорят, — качать вас надо». — «Вы остановите поезд, а я сяду на второй и поеду. Надо Вале помогать. Тем более, это не я совершила подвиг, а сын подвиг совершил».

Так в разговорах приехали на Чкаловскую. Они тогда жили на станции Чкаловская. Там народу, корреспондентов, окружили, ой! Весь дом был окружен. Я поднялась на пятый этаж, а они за мной бегут, кричат: «Мать Юры! Мать Юры! Он как две капли воды на мать похож!»

И уже вечером меня возили туда, где он работал, где готовились они к полету. По телефону соединили меня с Юрой, разговаривала. Что я могла говорить? «Ну, как?» — говорит Юра. «Да вот, приехала уже сюда», — отвечаю. «Ну, что, наверное, вы там волновались?» — «Да, было дело! А ты поехал, полетел, таких маленьких детей оставил. Ну, ладно, все совершилось хорошо. Ждем!»

— Анна Тимофеевна, какие качества в характере человека вы больше всего цените?

— Какие качества? Доброту, смелость, мужество, вот каким был Юра. Он был очень смелый, был очень добрый, с самого детства. В школе всегда старался помочь отстающему товарищу. Заступался, когда кто-нибудь обижал человека. Не давал в обиду никогда младшего или слабого человека.

— А как Юра учился в школе?

— Учился Юра всегда отлично, старался, чтобы все учились хорошо. Тогда трудное время было. Сейчас вот вы все обуты, одеты, на вас приятно смотреть. В послевоенное

время было тяжело жить. Не было ни тетрадей, ни учебников, ничего не было, а он упорно трудился. Всегда дома он старался помочь матери, отцу, брату.

— Анна Тимофеевна, каждый человек в жизни встречается с трудностями. А вот вам кто помогал в трудные минуты? И в чем вы видите настоящую поддержку?

— Дети помогали. Сын Валентин во всем помогал. До войны Юра был еще небольшой, дочка за ним присматривала. Дочери, конечно, больше всех досталось. Я работала в поле. Она, бывало, берет Юрия, а еще сама была маленькая, и тащит ко мне кормить в поле. Даже было такое, что не посмотрит, как взяла.

Валентин больше помогал на свиноферме. Я работала заведующей свинофермой. Он возил сыворотку с молокозавода и другие продукты для свиней. Траву косил, лебеду, молочник, для того чтобы свиней кормить. Стадо в колхозе было большое.

— Анна Тимофеевна, любил ли Юрий Алексеевич музыку, и как вы относитесь к музыке?

— Юра музыку очень любил. Он играл в духовом оркестре в Доме пионеров. Ну, и я, конечно, музыку люблю. Как же музыку не любить? Без музыки нельзя жить.

— Анна Тимофеевна, вот нас три брата: Саша, Сергей и я — Коля. Как сохранить нам свою братскую дружбу навсегда?

— Первым делом нужно уважать друг друга. Помогать друг другу. Могут быть и ссоры. Это вполне естественно. Но надо их переносить не со злобой, а лучше с какой-нибудь шуткой. Один уроки не выучил, другой — ложку не ту взял. Подскажи, посоветуй, не придирайся. И еще. Нужно, чтобы одному за всех быть, всем за одного.

— Анна Тимофеевна, на улице Гагарина, где вы живете, очень много зелени. Весной пионеры и комсомольцы сажают деревья и кустарники. Я уже тоже посадил несколько деревьев. А вы за свою жизнь много посадили деревьев?

— Много. В деревне, когда жили, сажали яблони. А потом здесь жили, в городе. После войны все было разрушено: деревья, роции фашисты свели: партизан боялись. И мы потом сажали очень много елочек. Ну, и сад здесь посадили.

Вспоминаю один случай. Приехал корреспондент, привез яблочек хороших, сорт называется «Ровесница Гагарина». Вывели его на Украину на Млиевской станции. Мы яблоки кушали и семена собирали. Был с нами Алексей Архипович Леонов. И вот корреспондент — Владимир Григорьевич Тищенко — подходит и говорит: «А давайте попросим Алексея Архиповича, может, он передаст эти семена в космос?». Алексей Архипович говорит: «Вот это идея! Я ребятам-космонавтам семена эти передам».

И он передал эти яблочные семена в космос. Они пролетали 175 суток. Семена в космосе проросли. Свезли семена на станцию и вырастили саженцы. В 1980 году присылают мне и

Валентину письмо, чтобы мы приехали, посадили там деревья. Поехали мы туда. И я там сажала яблони. Мне присвоили звание «Почетный садовод станции» и значок дали, и удостоверение... Я деревьев за всю свою жизнь много сажала. Люблю деревья.

— Анна Тимофеевна, вот Юрий Алексеевич писал письма. Что он вам в них писал?

— Он писал часто, очень часто, писал всегда хорошие, теплые письма из ремесленного училища, из Саратовского индустриального техникума, из военного училища, и когда служил на севере. «Далеко нахожусь от вас, жалко, что не могу на огороде поработать. Хочется поработать на огороде»... Вот выучитесь вы, разлетитесь по разным сторонам, не забывайте родителей, пишите им чаще письма. Для родителей очень дорого и очень приятно получать от детей письма.

— У каждого человека в жизни есть своя цель. У меня тоже в жизни есть цель, но для ее достижения нужны такие качества, как сила воли, настойчивость, у меня этих качеств, кажется, не хватает. Вот какой вы мне можете дать совет, как развить эти качества?

— Совет может быть один: не искать для себя каких-то привилегий. Никогда не оправдывать в душе самого себя, а быть более настойчивым и всегда стремиться к той цели, которую ты поставил перед собой. Когда Валентин сделал Юре первый планер, в компании ребят его сломали. Снова сделать планер у старшего брата времени не хватало. Юра тогда сам начал делать. И он добился того, что сделал сам планер... Я уже говорила, Юра играл в духовом оркестре на трубе. Долгое время у него это не выходило, и отец был против, не хотел, чтобы он играл на трубе, мол, что это за инструмент? Но Юра не мог отступить. Если за что брался, доводил дело до конца.

И еще хочу сказать. Держите себя в руках. Хочется баловать, так нет, скажите себе: «Нельзя, не буду». Вот самое главное. И то мужество! А некоторым кажется: закурил папиросу — и молодец! А по мне молодец тот, кто много книг читает, хорошо учится, малого в обиду не дает, правды не страшится. Из таких вырастают настоящие люди. Надо вырасти для Родины настоящим человеком.

Г. ЦЕПУЛИН

КОГДА Я НОСИЛ КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

1922-1982

Сегодня о своем пионерском детстве в нашей рубрике рассказывает **Юлия Титовна БАРУЛИНА**, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС, стерженница Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева.

Старые отцовские сапоги

Первые послевоенные годы — время трудное и удивительное. Сегодня, вспоминая его, порой не верю: неужели это действительно было? Но каждый раз память отвечает, что пережитое тогда — правда. И вспоминается ежедневная дорога за три километра в школу. И метель, когда не за что уцепиться глазу, не разобрать пути, когда пропадает всякая надежда найти жилье.

Вспоминаются и голодные волки в поле, и мы, ребята, в страхе убегающие прочь. И тот радостный день, когда впервые повязали пионерский галстук, и я не знала, куда деться от волнения, тревоги и счастья.

В большой нашей деревне Колесники на Смоленщине было много ребят и взрослых. Шестьдесят дворов. Из каждого уходили на войну отцы, сыновья, братья. Не вернулся никто. Погиб и мой отец, трое осталось нас у матери, круглый год трудившейся в колхозе. Вниманием она нас, понятно, не баловала, все свои детские проблемы решали мы сами.

Однажды весной талые снега наполнили водой мелковатую, узенькую речку. Бревнышки, по которым переходили на тот берег, к школе, скрылись под водой, не пройти по ним в ветхой нашей обуви. А разуваться холодно: весна, река студеная. Стоим на берегу, думаем, как быть. А до начала урока совсем немного осталось. Вдруг видим: летят с того берега к нам сапоги. Старые, наверное, еще отцовские. Они каким-то чудом уцелели у одного из ребят и выручили нас из беды.

Хотя, конечно, выручили нас не сапоги, а тот

Наш товарищ терпеливо ждал, пока вся компания переберется на другую сторону.

мальчишка — пионер, который швырнул их через разлившуюся речку. Мог бы повернуться и побежать к школе, вместо того чтобы стоять босиком на холодной земле и терпеливо ждать, когда вся компания переберется на другую сторону. Кажется, мы даже не поблагодарили этого парня: наверное, боялись обидеть. Потому что поступок его был обычным, естественным для пионера тех лет.

Сейчас я размышляю о том, что спланивало нас, пионеров, в то нелегкое время. Думаю, общее горе. Каждая семья в нашей деревне получила похоронку. И заботы и трудности каждого из нас стали общими. И решать их надо было сообща.

Помогала нам сродниться и сдружиться нехватка самых необходимых вещей. Одни на всю деревню сапоги. Одни лыжи, на которых катались по очереди, честно, по уговору возвращая товарищу единственный на шестьдесят дворов учебник «Родная речь», потрепанный, но бережно сохраняемый для малышей, которым учиться по нему и завтра.

Сапоги, лыжи, книжки, школьные утренники, новогодние подарки — сто граммов карамелек «подушечка»... — они были общей радостью, объединяли нас в дружную и крепкую семью, носившую красные галстуки. Мы учились ценить труд людей, подаривших нам эти, такие простые и удивительные вещи, и сами учились трудиться.

...Скоро двадцать пять лет, как работаю я на автомобильном заводе имени И. А. Лихачева. С нашего конвейера сходят новенькие грузовики

ЗИЛ-130. Из разговоров в школах я знаю, что ребята любят эти автомобили, хотят работать на них, собирать машины своими руками, мечтают стать шоферами или автосборщиками. И немногие — литейщиками, как я. Хотя литейный цех — один из самых важных на заводе.

Я очень люблю свою работу стерженщицы. Внешне она напоминает детскую игру в куличики. Только делаем мы этих «куличиков» — стержней больше тысячи штук за смену, причем самых сложных по форме. Вокруг этого стержня из речного песка застывает горячий металл, и получается отливка, рождается деталь автомобиля.

Так что дорога будущего грузовика начинается в литейном цехе. И работа литейщика — в основе всего современного машиностроения.

...Мальчишка за школьной партой задумался о том, кем быть. А я вспоминаю свое детство, и мне снова видятся старые отцовские сапоги, летящие через речку. Наверное, тот случай помог мне сделать очень важное открытие: любое большое дело начинается с уважения к самым простым, будничным вещам.

Мальчишка задумался... Что он выберет? Не испугают ли его шум станков и горячие брызги металла, суровые степные ветры и шторма морей — первые шаги предстоящего большого пути?

Я верю, что он не оробеет и сделает трудный, но верный выбор.

Записал А. ВОРОБЬЕВ.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

ЗЕЛЕНЫЙ ПОПУГАЙ

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА.

Шарманщик был высок и сутул, с красным, скрутившимся колбасой шарфом, перекинутым через плечо. На шарманке малиновый бархатный верх с кисточками-бомбошками... А попугай на шарманщикове плече — зеленый. Он чистит широкий клюв о седые спутанные волосы хозяина и кричит: «Ангел мой... Шампанского сюда!» Он с поворотом ходит по хозяйскому плечу, и, когда шарманщик поет «Разлуку», он кланяется.

Шарманщик стоял у нашего дома, крутил шарманку и выпевал, обратив лицо к верхним этажам, что вещая птица — попугай с Мадагаскарских островов предсказывает всю судьбу наперед за пятак.

Желающие знать «судьбу наперед» вокруг шарманщика не толпились, на вещую мадагаскарскую птицу не напирали — выскакивали из парадной по одной, в основном молодые беззаботные няньки, бросали пятаки в раскрытую баночку из-под монпансье, чтобы звякнуло, и опускали глаза. За тем, чтобы звякнуло, попугай следил строго: если не звякнет, то и не спрыгнет с шарманщикова плеча, не вытащит из картонной коробки сложенное в виде пакетика с аспирином предсказание судьбы.

Попугай опускал пакетик на малиновый бархат, подталкивал его клювом к девице и спешил отойти.

Девы читали предсказания, шевеля губами или вслух по складам. Некоторые просили ребятишек из толпы прочитать и краснели. Отходя от шарманщика, они чаще всего улыбались. Лишь одна, женщина в черном платке, прочитав бумажку-предсказание, плюнула и бросила его на землю. Какая-то девчонка маленькая подобрала бумажку.

Шарманщик пел «Разлуку» высоким, с трещинкой голосом. Попугай кланялся, кричал: «Шампанского сюда!»

Ребятишки, и я в их числе, палились на него и умоляли: «Скажи: попка-дурак».

Шарманщик закрыл баночку из-под монпансье крышкой, сунул ее в карман, завалил шарманку за спину и пошел, прихрамывая.

Ребятишки тронулись всей толпой — за шарманщиком ребятишки всегда идут. Объясняли друг другу устройство шарманки и способы дрессировки попугаев, среди которых самые звери — какаду.

Я трусил позади всех.

Помню, как с замиранием сердца перешел мост.

В небольшой толкучке с горячими пирожками, пивом и бросанием ножей «на сюрприз» шарманщик остановился, завел свою музыку.

Толпа ребятишек распалась. Кто куда побежал: кто к ножам, кто к молоту-силомеру, кто искать балаган, где показывают бородатую женщину-великанку.

А я хотел, чтобы меня заметил попугай. И не одним глазом, то ли правым, то ли левым, но двумя сразу, тогда бы я его понял. Глаза его состояли из разноцветных кружков — мне казалось, они вращаются в разные стороны. Зеленые перья блестели. Попугай встряхивал ими, и я надеялся, что, на мое счастье, хоть одно перышко выпадет, ведь у курицы-то падают.

Желающих узнать судьбу было мало, наверное, здесь узнавали ее другими способами. Взрослые люди, мне это было совсем непонятно, добивались, некоторые даже с возмущением, чтобы попугай сказал: «Попка-дурак».

И мы пошли на другое место.

На улице было много ярких афиш — я понимал их как украшение. Мне казалось, что на улице всегда праздник, что в гривы лошадей всегда вплетены банты. Везде торговали с лотков: котлетами, картофельным пюре с огурцом, мороженым, сладостями и печеньем.

Трамваи погромыхивали на стрелках. Автомобиль иногда проезжал.

Меня начал одолевать голод. Но я неотступно шагал за шарманщиком. Попугай суетился у него на плече. Вдруг, глядя на меня, он закричал по-птичьи. Шарманщик остановился, повернулся ко мне.

— Зачем ты за мной идешь, мальчик? — спросил он. — Тебе нравится музыка?

Я показал на попугая.

— Тебе нравится эта птица?

Я кивнул. Шарманщик снял попугая с плеча, посадил на палец. И, сидя на пальце, попугай отчетливо произнес: «Дур-рак».

— Вот так-то, — сказал шарманщик. — Иди домой. Тебя, наверное, мама ищет.

Я тут же вспомнил о маме и побежал. Но бежал я не домой, я бежал от обиды.

Бежал до тех пор, пока не врезался в ноги милиционеру.

— Ты чей? — спросил он, придерживая меня за плечо.

— Мамин, — сказал я.

— Понятно. А где ты живешь?
— В большом сером доме,— сказал я.
— А как к твоему дому идти?

И тут до меня вдруг дошло, почему попугай назвал меня дураком, и как водой окатило — я заблудился! Мама часто говорила мне: «Не ходи за мост» — и ремнем трясла, чтобы я осознал, значит.

— Потерялся,— сказал милиционер.— Понятно.

А я шумнул носом.

Он подал мне руку, и я вцепился в нее, как в спасительный плот. Он был блеклосиний — милиционер,— все на нем было блекло-синее, кроме сапог. Пахло от него сапожной ваксой и махоркой.

— Почему ты мамкин, а не папкин? — спросил он меня, помолчав.

— Папка уехал,— сказал я, не подозревая по своему простодушному невниманию к родителям или, может, из-за родительской скрытности, что отец навсегда уехал, что с этих пор он будет у меня лишь в анкете, а

потом и в анкете я стану писать: «Сведений об отце не имею».

В милиции пахло духами. Женщина с губами розочкой и длинными в два ряда бусами подносила к лицу платок, вздыхала, и тогда в милиции, на мой взгляд, нечем было дышать. Я не любил духов, их запах говорил мне о ссадинах и синяках: мама не пользовалась ни зеленкой, ни йодом, она смачивала мои болячки одеколоном или привязывала столетник.

Душистая женщина плакала. А за барьером сидел усатый, смотрел на нее с неприязнью и говорил, будто спички чиркал:

— Перестаньте, Водовозова.

И я понял, что он командир над всеми.

— Найденьш,— сказал командир про меня. И на немой вопрос моего милиционера ответил: — Не заявляли еще.

Мой милиционер закурил, заговорил о чем-

*Я неотступно шагал за шарманщиком.
Попугай суетился у него на плече.*

то с другими милиционерами и все держал меня за руку, иногда пожимая ее—давал понять, что он обо мне помнит и думает.

В отделение ввели раскровавленного парня. Водовозова зарыдала, буквально затопив милицию запахом своих духов.

— Плотников, отведи мальчика,—велел командир.

Мой милиционер, он же Плотников, ничего не ответив, открыл дверь, обитую клеенкой, и втащил меня в комнату довольно большую, квадратную, с зарешеченным изнутри окном. Здесь мне предстояло прожить до утра.

Справа от двери в углу стоял сундук старого красного лака. Отступив от стены, чуть ли не посередине комнаты, высилась круглая черная печь. Между сундуком и печкой была стойка с винтовками. Над ней портрет Ленина в рост. У окна стоял стол, покрытый кумачом. На нем лежали газеты и журналы.

Плотников посадил меня на сундук.

— Посиди, я сейчас.

Он вышел и вскоре вернулся с черным полушубком. Снял меня с сундука, постелил полушубок и посадил снова. От полушубка шел деревенский запах. Я вспомнил бабушку и овец. Овец почему-то во всей деревне поголовно Борьками называли. И еще я каким-то неведомым чутьем понял, что не только я из деревни прибыл, но и сам Плотников тоже.

Он снова ушел и вернулся с миской горячей гречневой каши с топленным маслом и куском хлеба.

— Поешь нашего ужина,—сказал он.— У нас питание хорошее.

Я ел, пока ложка не выпала у меня из руки и я не заснул.

Когда проснулся в первый раз, за столом сидели милиционеры, тихо, чтобы меня не разбудить, играли в домино. Я уставился на них. И они на меня уставились с любопытством.

— На двор хочешь? — спросил наконец один из них, совсем молодой. Я кивнул.

По дороге я спросил, не нашлась ли мама.

Милиционер сказал, что в соседнее отделение милиции поступило заявление от одной гражданки о пропаже сына. Утром будет опознание.

— А если она ошибется? — спросил я.— Если она чужая?

— Как же она ошибется, если тебя увидит? Мать не ошибается. Моя так, к примеру, сразу скажет: «Сергея!» — и за ухо. И не посмотрит, что я в милиции.

Мы вернулись, и я снова уснул.

Когда я проснулся во второй раз, в комнате был только Плотников. Он сидел на табуретке возле сундука и держал в своих огромных руках мою руку. Он легонько распрямлял мои пальцы, рассматривал их и как бы гладил. А на нижнем его веке дрожала влага. «Плачет, что ли? Может, в деревне у него сын остался или дочка, как я, такие. И он скучает по ним».

— Дядя Плотников, ты что? — спросил я тихо.— Ты не горюй.

Он еще подержал мою руку, встал и, вздохнув, пошел к окну.

— Спи,—сказал он.— Еще ночь.

Был он без сапог и без ремня. Ремень его с наганом лежал на столе, сапоги стояли у печки.

«Может, он спать хочет, а я его место занял»,—я подвинулся к стенке.

— Дядя Плотников,—сказал я.— Ложись. Мы поместимся...

Он улыбнулся, припал лбом к железным прутьям, загородившим окно.

— Нам спать нельзя, не положено — служба... А это,—он смешно лягнул ногой,—сапоги я снял, чтобы ногам отдых дать. Они раненые, ноги-то. Устают...—Он смотрел в темную ночь за окном, и его плоская костистая спина была какая-то незащищенная.

Вот тогда я и услышал запах. Я его и раньше чувствовал, но ни к чему применить не мог—запах шел от винтовок, стоявших в стойке. Я потрогал одну, понюхал руку. Рука стала масляной, она пахла то ли горячей свечкой, то ли мокрым железом.

В дверь просунулся молодой милиционер Серега, сказал шепотом:

— Плотников, по тревоге...—Он вошел в комнату, взял из стойки винтовку. Потом рукой пересадил меня на стол и открыл сундук. Как я сейчас понимаю, в сундуке в подсумках лежали патроны. В комнату один за другим быстро входили милиционеры, не суетясь и не разговаривая, брали винтовки, патроны и уходили. Уходя, каждый из них гладил меня по стриженной наголо голове, и запах ружейного масла как бы вошел в меня, слился с моим собственным запахом. Плотников сапоги надевал, наган проверял. Он и пересадил меня обратно на сундук. И тоже по голове погладил.

— Ты первый-то не иди,—сказал я ему.

Он дольше, чем можно было по тревожному положению, смотрел на меня, стоня складки на гимнастерке от живота к спине, и я понял: пойдет.

А ждал его...

Без винтовок стойка выглядела лишней в этой комнате, которая сразу же стала похожей на сельсовет. Но именно схожесть с сельсоветом или жактом, где моя мама иногда мыла полы, успокоила меня, я подsunул кулак под щеку и уснул.

Когда я проснулся, винтовки стояли в стойке. На столе горой лежали подсумки. А по кумачовому полотнищу, заменяющему скатерть, угрюмо, даже свирепо расхаживал зеленый попугай. Он отрывал от газет и журналов ленты и швырял их на пол. И что-то он говорил. И вздыхал, как вздыхают люди. Услышав мое шевеление, он вспорхнул и уселся на одну из винтовок.

— Шампанского сюда,—сказал он.

Потом попугай долго плакал. И я уверен, что он плакал на самом деле. Потом крикнул голосом Плотникова: «Руки!» — и затрещал, затопал, заголосил...

От винтовок шел запах, как будто ударили камнем по камню. Мне стало страшно. Я забился в угол и закрылся с головой полущубком. Внутри меня все оцепенело от чувства беды. Попугай не кричал, он скрипел, как скрипит на ветру неподпертая створка ворот. От овчины шел запах зимы и печки. Я уснул.

Проснулся потому, что меня трясли.

Надо мной наклонился Серега.

— Вставай, — сказал он. — Твоя мамка пришла. Опознание будем делать.

Попугай сидел на винтовке, как на вершинке ели. Не шевелился и не дышал. Глаза были крепко закрыты.

— Хозяина его убили, — сказал Серега. — А Плотников велел тебе привет передать и еще на гостинец. Плотникова в госпиталь отвезли. И чего в милицию пошел такой старый? И ноги больные. Не смог отпрыгнуть-то... — Серега шарил по карманам, хлопал себя по груди и краснел. — Где же он?.. Куда же я его?.. Неужели потерял?.. — Но вот лицо его расплылось, он вытащил из кармана пятак и вложил мне в руку. — Конфет купишь...

Мама стояла у барьера сердитая и невыспавшаяся. Но все же бросилась ко мне, когда меня вывели.

— Опознаете? — официально спросил Серега. — Ваш ребенок?

— А вот я ему сейчас всыплю, тогда он сам скажет, чей он...

В комнате за моей спиной раздался крик: «Руки вверх! Шампанского сюда!»

Мама побледнела, схватила меня, но я вырвался, бросился было забирать птицу себе — по моим чувствам не могла она быть одна.

Милиционеры поняли мои намерения.

— Мы его Плотникову хотим, — сказал Серега. — Они с ним теперь вроде сродственники. Две сироты. Им и поговорить есть о чем.

Они проводили меня на улицу.

Было раннее утро. Катили, дребезжа и позванивая, первые трамваи. Мама хотела взять меня за руку. Я не дался. С нею рядом пошел.

У моста через Невку дремала торговка лоточница. На лотке были папиросы, спички, леденцы и табак.

Я шагнул к ней. Мама схватила меня и сказала с угрозой, что нет денег у нее на сласти, тем более что я никаких сластей не заслуживаю, а заслуживаю порку.

Я разжал руку и показал ей пятак. В воздухе, очистившемся за ночь от густых дневных ароматов, тонко запахло ружейным маслом и теплой медью.

Мама спросила с ехидцей:

— Что это ты им так полюбился?

У меня еще и слов столько не было, чтобы ей объяснить. Да почему-то и не хотелось... А хотелось мне купить махорки Плотникову.

Что ты за человек, Надя?

Если ты получал «Пионер» в прошлом году, то, возможно, прочитал в десятом номере журнала письмо Нади П. из г. Алга Актюбинской области. Мы получили это тревожное письмо и сразу же решили его напечатать.

«Почему я всем чужая? — спрашивала, отчаявшись, девочка. — Я чувствую себя одинокой, хотя я красивее всех девочек в классе, лучше других одеваюсь, дома у меня отдельная комната, магнитофон. Родители стараются угодить мне — я их единственная дочка. Но они не понимают, что мне не хватает главного — дружбы. Мне давно хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Но с кем? И я решила написать вам».

Вскоре в редакцию одно за другим стали приходить письма-отклики. Кто-то жалел Надю, кто-то считал, что Надя сама виновата, кто-то предлагал ей дружбу.

Самые интересные письма мы решили опубликовать сегодня.

«Знаешь, Надя, что я хочу тебе сказать: ты неправа, обижаясь на одноклассников. Конечно, им неприятно общаться с человеком, который каждую минуту готов хвастаться: «Я самый красивый. У меня магнитофон!» В классе, да и в любом коллективе, надо забывать о своих «превосходствах», не выставлять их и самой не зазнаваться. Быть самим собой. Мне кажется почему-то, что ты на самом деле добрая, искренняя девчонка...»

Вафа КЯЗИМОВА, г. Баку.

«Прочитала я письмо Нади П., и у меня, как говорится, «волосы дыбом встали». Да разве так можно? Надю ослепила ее собственная красота. Она замечает только ее, думает целыми днями только о ней и еще хочет, чтобы с ней кто-то дружил. А кто вообще ей сказал, что она красивая? Внешность еще ничего не значит...»

Лена КОНОПЛЕВА, г. Сарapul.

«...Я не хочу защищать Надю П. Но мне кажется, что хуже в этой истории смотрится актив класса. Почему они отвернулись от нее, не поговорили, не попытались изменить что-то? А зачем? Ведь так проще: отвернуться от человека, не замечать его, не считать своим товарищем.

Если это так, то мне бы не хотелось учиться в Надином классе».

Шура ЗЕЙБЕРТ,
село Восточное Красноярского края.

«...По-моему, самое главное в дружбе — это уважение друг к другу. Что-то у тебя есть хорошее, что-то у меня. Давай учиться друг у друга, давай так, чтобы все наравне. У нас в классе дружные ребята, и мне кажется, если кто-то захочет возвыситься себя над другими — от него тоже отвернутся...»

Света КОСЕНКО,
село Андреевка Талды-Курганской области.

«Странно, Надя, ты написала, какие у тебя хорошие вещи. А вот что ты за человек? Если ты прямой, интересный, веселый, с тобой просто не могут не дружить. А если ты злая, с большим самомнением, то и вещи тебе не помогут».

Лариса СОЛОВЬЕВА, Костромская область.

«Надя! Мы видим две причины того, что ребята от тебя отвернулись. Или они уже ходят в вельветовых брюках, а ты до сих пор в джинсах, которые давно вышли из моды. Или, наоборот, твои одноклассники очень хорошие ребята и понимают, что друзей по одежде не выбирают. В нашем классе год назад появилась новенькая. Она тоже модно одевалась. Никто не против модной одежды, но надо же иметь чувство меры и не стремиться только к тряпкам. Мы попытались объяснить ей это, но она посчитала, что мы ее напрасно обижаем, и перешла в другую школу. По-моему, зря. Ведь там тоже никому не понравится такая «особа».

Юля ФЕДОТОВА и Марина ТУНЕВА, г. Пермь.

«Мне кажется, Надя, тебе не стоит замыкаться на своем классе. Пойди в Дом пионеров, запишись в какую-нибудь секцию — там-то уж ты наверняка найдешь себе друзей».

Дима ФИЛИППОВ, Челябинская область.

«Я очень прошу: дайте мне, пожалуйста, адрес Нади П. Не должна же она оставаться наедине со своим магнитофоном! Хоть кто-то должен ей объяснить, как она не права...»

Оксана КОТРОВА, г. Шевченко.

«Не падай духом, Надя! Лучше расширь свой кругозор, старайся больше узнать. Понимаешь, внешность, красивое лицо — это не навсегда. А вот знания, человеческая доброта, отзывчивость будут нужны тебе всю жизнь. Так что постарайся стать интересным человеком со своей интересной внешностью. И никогда, слышишь, никогда не считай, что ты самая лучшая!»

Лена М.,
студентка третьего курса, г. Новокузнецк.

Юрий ЧЕРНОВ

СЕРЕГА-ТАРУС

В село Шарчино я едва добрался на попутном тракторе. Выпрыгнул из кабины и захлебнулся от ветра. Тут, на широкой улице села, вьюга показалась даже свирепее, чем в степи. По-волчьи выли провода, на чьей-то крыше грохотал кусок жести, снег больно сек и слепил глаза. Увязая в сугробах и бодаясь с ветром, я помышлял об одном: скорее бы попасть в гостиницу да попить крепкого горячего чая!

Вскоре я стал нагонять какой-то странный предмет, похожий на огромного воздушного змея.

Распластанный по-над землей, он упорно одолевал наскоки вьюги. Приблизившись к неопознанному объекту, заметил: он с ногами. А на ногах лыжи. Объект прекратил продвижение навстречу ветру и стал разворачиваться. Наконец прояснилось: согнувшийся в три погибели мальчишка тащил на себе жесткий парус — обтянутую брезентом крестовину.

Лыжник уперся в снег палками и немного разогнулся.

— Здравствуйте, дяденька! — громко, перебивая вой пурги, поздоровался он первым, как это принято у сельских ребят. На его круглом лице, на жаренном снегом и ветром, окалинками темнели веснушки. И надо же: уши у шапки подняты, а под ней — медно-красные вихры!

— Здорово-здорово, горячая голова! — ответил я с непонятной для себя растерянностью. — Как звать-то?

— Серега Никаноров. А что?

— Да так. Для знакомства. Интересная на тебе штука прилажена. — Я дотронулся до алюминиевой проволоки, которой грудь Сереги была намертво прикручена к крестовине паруса.

Крепыш смущенно заулыбался:

— Это я временно приспособил. Лямки для рук не успел пришить. С лямками-то удобно. Я уж начал пришивать, а тут задуло. Ну, я по-быстрому проволокой примотался — и сюда.

Я слушал Серегу, осматривал его снаряжку,

а сам, припоминая, унесся далеко-далеко — в свое давнее уже детство в алтайском степном селе Мамонтово. Там тоже озорует — да еще как! — пурга, а я, бывало, заслышав в печной трубе призывные посвисты, так же, как Серега, хватал лыжи и мчался на улицу кататься. О, в те годы у нас, сельских пацанов, это была неистребимая страсть — кататься.

Особое, ни с чем не сравнимое упоение от езды я получил в затяжную февральскую пургу, в которую, как говорится, и носа на улицу не высунешь. В то ненастье я выстругал из клена лыжи (о фабричных тогда мы только мечтали), натер до блеска друг о друга их полозья и, не дожидаясь погоды, вышмыгнул на улицу опробовать снегоходы. И вот, едва я свернул на накатанную дорогу, как шквальный порыв ветра сильно толкнул в спину, подхватил под руки и поволок!.. Сообразив, в чем дело, я расстегнул пуговицы фуфайки и раскинул, не отпуская, ее полы. Скорость удвоилась. «Ура-ра-а!» — закричал я, осознавая, что придумал новый способ езды — катание на ветре!

Позже, знакомясь с всевозможными упряжками, в которые человек запрягал ветер, я всегда радовался, вспоминая, что одну из них изобрел сам. Теперь же, повстречав Серега-парус, я был и обрадован и уязвлен. Выходит, мое изобретение повторили, да еще на более высоком «техническом уровне». Разве шла в сравнение распахнутая фуфаечка с этим грубоватым, но надежным и большим парусом! В

попытке спасти свое ущемленное конструкторское самлюбие я с тайной надеждой спросил Серегу:

— Ты как же, по чертежам из «Юного техника» свой парус мастерил?

— Да нет, сам додумался, — в звонком голосе Сереги послышалось снисходительное удивление, — это же принцип буера. Чего тут такого? Ветер, чувствуете, как в спину толкает! Сегодня еще не так, вот вчера дуло! Меня так понесло, понесло — во-он на тот большой сугроб, а с него прямо на сарай бабы Дуси! Ну, дядя, я поеду. А то как бы буран не перестал.

Серега-парус поднял палки, выпрямился, и ветер, словно того и дожидаясь, легко понес его вдоль улицы. Не прошло и пяти секунд, как он исчез в снежной круговерти.

Снова пели, завывая, провода, столбы, трубы, моя шапка и воротник — все, что встречалось на пути ветру, но эту заунывную разногласицу теперь перекрывала запутавшаяся в моих ушах морзянка Серегиных слов: «А что тут такого? Принцип буера...»

Так, наверное, и должно быть. Ведь им, нынешним мальчикам и девочкам, идти и лететь куда дальше нашего!

— Счастливого пути, Серега-парус! — прокричал я, быть может, запоздало.

— ...а-а-у-у-о-о! — донеслось в ответ. Но я так и не разобрал: то ли это аукала пурга, то ли кричал что-то краснолицый мальчишка с окалинами веснушек на носу.

СИЛА ПРИМЕРА

Е. ФЕДОРОВ,

Председатель Советского Комитета Защиты Мира

С пионерами у меня давняя дружба. Еще на дрейфующей станции «Северный полюс-1» мы выходили на радиосвязь. Нам было приятно, что ребята с таким участием следят за нашей работой на льдине. В минуты отдыха мы любили мечтать о том, каким станет мир в конце столетия, как будут жить пионеры, скажем, восьмидесятых годов. Картина получалась заманчивая: не будет войн, угнетения человека человеком. На земле не останется умирающих от голода и болезней. Люди победят нищету и неграмотность.

К сожалению, далеко не все наши прогнозы оправдались. Вскоре разразилась страшная война, стоившая человечеству десятков миллионов жизней. Среди погибших — сотни героев в красных галстуках. Они отдали жизнь, защищая свою Родину и мир на земле. Вместе с комсомольцами и коммунистами они приблизили нашу победу над фашизмом.

В трудные послевоенные го-

ды, когда президент Трумэн призывал начать против ядерную войну, девочки и мальчики в красных галстуках делали все, чтобы поддержать сторонников мира. Своими митингами протеста, манифестациями, сборами подписей, фестивалями дружбы они показывали пример в борьбе за мир не только детям планеты, но и взрослым.

Быстро сменяются поколения. Ребята, которые следили за нашей работой на Северном полюсе, подросли и вскоре ушли на войну. Их младшие товарищи, повзрослев, осваивали целину, работали на стройках-гигантах Урала и Сибири. Очень важно, пока ты носишь пионерский галстук, воспитать в себе чувство ответственности за судьбу своей Родины, за дело мира на земле. Именно это чувство роднит все поколения пионеров.

События наших дней показывают, что не все в мире благополучно. Из Белого дома раздаются голоса о «красной

опасности», о «военном превосходстве Советского Союза», ведутся разговоры о возможной ядерной войне против социалистических стран.

Решение президента США Рейгана начать производство нейтронной бомбы, навязывание Западной Европе ракет среднего радиуса действия вызвали возмущение всей мировой общественности. В маршах и митингах протеста, которые волной прокатились по всей планете, участвовали и советские пионеры. Как и тридцать лет назад, наши ребята снова показывают пример своим зарубежным сверстникам в борьбе за мир.

Конечно, грустно, что до сих пор не воплотилась в жизнь наша мечта о всеобщем мире. Но я твердо верю в тот день, когда эта мечта сбудется. Гарантия тому — крепнущее движение сторонников мира, в котором все громче и громче звучит голос красногалстучной гвардии, детского демократического движения.

В. РЫБИН

ДЕТИ АПРЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Навсегда запомнится афганским пионерам встреча с летчиком-космонавтом СССР П. Климуком.

Пионерская организация Афганистана еще очень молода. Первые пионерские отряды были организованы после победы Апрельской революции 1978 года. Спустя два года, 25 сентября 1980 года, в Кабуле состоялась 1-я конференция демократической организации молодежи Афганистана, которая приняла решение создать детскую организацию. **День 25 сентября стал днем рождения пионерской организации Афганистана.**

Конференция одобрила Устав пионерской организации, в котором, в частности, записано: «Демократическая организация молодежи Афганистана руководит и направляет деятельность пионерской организации и рассматривает ее как свой резерв».

Равнение на героев!

Худенького черноглазого мальчугана знал весь Новый Карте — один из районов Кабула. Он первым надел пионерский галстук и стал вожаком здешних подростков. Звали его Исматулла. Мальчик родился в бедной семье и с малых лет познал нужду.

Когда свершилась Апрельская революция и трудовой народ Афганистана взял власть в свои руки, Исматулла вступил в пионеры и начал помогать районному партийному комитету. Вместе с другими ребятами он ходил по домам и разъяснял декреты правительства.

По ночам враги расклеивали клеветнические листовки, призывающие жителей Кабула не подчиняться новому правительству. Утром Исматулла и его товарищи срывали их.

Афганистан — религиозная страна. Служитель религии, мулла, здесь уважаемый человек. К его слову прислушиваются, к нему всегда идут за советом.

Много раз душманы* хотели подорвать доверие людей к революционной власти. Действовали они через мулл. Неоднократно душманы пытались натравить жителей Нового Карте на пионеров, обвиняя их в «безбожии и непочитании религии». Но Исматулла с товарищами перехитрили врагов. Ребята взяли на себя заботу о мечети. Они подметали помещение, поливали зелень во дворе, носили для муллы воду. В жаркие дни ребята устраивали из кусков материи навесы, чтобы в тени могли отдохнуть старики. Все это в глазах верующих вызывало уважение к пионерам.

Враги боялись Исматуллы. Они решили расправиться с ним. Однажды в дверь его дома постучал прохожий.

— Кто там? — спросил мальчик, всматриваясь в лицо незнакомца сквозь щель.

— От учителя Ахмета тебе книжка, сынок, — тихо сказал прохожий и помахал перед дверью книгой.

Исматулла обрадовался. Учитель давно обещал подыскать ему интересную книгу. Но почему он передает ее с незнакомым человеком?

Мальчик открыл дверь. Незнакомец вручил книжку и быстро удалился. А через минуту раздался взрыв. В книгу была вложена пластиковая бомба. Так погиб афганский пионер Исматулла.

* Душманы — мятежники, начавшие борьбу против Демократической Республики Афганистан.

В Афганистане знают и чтят многих ребят, погибших в схватках с душманами. Их имена навсегда войдут в историю афганской пионерии.

Быть полезным родине

У демократического Афганистана еще немало врагов. Это прежде всего душманы. Они проникают на территорию республики из соседнего Пакистана, убивают мирных жителей, разрушают дома, сжигают посевы.

Особо жестоко душманы расправляются с пионерами и комсомольцами.

В сельских районах Афганистана много неграмотных крестьян. Нелегко приходит новая жизнь в афганскую деревню. Еще сильны здесь пережитки прошлого. Не все родители понимают и одобряют пионерское движение. Некоторые ребята вынуждены тайком приходить на пионерские сборы, прятать от родителей галстуки. Вот почему в рядах пионеров Афганистана пока лишь четвертая часть детей.

В стране не хватает школ, учителей, учебников, школьных принадлежностей. Есть еще мальчики и девочки, которые не умеют ни писать, ни читать.

Борьбу с неграмотностью пионерия Афганистана объявила своей первоочередной задачей. Каждый, кто научился писать и читать, обучал своих товарищей, сверстников. Сейчас в кампании по ликвидации неграмотности участвуют все пионерские отряды.

По ночам в городах и селениях еще гремят взрывы и раздаются автоматные очереди. Бойцы народной армии и цорондоа — народной милиции — сражаются с бандами контрреволюционеров. Нелегко дается победа над врагом.

«Поможем семьям погибших! Вечная память героям революции!» С этим призывом обратились пионеры провинции Фарах ко всем пионерам республики. Ребята собирают деньги и одежду для семей погибших, помогают ремонтировать их дома, носят воду. Их работа чем-то похожа на тимуровскую.

...Как-то одиннадцатилетняя Шафика Юсуф возвращалась с базара домой. Возле городского госпи-

Афганские пионеры чтят память героев революции, всех тех, кто отдал жизнь за их счастливое детство.

таля Шафика заметила армейскую машину и женщин, обступивших ее. Девочка подошла к машине. «Раненых привезли, из Кандагара», — донеслось до Шафики.

На следующий день Шафика пришла в госпиталь. «Что тебе нужно?» — спросили ее. «Я к раненым», — ответила девочка. — Буду за ними ухаживать».

Сейчас во многих госпиталях можно увидеть ребят в красных галстуках. Они приходят сюда после занятий в школе. Ухаживают за ранеными бойцами народной армии и цорондоя, читают им газеты и книги, показывают концерты, как наши тимуровцы в годы войны.

Пионеры Кабула одними из первых в стране начали поисковую работу. «Патриот своей родины должен знать историю революции!» — заявили они, и клич их подхватили все пионерские отряды. Ребята узнают имена неизвестных героев, отыскивают их могилы, создают первые музеи революции.

По давней традиции детей в афганской семье не обременяют трудом. Потому, может, и были первые пионерские субботники в диковинку. «Как можно трудиться бесплатно, да еще по выходным дням?» — недоумевали многие ребята. Но потом поняли, что своим трудом они помогают республике. А ведь так нужны рабочие руки народным стройкам и предприятиям!

«Быть полезным родине!» — эти слова стали девизом пионеров Афганистана. Девизом, по которому сверяли когда-то свою жизнь первые афганские революционеры.

От «Иенды» до «Артека»

Солнечный день 15 августа 1980 года запомнился многим кабульцам. В этот день распахнул двери первый в стране пионерский лагерь. Сто мальчиков и девочек, юных жителей Кабула, на две недели стали гражданами пионерского городка, которому дали имя «Иенда» («Будущее»). А расположился городок в корпусах политехнического института, в самом живописном районе столицы.

Робко входили ребята в свой новый дом. Много из того, что увидели они здесь, совсем недавно было им недоступно. Десятилетний Барат во все глаза разглядывал игрушки — до революции на их улице игрушки имел только сын лавочника. Двенадцатилетнему Исхаку понравилась изостудия. Впервые в

жизни он держал в руках акварельные краски и кисточку.

Занятия в кружках, аттракционы, песни у костра, пионерские линейки и спортивные состязания заполнили каждый день пионеров «Иенды». А сколько радости в лагерную жизнь внес бассейн! За две недели почти все ребята научились плавать, а в день закрытия лагеря устроили веселый водно-спортивный праздник.

А в июле 1981 года пионеры-активисты Афганистана стали гостями Всесоюзного пионерского лагеря «Артек». Впервые приехали они в СССР, впервые встречались с советскими пионерами. Вместе отдыхали, играли, купались в Черном море, которое афганские ребята тоже видели впервые. И радость той встречи надолго сохранит их память. Ибо это великая радость — радость общения с друзьями. А советские ребята узнали своих афганских сверстников. Вот что рассказали афганские друзья.

Сейчас в республике свыше двадцати тысяч пионеров. Каждый четвертый афганский мальчик или девочка носит пионерский галстук. Пионерская организация Афганистана насчитывает две тысячи отрядов. В каждом из них десять — двенадцать человек. Во главе отряда стоит командир.

ЦЕЛЬ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АФГАНИСТАНА: повседневным трудом и учебой укреплять демократические завоевания республики, воспитывать пионеров в духе дружбы, любви к родине, партии и труду, уважения к старшим, к народным традициям.

Пионеры Афганистана носят галстук красного цвета с черно-красно-зеленой полоской. Красный цвет — символ борьбы, верности Апрельской революции. Полоска соответствует цветам национального флага республики.

ЗАКОНЫ ПИОНЕРОВ АФГАНИСТАНА:

Пионер любит свою родину, свой народ.

Пионер ненавидит врагов революции.

Пионер чтит память революционеров, погибших за счастье афганских трудящихся.

Пионер — пример в учебе, труде, жизни.

Пионер — опора младших в семье и в обществе.

Пионер заботится о стариках.

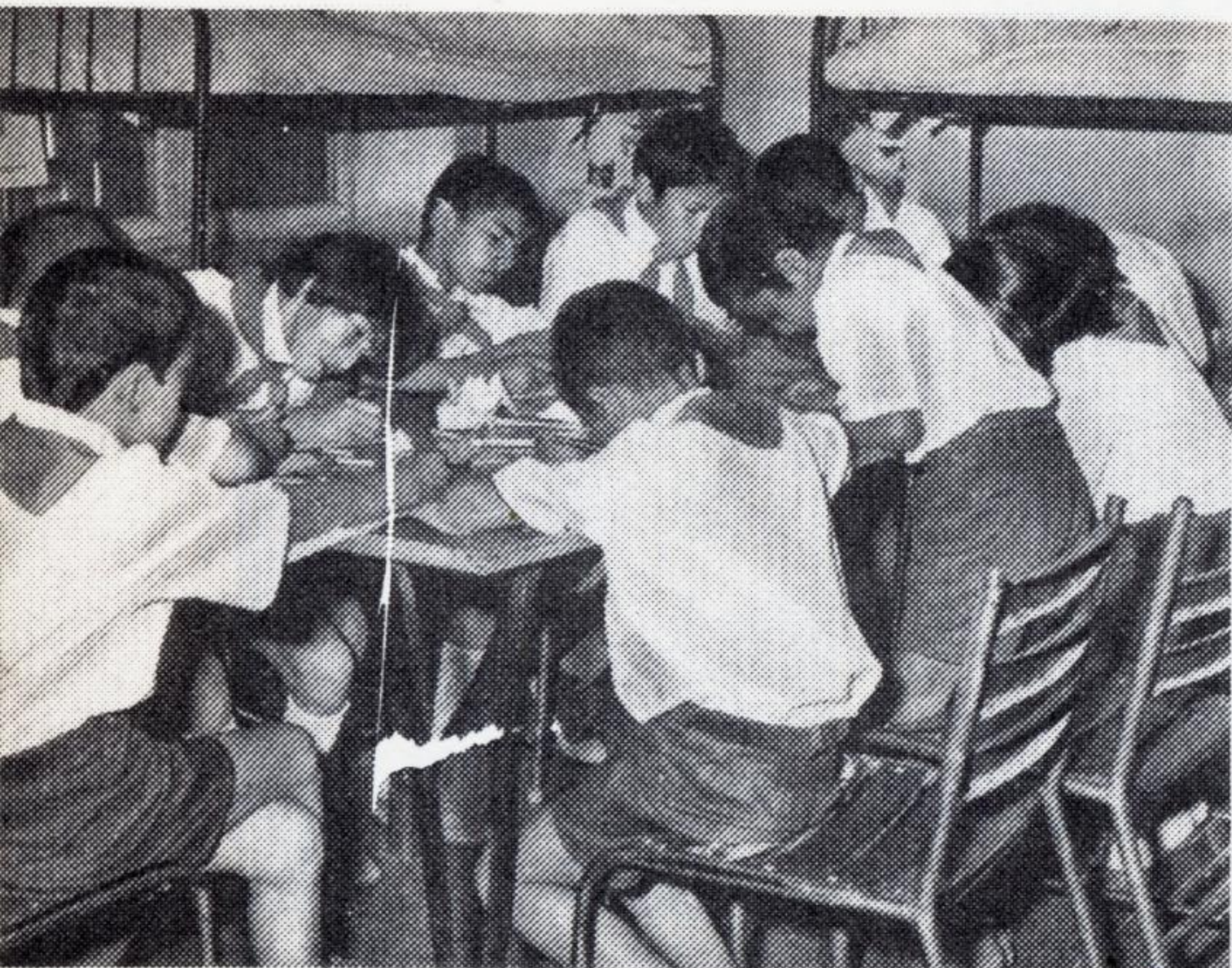
Пионер любит край, в котором живет, и стремится изучить его.

Пионер уважает народные традиции и обычаи.

Пионер учится сам и обучает других.

В пионерскую организацию Афганистана могут вступить мальчики и девочки, достигшие десяти лет. Пионеры, которым исполнилось пятнадцать лет, становятся членами демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА).

ГЛАВНЫЙ ДЕВИЗ пионеров Афганистана: «Мы — сыновья республики!»

Каждому в «Иенде» нашлось дело по душе. Как и советские ребята, афганские мальчики и девочки любят рисовать.

Г. ФРОЛОВ

ГВОЗДИКИ ЛЕНИНУ

В Неаполе мы объехали все цветочные магазины, какие только знали. Гвоздик нигде не было.

— Что делать? — развел руками Геннадий Павлович Рогов, руководитель нашей туристической группы.

Вдруг заговорил Джино, наш шофер.

— Синьоры, я знаю еще один магазин. Можно съездить и туда, хотя уже поздно....

И в этом последнем магазине гвоздик не оказалось.

— Что хотели синьоры? — спросила хозяйка магазина, когда мы собрались уходить.

— Нам нужны гвоздики, — ответила наша переводчица Лорена.

— К сожалению, все продано.

— Жаль, — сказала Лорена. — Это советские туристы. Завтра они едут на Капри, к памятнику Ленину...

— Минуточку, — оживилась хозяйка. — Гвоздики у меня есть, но только на плантации, за городом...

И вот наш автобус мчится за город.

На плантации много цветов. Гвоздики мы рвали сами и выбирали только лучшие.

Утром группа ждала отплытия теплохода. Пирс до отказа заполнили туристы разных стран, но цветы были только у нас.

Раздался последний гудок, и теплоход «Святая Мария» взял курс на остров Капри.

Рейс длился недолго. И вот мы в садах Августа, на пути к памятнику Владимиру Ильичу Ленину. Автор его — известный итальянский скульптор Джакомо Манцу.

— Я не знал Ленина лично, — говорил Джакомо Манцу на открытии памятника. — Этот скульптурный портрет рожден моим восхищением великим революционером.

— Итальянцы любят памятник, — рассказала нам переводчица, — и зорко оберегают его.

После минуты молчания мы положили к пьедесталу пламенеющие гвоздики.

А. ПЕТРУХИН

Ее звали Розой

В 1943 году Иванке Пашкуловой, связной партизанского отряда, исполнилось четырнадцать лет. Отец Иванки, болгарский коммунист Тодор Пашкулов, в начале 1943 года ушел в партизанский отряд, действовавший в Пловдивском округе. Вскоре арестовали мать.

Однажды девочку и нескольких односельчан тоже арестовали. Их подозревали в связях с партизанами. Фашисты спрашивали арестованных одно и то же: «Где прячутся партизаны?»

Иванка держалась стойко, каждый раз отвечала: «Не по адресу обращаетесь».

Только через месяц Иванку выпустили из тюрьмы. Оставаться дома было опасно. Осенней ночью Иванка ушла в горы. Связная Пашкулова стала бойцом партизанского отряда.

Новая жизнь была несладкой. Но девочка не жаловалась. В свободное время Иванка училась стрелять из винтовки, пела песни у партизанского костра, читала стихи. Бойцы любили Иванку и дали ей партизанскую кличку Роза.

Однажды случилось несчастье. Восемь партизан, возвращаясь с задания, попали в руки фашистов. Среди них — Иванка и ее отец.

Партизан пытали днем и ночью. Но ни один из них не выдал боевых товарищей.

28 ноября 1943 года их повели на расправу. Иванка еле-еле держалась на ногах. Но она не хотела показать своей слабости врагам. С гордо поднятой головой шла девочка рядом с отцом.

Старший офицер подошел к Иванке:

— Послушай, девочка, мы помилуем тебя, если ты застрелишь отца.

Иванка шагнула к офицеру и плюнула ему в лицо.

Разъяренный фашист несколько раз выстрелил в Иванку...

С тех пор прошло много лет. Болгарские пионеры свято чтут имя юной партизанки Иванки Пашкуловой. Каждый год в день рождения Иванки на ее могиле появляются розы.

Имя Иванки Пашкуловой носят пионерские дружины и отряды, а в школах открыты мемориальные доски и музеи героини-партизанки.

«Никто не забыт и ничто не забыто!» Эти слова стали руководством к действию сотен юных пионеров Болгарии.

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

Алексей Петрович Маресьев выступает перед делегатами VIII Всесоюзного слета пионеров. (Май 1981, Колонный зал Дома союзов)

Есть в нашей стране чудесный город. О нем сложены песни, сняты интересные фильмы, поставлены пьесы. При имени этого города у многих людей взволнованно бьются сердца.

Пятьдесят лет назад, в 1932 году, по призыву Коммунистической партии и нашего славного комсомола тысячи комсомольцев отправились в далекий амурский край — строить новый город, который потом назвали **КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ**.

Эта стройка была одной из первых и крупнейших в Советском Союзе. Она всколыхнула всю страну. Молодые люди тридцатых годов считали своим комсомольским долгом участвовать в этом строительстве. В 1934 году вместе с очередной партией юношей и девушек приехал в строящийся Комсомольск молодой рабочий-комсомолец Алексей Маресьев.

Сегодня на страницах нашего журнала Алексей Петрович **МАРЕСЬЕВ**, ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, Герой Советского Союза, рассказывает о том времени.

Мой прекрасный КОМСОМОЛЬСК

...И вот в руках у меня комсомольская путевка, и вот мама уже собирает в дорогу, плачет. Она переживает, что буду я работать далеко-далеко от нее, среди чужих людей. Она беспокоится о моем здоровье и готова отговорить меня, чтобы я не ехал...

Но я еду. Вместе со своими друзьями-комсомольцами из родного Камышина. Еду жить и работать в город, которого пока еще нет на карте. В будущий Комсомольск-на-Амуре...

Мы, камышинцы, сначала приехали в Сталинград, где формировался большой отряд комсомольцев. А потом посадили нас в поезд, и помчался он на восток.

Дорога была длинная — через всю страну. И в поезде мы быстро передружились-перезнакомились. В поезде начали мечтать о стройке города. И настроение у всех было боевое, задорное. Всю дорогу пели.

Среди моих новых товарищей были шоферы, слесари, токари. Я закончил в Камышине школу фабрично-заводского ученичества и получил специальность токаря. Мечтая о строительстве нового города, мы думали, что наши специальности пригодятся сразу.

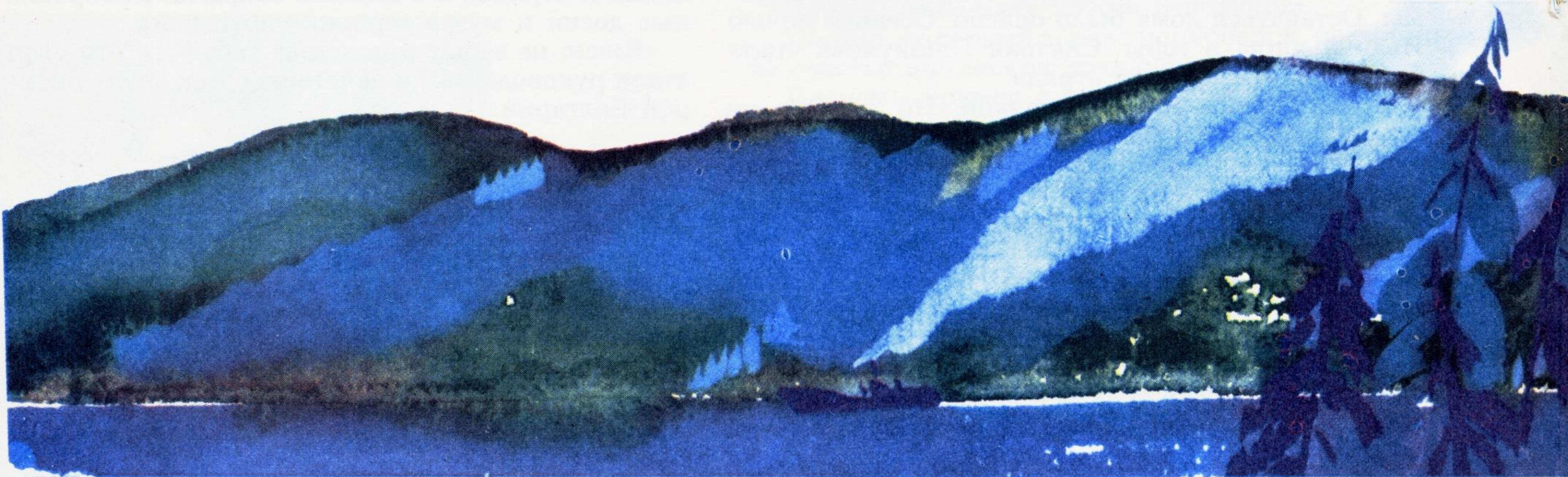
Но вот мы вышли из поезда и пересели на пароход «Коминтерн», который отправлялся в далекий путь по суровой реке Амур. Пока плыли — удивлялись дальневосточным красотам. Все здесь было внушительно, мощно: нагромождения скал, поросших гу-

стым темным лесом, низкое небо в осенних тяжелых тучах, сам Амур, сильная бурлящая река.

Наконец, мы приплыли. Нас покормили, а после обеда сразу поставили задачу: «Строительству нужен лес». И снова — в путь. Но уже близкий — на другой берег Амура, на Пиванский лесоучасток.

...И вот мы начали работать в тайге. Орудиями нашего труда были пилы да топоры. Но как они звенели в наших руках! С настроением, великой охотой валили мы лес для строительства. А валить лес — большое искусство. Если не постиг всех тайн, не приобрел сноровки — плохо дело. Например, особую опасность представляли так называемые «шалаши». Немного расскажу, что это такое... Стоит высокий кедр, упирается верхушкой в небо. Надо его спилить. Пилим. Кедр падает, но очень неудобно: зацепился за соседнее дерево. И намертво — не сдвинешь. Что делать? Надо пилить дерево, за которое кедр зацепился. Пилим. И это дерево падает неудобно. Тоже зацепилось... Так образовывались эти самые «шалаши». Иногда держались они на одной какой-нибудь веточке или тоненьком деревце. И были среди нас ребята-смельчаки. Влезали в «шалаш», перерубали последнюю ветку, выскакивали из «шалаша», а он дрожит, качается и наконец падает.

Жили мы в тайге сначала в домиках, сделанных из

жердей, а потом, когда пришла зима, грянули морозы, отстроили сами бараки. И в бараках этих чувствовали себя как дома. Длинными вечерами не унывали: выпускали стенгазеты, устраивали концерты. Я умел играть на мандолине и с удовольствием участвовал в каждом концерте...

Бригаду, в которой я работал, возглавлял комсомолец Николай Шаров. Этот человек мог так организовать работу, так нас зажечь и увлечь, что любое дело в руках кипело. Мы всегда выполняли план, всегда у нас было рабочее настроение, и все мы хотели быть похожими на нашего бригадира — верного товарища.

На Пиванском лесоучастке я отработал восемь месяцев. И когда началась весна, а на Амуре сошел лед, меня вызвали в отдел кадров стройки. Я шел и думал: «Наконец-то попаду на строительную площадку». Каждый комсомолец, кто работал в тайге, мечтал строить Комсомольск своими руками... Но в отделе кадров мне сказали, что нужен механик-дизелист на катер «Комсомолец».

Со временем я понял, что город возводят не только строители. А и лесорубы, механики, водители автомашин — все, кто приехал в далекий край, все, для кого общие заботы и задачи стали личными. Просто каждый человек должен быть на своем месте — там, где нужен стройке. Тогда вершатся большие дела, тогда рождаются новые города...

И вот я на катере, отвечаю за его сердце — дизель. Мы плаваем по Амуру. Но легко сказать, плаваем! Мы работаем на Амуре. За кормой бурлит стального цвета вода, беснуется ветер, часто поднимается настоящий шторм. И тогда не то что берегов не видно — руку вытянешь, и она исчезает в тяжелом тумане, брызгах и штормовых сумерках.

Катер нужно было водить ювелирно, осторожно. Чтобы не было аварий, столкновений с другими судами, чтобы не сесть на мель, чтобы не оборвался «конец» — трос, соединяющий катер с баржей. И чтобы — самое главное — выполнить в назначенный срок задание стройки. Наш маленький экипаж успешно справлялся со своей работой. Мы перевозили пассажиров с одного берега на другой, отправлялись в нанайские селения за овощами, переправляли бесценный для строительства груз — щебень, песок.

...А над головой качалось небо. То полное тяжелых туч, то чистое и синее, то залитое солнечными лучами. Я мечтал о небе, мечтал стать летчиком. И мечта моя в Комсомольске, в буднях большой стройки крепла и крепла.

...В небо я влюбился мальчишкой, когда жил в родном Камышине. Помню, помогал я всегда по хозяйству нашему соседу Степану Васильевичу. Прибежит ко мне его дочь, говорит: «Лёнь, папа просит, съезди за водой!».

За водой ездили к Волге. У Степана Васильевича была большая бочка на колесах. В эту бочку запряга-

ли лошадь, и я ехал. Всегда в таких поездках у меня было хорошее настроение. Вокруг в полях трава высокая, птицы реют в небе, солнце, а впереди — могучая Волга блестит, переливается, катит свои воды. Въезжаешь прямо в реку с лошадью и бочкой, ковшом черпаешь воду. Хорошо!

Однажды я набирал воду. И так увлекся, что ничего уже не замечал, кроме бурлящей воды. Вдруг слышу — тоненький назойливый треск. Подумал, что-то в воде трещит. Вгляделся. Нет, не в воде. Поднял голову, посмотрел на небо, а там самолет! Настоящее чудо! В то время самолеты были редкостью. И не просто летит этот самолет, а фигуры выписывает. Будто и не машина это, а настоящая живая птица. Я глядел, глядел в небо, вдруг потерял равновесие и — бух! — упал в воду.

С того самого дня я «заболел» небом...

И вот, когда я стал работать на катере «Комсомолец», то услышал, что группа комсомольцев организует городской аэроклуб. Я пошел и записался.

Собрались мы впервые на нашем «летном» поле за городом. И первое, что сделали, — это раскорчевали его, освободили от пней. Затем встала задача, где заниматься. Как раз привезли в наш только что образовавшийся клуб старенький самолет. Гигантский ящик от самолета — упаковку мы оборудовали под класс для занятий... Трудности не убывали: нелегко было достать горючее, нелегко было изучать сложный самолетный двигатель, парашют, не хватало квалифицированных преподавателей. Но все трудности мы постепенно преодолевали. Преодолевали ради одной цели: небо!

Наконец пришел тот день, когда мы торжественно выстроились на нашем летном поле перед нашим, как нам тогда казалось, красавцем самолетом. Из 75 человек осталось 12 энтузиастов.

И вот кто-то из нас первый сел за штурвал и поднялся в небо. Потом второй, третий. Наконец, я...

Я лечу! А небо, оказывается, бездонное, ему нет предела! А внизу ребята — друзья, зеленый пятчок — поле, синяя щетка — тайга. И наш прекрасный город Комсомольск! Еще не достроенный, но все равно прекрасный!

С тех пор прошло много времени — пятьдесят лет. За моими плечами и плечами моего поколения осталась тяжелая война, трудности и радости послевоенной жизни. И теперь я могу сказать, что Комсомольск для нас, молодежи тех лет, был не просто большой стройкой, не просто городом, который мы построили. Он был для нас школой мужания и началом самостоятельной жизни. Он был для нас первым испытанием на силу воли, характера, поступка. Он помог нам стать настоящими людьми. А сегодня через город на заре идет трасса БАМа. Эстафета поколений продолжается!

Записала И. АНДРИАНОВА.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

«В нашем Доме пионеров прошла Гайдаровская неделя. Много было интересных дел у нас за это время. И больше всего запомнилось нам, как мы помогали убирать картофель в совхозе и перебирали овощи на плодоовощной базе. Мы почувствовали себя настоящими хозяевами страны».

Света Романенко,
Дом пионеров, г. Печора, Коми АССР.

«Наши тимуровцы провели утренник в сельской библиотеке, куда пригласили ребят с первого по пятый класс. Тимуровцы подготовили книжную выставку «Гайдар», провели викторину».

Эдик Акимов, 4-й класс,
с. Алешня, Рязанская область.

«В нашем городе работают 74 тимуровских отряда. После того, как в двенадцатом номере журнала за 1980 год была объявлена операция «Детский дом — наш общий дом», они с удовольствием включились в нее. Тимуровцы собрали 3214 книг и 1120 игрушек для детских домов области. Теперь у нас много друзей. И самое главное: мы нужны друг другу».

Штабы «Тимуровец» и «Поиск»,
Дом пионеров,
г. Искитим, Новосибирская область.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы получили много откликов на операцию «Детский дом — наш общий дом». А ты, твой тимуровский отряд подружился с ребятами из детского дома? Ждем писем.

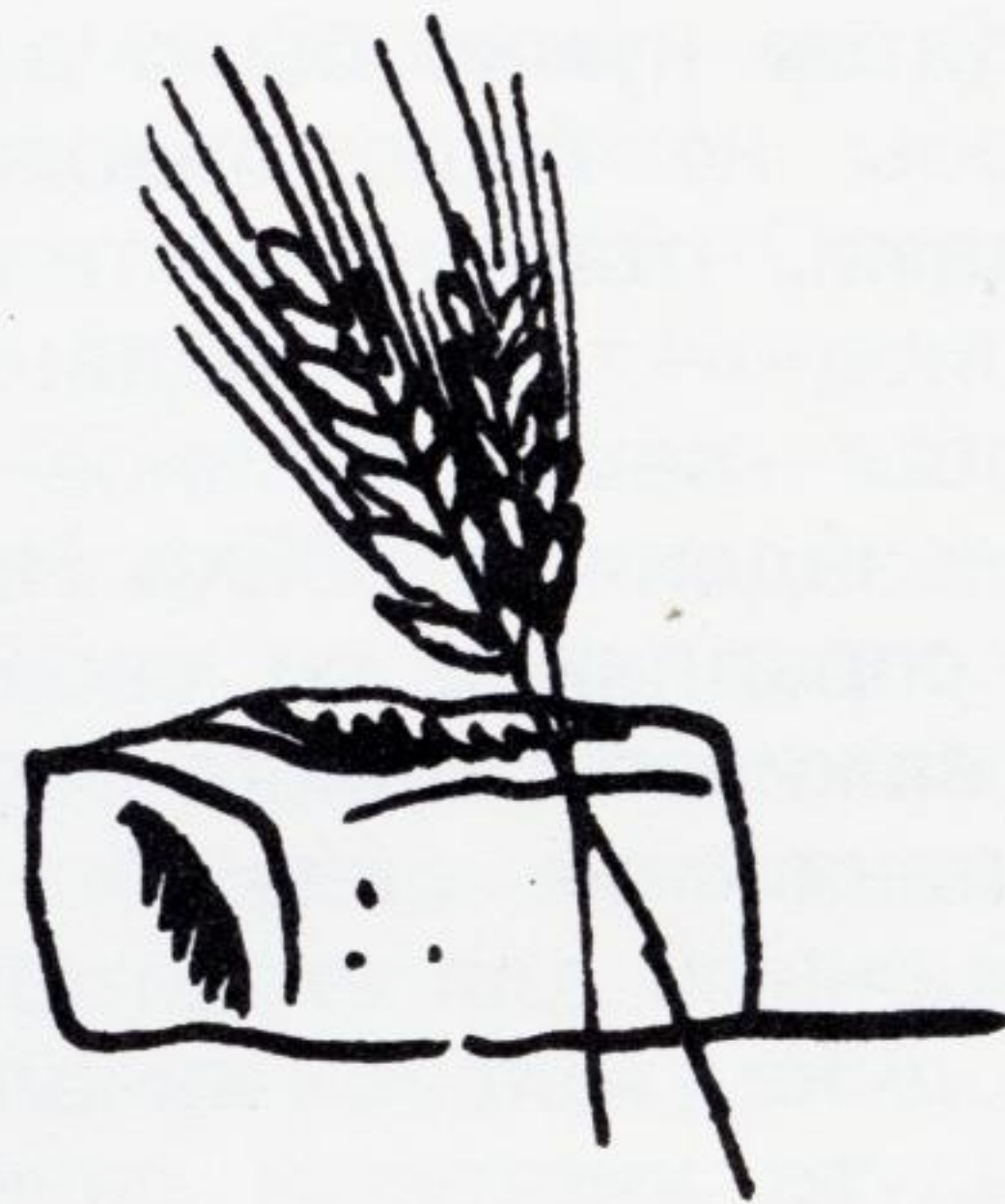
БЮРО НАХОДОК

«Сообщаем в «Бюро находок» «Боевого листка», что наш городской штаб «Голос Тимура» объявил операцию «Крошка хлеба». Созданы тимуровские посты — следим за тем, чтобы ребята бережно относились к хлебу. Выпускаем газеты, в которых высмеиваем нерадивых, проводим беседы «Хлеб — всему голова».

Предлагаем проводить такую же операцию всем тимуровским отрядам страны».

Штаб «Голос Тимура», Дом пионеров,
г. Игарка, Красноярский край.

«Боевой листок» поддерживает это предложение. А ты? Ждем сообщений.

Предлагаем

обсудить

В девятом номере журнала за 1981 год была объявлена операция «В защиту тепла». Сегодня мы хотим предложить на ваше обсуждение это письмо.

«Вот вы пишете, что создаются такие тимуровские отряды, которые берегут тепло: закрывают двери подъездов, обходят квартиры, следят, чтобы жильцы заклеивали окна и балконные двери на зиму. А у нас, например, в квартирах холодно. И двери подъездов у нас никогда не закрываются. Мы с ребятами пробовали с этим бороться. Но у нас ничего не получается. Жильцы нас гонят да еще ругаются. Что делать?»

Игорь Ц., г. Павлоград, Днепропетровская область.

ОТ РЕДАКЦИИ: Интересно, тимуровцы, а каково ваше мнение по поводу этого письма? Какой опыт работы есть у вашего тимуровского отряда по ходу операции «В защиту тепла»? Что вы можете посоветовать Игорю Ц.? Ждем писем.

Корней Иванович назвал себя «столетним дедом» в одном из шутливых стихотворных посланий. Было это в 1969 году. До кончины оставалось совсем немного, несколько месяцев, а Чуковский мысленно примерялся к столетнему возрасту.

И вот сегодня — в своем посмертном бытии — он уже дошел до этой большой даты.

Знакомство с писателем Чуковским человек начинает, когда он еще не умеет читать. Только что научился ходить, а уже слышит — в исполнении мамы или папы, бабушки или дедушки, а то и ясельной воспитательницы:

Ехали медведи на велосипеде...

Одеяло
убежало...

Муха, Муха, Цокотуха...

Жил да был
крокодил...

Ребенок еще слово «крокодил» выговорить не может, а уже декламирует:

Зий да бий
кьокодий...

Детские стихи Чуковского — это самая первая, начальная школа поэзии. И какая же это веселая, жизнерадостная, громозвучная школа!

Маленький человек, еще не читатель, а

слушатель, начинает улавливать созвучия слов, следить, как аukaется одна строка и как откликается ей другая, как перезваниваются друг с другом слова и звуки. Вот, например, заглавие одной из стихотворных сказок Чуковского — «Федорино горе». Представим, что сказка называлась бы «Федорино несчастье». Смысл, в общем, такой же, а звучание исчезло бы, цельность строки нарушилась. И дальше в тексте имя «Федора» все время перекликается с другими словами:

А фарфóровые блюда
над Федóрою смеются...

Корней Чуковский, с детства влюбленный в поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова, своими детскими стихами готовит тебя к тому, чтобы понимать, ощущать, слышать и чувствовать стихи великих художников слова.

Но вот ребенок подрос, он уже не ребенок, а отрок, перешел из младшего возраста в средний. Если ему попадет повесть К. Чуковского «Серебряный герб», он раскроет ее, начнет читать — и уже не оторвется. Гимназические годы, строгие диктанты, бдительность надзирателей, хитроумные подкаски, шалости и наказания за них — обо всем этом рассказано увлекательно и, как всегда у Чуковского, весело.

Юноша пристрастился к чтению. Ему начинает открываться мир русской классики. Он читает стихи Некрасова и, быть может, не подозревает, что сотни, даже тысячи некрасовских строк разысканы, восстановлены пос-

ле изъятий и запретов царской цензуры Корнеем Чуковским. Некрасов в полном смысле может быть назван спутником его жизни. От первой книги «Некрасов как художник» и до последних лет трудился Чуковский над изучением его жизни и творчества.

Таким же постоянным, пожизненным спутником Чуковского был Чехов. Как самый тяжелый удар воспринимает он, 22-летний молодой человек, известие о смерти любимого писателя.

Что отличает книги Чуковского о Некрасове, Чехове, Блоке, о художнике Репине, статьи о Брюсове, Куприне, Андрееве? Прежде всего живое, личное, самое непосредственное восприятие художника, о котором идет речь. Если, например, Чуковский пишет о Чехове, его интересует не только то, как строятся чеховские рассказы, повести и пьесы. Вместе с тем он стремится узнать, что за человек Антон Павлович. Как и в чем проявлялось его внимание к людям? Его гостеприимство? Любовь к природе? Склонность к юмору, к шутке — причем не только в какую-то особую веселую минуту, но всегда, при любых обстоятельствах?

Летом 1914 года Корней Иванович завел тетрадь для автографов. Он жил тогда под Петербургом, в Куоккале. И поэтому тетради было дано название «Чукоккала». Фамилия Корнея Ивановича озорно и неожиданно соединилась тут с названием местности. Так начало расти уникальнейшее собрание стихотворных экспромтов, шуток, каламбуров, юморесок, веселых и серьезных записей, рисунков, шаржей, карикатур. Авторы «Чукоккалы» — В. Маяковский, М. Горький, А. Блок, А. Толстой, Е. Шварц, Ю. Олеша, И. Репин, С. Маршак, Л. Кассиль, А. Вознесенский...

А каким праздником для всех, кто любит книгу, литературу, искусство, явилось появление «Чукоккалы», прекрасно оформленного издания, в 1979 году!

Корней Иванович Чуковский — редкий знаток западных писателей, прежде всего английских и американских. В 1903—1904 годах он жил в Лондоне, изучал английскую литературу. Когда в 1918 году Максим Горький организовал издательство «Всемирная литература», он Чуковскому предложил возглавить англо-американский отдел. Много сил отдает Корней Иванович переводам американского поэта Уолта Уитмена. И он стал спутником жизни Чуковского. Впервые знакомство с поэтом состоялось в 1901 году, а в последний год жизни Чуковского, в 1969 году, вышло второе издание книги «Мой Уитмен».

Снова убеждаемся: любимые писатели для Чуковского — верные друзья на всю жизнь. Близкими его сердцу были М. Твен,

Р. Киплинг, О'Генри. Опираясь на свой опыт переводчика, на практику многих других мастеров перевода, К. Чуковский выпускает книгу «Искусство перевода».

В 1962 году Оксфордский университет присвоил ему почетное звание доктора литературы.

Моя небольшая статья подходит к концу, и я с ужасом обнаруживаю, как многие из трудов Корнея Ивановича остались даже не упомянутыми. Например, его книжка «От двух до пяти». В руках у меня двадцать первое издание. Эта книжка так часто выходила в свет, потому что каждый раз мгновенно раскупалась. Первое издание книжки — «Маленькие дети» — вышло в 1928 году, и с тех пор Чуковский долгие годы пополнял свою работу новыми фактами и наблюдениями.

Стихотворные сказки Чуковского — радость для детей. «Чукоккала» — радость для взрослых. А «От двух до пяти» — это детская радость для взрослых. Действующие лица книжки — дети от двухлетнего до пятилетнего возраста. Они говорят друг с другом, с родителями, учителями, спорят, балуются, хитрят, веселятся, подражают старшим.

Маленькой девочке прочитали пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — сказала она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!

Дети понимают взрослые слова по своему разумению.

— Бабушка, что с тобой?

— Ох, милый, болею.

— За кого? За «Спартак»? За «Динамо»?

Мальчик пяти лет иллюстрировал стихи Пушкина «У лукоморья дуб зеленый» и сбоку нарисовал проигрыватель. Его спрашивают, зачем.

— Ведь у Пушкина сказано: «Идет направо — песнь заводит».

Так он понял слово «заводит».

Другой ребенок, узнав, что Пушкина убили на дуэли, возмутился:

— А где же был милиционер?

Подобные случаи интересуют Чуковского не только потому, что они смешные. Забавные выражения помогают писателю войти в мир маленького человека, понять его язык, его мысли и чувства.

Некогда Маяковский мечтал:

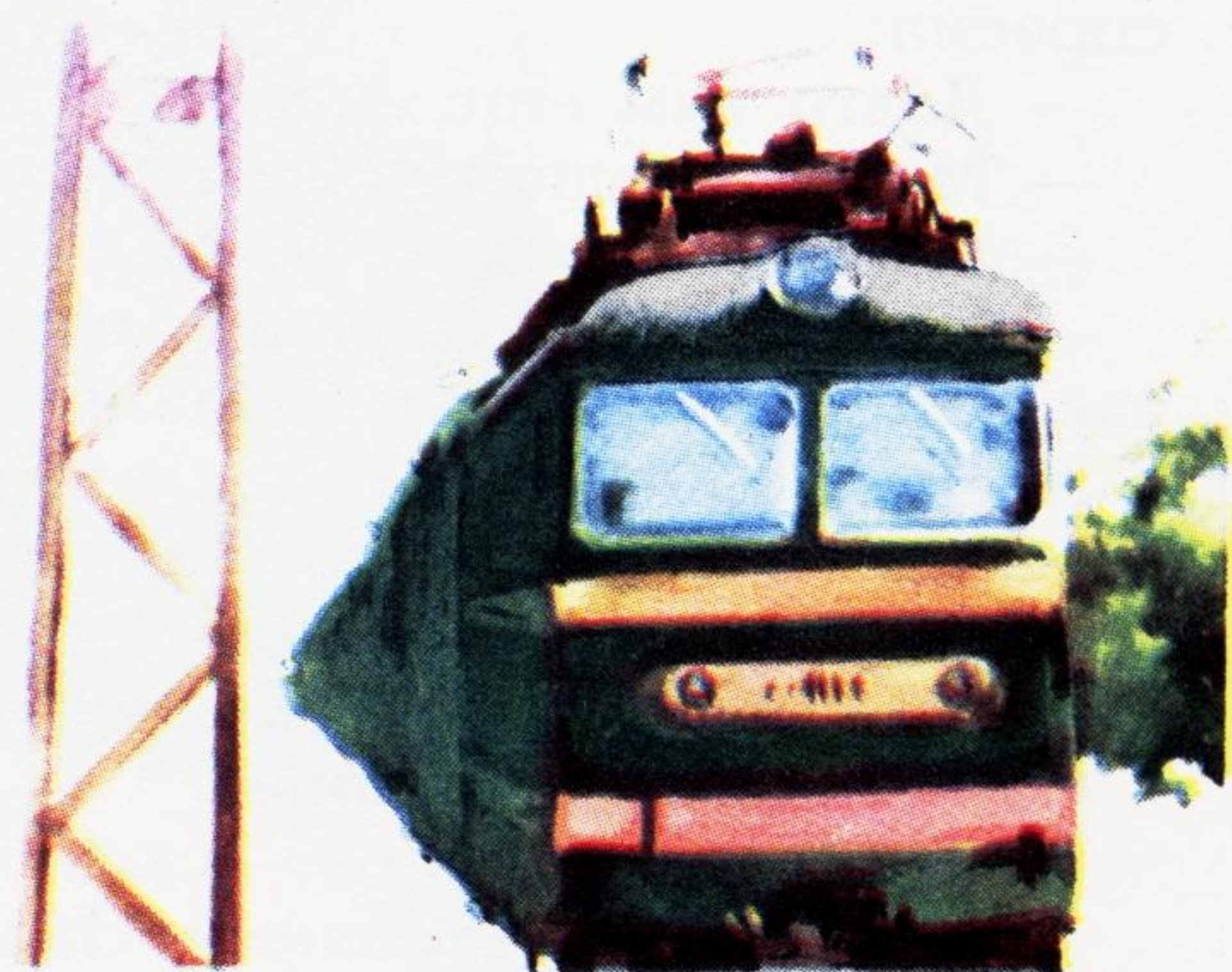
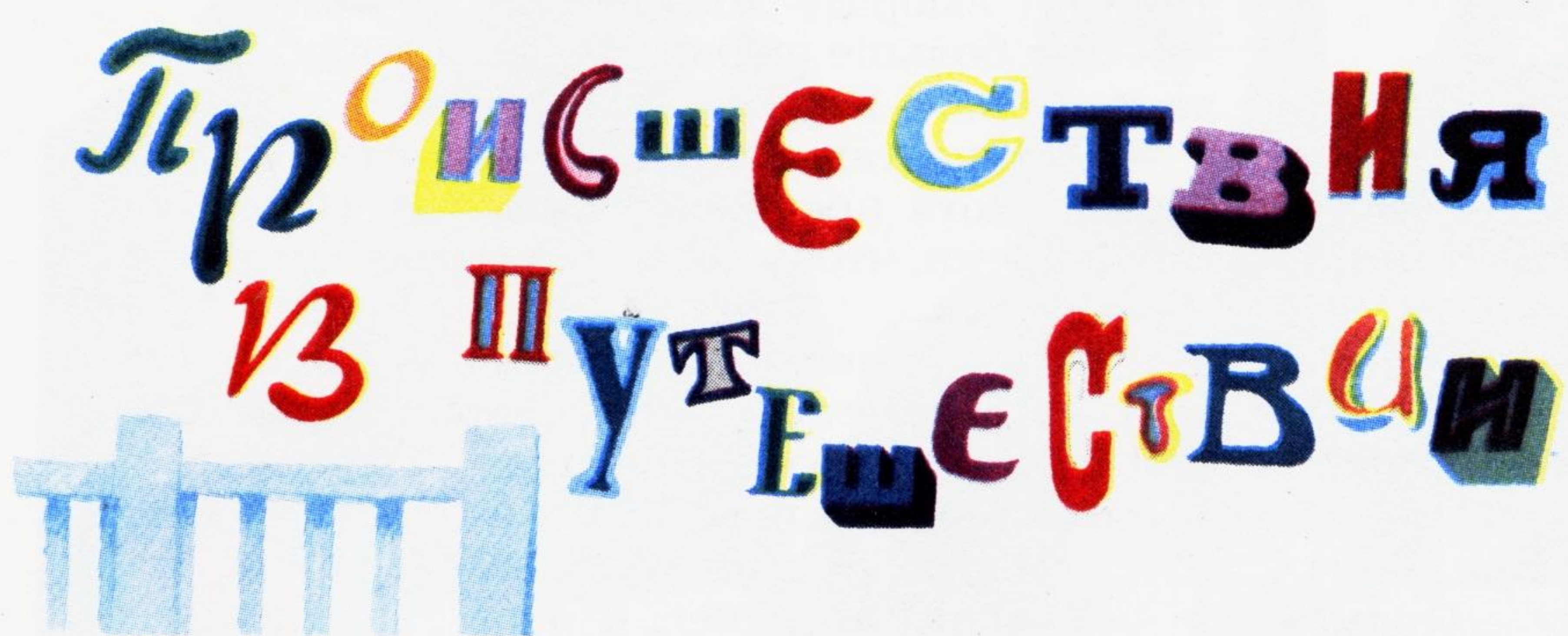
Лет до ста
расти
нам
без старости.

Празднуя столетие Чуковского, думаешь о том, что Корнею Ивановичу удалось осуществить призыв поэта: в свои сто лет он исполнен молодой бодрости, веселой, неистраченной силы.

3. ПАПЕРНЫЙ

Юрий ТОМИН

НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ О ВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЯХ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Три года назад в апрельском номере «Пионера» многие ребята начали читать новую фантастическую повесть ленинградского писателя Юрия Томина «Карусели над городом». Как только мы закончили печатать повесть, читатели засыпали редакцию вопросами: «Что стало с космическим гостем Феликсом?», «Что теперь делает учитель физики Алексей Палыч?». Но больше всего интересовал вопрос, будем ли мы печатать продолжение. Мы показали эти письма автору. «Что ж, меня радует такое желание ребят,—сказал нам Юрий Геннадьевич и положил на редакторский стол толстенную папку.—Только не считайте это продолжением... Кто не читал «Каруселей», может спокойно начать эту повесть как вполне самостоятельную».

И еще: редакция согласилась с вашей, ребята, оценкой повести и наградила Ю. Г. Томина Дипломом имени А. П. Гайдара за лучшее художественное произведение 1979 года.

Н-но, поехали!

Учитель физики кулеминской средней школы Алексей Палыч Мухин неожиданностей не то чтобы не любил, но просто ему крайне редко приходилось с ними встречаться. Жизнь его складывалась из обычных семейных обязанностей, а также мелких школьных огорчений и небольших радостей. Поэтому и характер Алексей Палыч имел твердый лишь слегка, да и то с поверхности. Если же смотреть изнутри, то он был человеком мягким, отзывчивым, правда, мог изредка и немного придраться, но только для того, чтобы от этого кому-нибудь стало лучше.

Дело в том, что с некоторого времени на него обратил внимание Большой Космос. Или — Далекий Космос. Или — Сверхдалекий Космос. В общем, называть это можно как угодно, потому что все равно неизвестно, кто, зачем и откуда посылает такие «подарки».

Когда Алексею Палычу в первый раз прислали мальчика, с ним было хлопотно, но он оказался довольно славным парнишкой. Не без помощи Бориса — любимого ученика Алексея Палыча — его даже удалось пристро-

ить в компанию человеческих мальчиков. Когда его «отозвали» (кто? родители? хозяйева? начальники?), было даже жалко.

Но жалеть пришлось недолго: исчез мальчик — появилась девочка.

И если первый раз Алексей Палыч был уверен, что все вышло случайно, целились вовсе не в его лабораторию, а просто так получилось, то на этот раз ни о какой случайности не могло быть и речи: выстрел был прицельным.

Вот примерно о чем размышлял Алексей Палыч, сидя рядом с незваной гостьей в электричке.

Девочка сидела напротив Алексея Палыча, не глядела ни на него, ни в окно, ни, если так можно сказать, вообще никуда.

Лицо у нее было нормальное, человеческое и довольно приятное.

Вообще говоря, Алексей Палыч, как учитель, лицами девочек мало интересовался. Для него важнее, какие знания и желание учиться скрываются за этими лицами. Но тут случай особый. И Алексей Палыч подумал, что соседку можно было бы назвать красивой, если бы она не сидела с таким окаменевшим лицом.

«Может быть, на этот раз какого-нибудь робота прислали?!»

«Робот» взглянул на Алексея Палыча и спросил:

— Долго нам еще ехать?

— Минут двадцать. Ты опаздываешь?

— Пока нет.

— Нужно было вылетать пораньше, или у вас тоже бывают затруднения с билетами?

Алексей Палыч уже знал, что путь ОТТУДА до Земли занимает одно мгновение. Вопрос насчет билетов следовало считать шуткой. Для тех, разумеется, кто шутку воспринимает.

Соседка не восприняла.

— У нас нет билетов,— сказала она.

«Робот,— решил Алексей Палыч.— Прямолинейное мышление. Робота нужно атаковать в лоб, церемониться с ним нечего».

— Какое у тебя задание?— спросил он.

— Наблюдение.

— Над кем или над чем?

— Над всем, что встретится.

— А что ты ожидаешь встретить?

— Странная логика,— сказала девочка.— Если знать наперед, что произойдет, то нет смысла вести наблюдения.

Мужчина, сидевший на скамье за спиной Алексея Палыча, положил на колени газету и слегка развернулся. Он смотрел не назад, а как будто через проход, но боковым зрением Алексей Палыч увидел—или ему показалось,—что ухо мужчины вытянулось и даже заострилось.

Алексей Палыч умолк: он понимал, что этот разговор не для постороннего уха.

Нельзя сказать, что Алексей Палыч из Кулеминска ехал сейчас в Город не по своей воле. То есть не было какой-то силы, внешней, потусторонней или бог знает еще какой, которая принуждала бы его к этому. Все он делал по своему, хотя и очень вялому желанию, которое боролось с его же нежеланием.

Когда из школьной лаборатории исчез мальчик, с которым было столько хлопот, Алексей Палыч немного пожалел, но в то же время почувствовал облегчение.

Все эти переживания длились недолго. Не прошло и пяти минут, как на конце того же голубого луча возникла девочка. На ней был тот же самый джинсовый костюм, в котором отправился домой ее предшественник.

«Когда же они успели переодеться?»— эта первая и не самая разумная мысль, которая пришла в голову Алексею Палычу.

Затем Алексей Палыч отметил, что, здороваясь, девочка назвала его по имени-отчеству и на «вы» и сразу перешла к делу. Это заставило его заподозрить, что возникла какая-то новая ступень в его тайных отношениях с Большим Космосом. Подниматься на эту ступень ему не хотелось.

А девочка спокойно сказала.

— Поедем, Алексей Палыч.

— Куда?

— В Город.

— Это еще зачем?

— Мне требуется помощь.

— А при чем тут я? Разве нельзя было на этот раз выбрать кого-нибудь другого?

— Вы больше подходите,— спокойно сказала девочка.— Вы уже проверены.

— Где же так решили?— спросил Алексей Палыч, хотя прекрасно знал, где. Просто он тянул время, чтобы понять, чего он сам хочет.

— У нас.

— Я отказываюсь!— заявил Алексей Палыч.— Я уже устал от этих отношений неизвестно с кем и неизвестно зачем. Кроме того, у меня есть семья и работа. А вот чего у меня нет, так это времени. Поезжай одна.

— У меня нет денег, и я не знаю дороги.

— Значит, ОТТУДА ты дорогу знаешь, а сорок километров для тебя препятствие?— сказал Алексей Палыч, и легкое чувство превосходства мелькнуло в его сознании.

— Оттуда легче,— сказала девочка и протянула Алексею Палычу обрывок самой обыкновенной газеты. На полях было написано: «ул. Писчебумажная, д. 34».

— Вы меня отвезите по этому адресу, и больше вас никто беспокоить не будет.

— А квартира?

— Квартиры нет.

Алексею Палычу сразу представился одинокий деревянный домик, сохранившийся еще на окраине Города. По ночам окна этого домика не светились: они были закрыты шторами. Там, подальше от глаз участкового, был устроен инопланетный трактир; там творились неведомые землянам и, возможно, вредные для них дела. Это было тем более вероятно потому, что девочка ничего не объясняла, ничего не спрашивала, вела себя свободно и держалась независимо.

Деревянный домик на окраине с каждой секундой становился все более подозрительным.

— Едем. Я тебя довезу до самого дома,— сказал Алексей Палыч и добавил с видимым безразличием: — Даже в дом с тобой могу зайти.

Девочка не выказала никакого беспокойства.

— Спасибо, Алексей Палыч, у нас так и думали, что вы поможете.

Алексей Палыч хотел было возмутиться тем, что за него кто-то думает на другом конце Вселенной, но до выяснения истории с домиком решил помолчать.

Итак, ехать ему не хотелось, но ехать было нужно для его собственного спокойствия и, значит, ехал он по своей воле.

Теперь они сидели друг против друга в электричке. Сосед за спиной Алексея Палыча вертел головой то влево, то вправо, и при этом внутри у него что-то поскрипывало. Он был толст, и вращать головой при неподвижном туловище ему было трудно.

В дверях вагона появилась мороженщица с коробкой.

Ребята орали возбужденно и даже как будто бы негодуя.

Толстый мужчина вполне мог дожидаться, когда она подойдет к нему, но он поднялся, пошел ей навстречу, купил мороженое и вернулся на прежнее место. По пути туда он внимательно оглядел девочку, возвращаясь обратно — Алексея Палыча.

— Хочешь мороженого? — спросил Алексей Палыч.

— Хочу.

Алексей Палыч достал из бумажника трешку. Девочка, которая находилась к мороженщице ближе, взяла трешку у него из рук.

— Два по девятнадцать, — сказала она.

Алексей Палыч хотел было удивиться, но тут же раздумал: ТАМ не дураки живут, а высокоразвитые. Кажется, настолько развитые, что даже страдают от своей развитости. И это не первый визит. Конечно, девочка знает все, что должны знать земные девочки ее возраста.

Сдачу с трешки она опустила в свой карман. Этому Алексей Палыч совсем не удивился: его дочь Татьяна начиная лет с десяти домой сдачу не приносила.

Когда мороженое было съедено, Алексей Палыч взял оба стаканчика и вышел в тамбур. Там он протолкал стаканчики в щель между дверью и площадкой. Возвращаясь, он увидел, что толстяк сидит вполоборота к девочке и задает ей вопрос, очевидно, уже не первый.

— Ну и какие же у тебя отметки? — расслышал Алексей Палыч.

— Никаких, — последовал ответ.

— Но ведь ты учишься?

— Нет.

— Почему?

— Я уже все знаю.

Толстяк насупился.

— Это как понимать?

— Девочка шутит, — вмешался Алексей Палыч и поспешно уселся, прикрывая девочку от толстяка.

— Если вы не умеете отличить шутку от грубости... — начал было толстяк, но тут его заглушил звук динамика. Он заскрежетал, затем послышались сдавленные, хрипящие звуки. Как будто в кабине машиниста кого-то душили.

Толстяк отвернулся.

Электричка подошла к городской платформе.

Толстяк пытался было зайти за спину Алексея Палыча. Возможно, ему хотелось договорить. Но его отжала неумолимая деловая толпа.

— Ты бы все-таки поосторожнее... — посоветовал Алексей Палыч девочке, когда они шли по платформе.

— Все равно. В его вопросах не содержится информации. От меня он тоже информации не ждет. Конечно, я могу вести пустой разговор, но это лишено смысла.

Этот ответ навел снова Алексея Палыча на мысль о работе.

— Тебе не хочется тратить лишней энергии? — коварно спросил он.

— Если вам так понятней, то можно считать, что не хочется.

«Робот! Сейчас мы его поймем на его собственной логике...»

— Но ведь ты сказала, что должна наблюдать над всем, что встретится.

— Я неточно выразилась. Над всем, что встретится в связи с заданием.

— А в чем состоит задание?

— Наблюдать за всем, что встретится.

Понимая, что космический магнитофон не переиграть, Алексей Палыч снова решил ударить в лоб.

— Я требую объяснить смысл задания, — сказал он. — Иначе я буду считать, что оно принесет вред Земле.

— Смысл я объяснить могу, — безмятежно сказала девочка. — Вы о смысле раньше не спрашивали... Нам нужно Знание. А вредить мы вам не собираемся.

— Твой предшественник говорил, что ваши знания несравненно богаче наших.

— Знания — да, но не Знание. Знание того, чего нет у нас. Нет или просто забыто. А у вас, кажется, есть.

— Все это очень туманно, — заметил Алексей Палыч.

— Мальчишка много наболтал лишнего. Все, что с ним происходило у вас, у нас было видно и слышно, как у вас в кино.

— Ну, знаешь ли...

Алексей Палыч вынул платок и протер внезапно запотевшие очки. Ему было жарко, но не от июньской жары. История, которая не слишком нравилась ему с самого начала, теперь стала нравиться еще меньше.

Девочка беспокойства Алексея Палыча не разделяла. Она выглядела совершенно невозмутимой.

Они вышли в сквер перед вокзалом.

— Нет, так я не могу, — сказал Алексей Палыч. — Мне нужно кое-что выяснить. Давай присядем.

— Я опаздываю.

— Куда?

— На Писчебумажную улицу.

— Тогда я вообще никуда не пойду! — строптиво сказал Алексей Палыч. — С места не сдвинусь.

Девочка села рядом с Алексеем Палычем. С космическим нахальством она глядела ему в глаза. Впрочем, взгляд этот можно назвать и невинным.

— Я вас слушаю, — сказала она.

— Это я слушаю! — возмутился Алексей Палыч. — Прежде всего, как тебя зовут?

Алексей Палыч, отчасти знакомый с фантастикой, ждал какого-нибудь инопланетного бормотания вроде Скррмрчих или Интрджк.

— Лена, — сказала девочка.

— Допустим, — неохотно согласился Алексей Палыч. — Так вот, Лена... Нас сейчас тоже слышат и видят?

— Конечно.

— Мне это не нравится, — сказал Алексей Палыч, но галстук машинально поправил.

— Почему? Ведь мы же не вмешиваемся. Правда, мальчишка пробыл здесь десять дней и вступил в контакты. Но на вас это никак не повлияло, а уж на Планету — тем более.

— А ты — разве не вмешательство?

— Нет. Это совсем другой метод.

При словах «другой метод» у Алексея Палыча слегка заныло в груди. И снова представился ему скособоченный домик на окраине города, нечто вроде избушки Бабы-яги. И полыхали в этом домике, почему-то в подполье, огненные всплески, похожие на электросварку. И строился в подполье аппарат, смахивающий не то на спутник, не то на кастрюлю-скороварку.

В эту минуту ощутил Алексей Палыч личную ответственность за свой родной Кулеминск, за свой район, за свою страну и маленькую свою Планету.

— А почему вы думаете, что эти «другие методы» не принесут нам вреда?

— Мы знаем, что не принесут, но доказать я не могу. Вам поверили, Алексей Палыч. Поверьте и вы нам. Как у вас говорится... Я даю честное слово.

— Это несерьезно, — сказал Алексей Палыч. — Какое значение имеет честное слово для Космоса? Чепуха какая-то!

— Но для вас имеет?

— Для меня — да. Но в известных пределах. Личное слово, а не какое-то там космическое.

— Вот я и даю личное.

— А нельзя ли, чтобы ваши это как-то подтвердили. Ты говоришь, что нас сейчас видят и слышат. Тогда пускай... — Алексей Палыч огляделся. — Вот пускай сюда, на эту дорожку сейчас упадет что-нибудь. Например, монетка... копейка.

Девочка хмыкнула, да так громко, что проходящий мимо рыбак с удочками в чехле оглянулся на нее. Знай он, на кого оглянулся, так включил бы, наверное, четвертую скорость и умчался на другой конец Города.

— А вот это несерьезно, — сказала девочка. — Мы ведь не в цирке. Нет, вы все-таки еще дети. Наверное, вы нам на самом деле поможете. Идемте, Алексей Палыч, я уже совсем опоздала.

Поехали еще дальше

С автобуса они сошли в самом начале улицы, и пришлось им идти еще остановки три; номера домов здесь нарастали неторопливо, потому что дома были очень длинные, а между ними тянулись не менее длинные фундаменты новых построек.

Девочка смотрела на все это без особого любопытства. Даже, пожалуй, без любопытства вообще. Будто видела тысячу раз. Пожа-

луй, новичком скорее чувствовал себя Алексей Палыч. Он давно не был в Городе. Сейчас он подумал, что, может быть, и не плохо вышло так, что после института он уехал в Кулеминск. В Кулеминске он чувствовал себя человеком нужным, даже слегка известным. Здесь же, на широкой улице, уходящей едва ли не к горизонту, похожей на траншею, облицованную домами-плитами, он сам казался себе весьма малозначительным; точнее, не значащим ничего.

Правда, в Кулеминске не было театров. Но там и не жали масло из людей в автобусах.

— Незачем изобретать марсианские города,— сказал Алексей Палыч, махнув рукой вдоль улицы,— нарисовать все это без людей, вот и будет марсианский город.

— Четвертая планета вашей системы? — отозвалась девочка. — Там нет городов. И никогда не было.

— Наверное, так оно и есть,— согласился Алексей Палыч. — Я и сам так думал. Хотя... мои мысли... Они не имеют значения. Нужны доказательства. А вот вы могли бы нам помочь. Мы тратим колоссальные средства на исследования Космоса и будем тратить еще больше. А вы можете просто рассказать...

— То, что исследуете вы,— это еще не Космос. А если рассказать, то вы не поверите.

— Ну, можно прислать фотографии...

Девочка пожала плечами.

— Фальшивки.

— Пробы грунта, атмосферы...

— Подделка. Вы ничему не поверите. Вам все надо потрогать своими руками. Вы так устроены.

— Почему же... — сказал Алексей Палыч. — Я, конечно, не могу ручаться за наших ученых... Но если вы пришлете какую-то делегацию... что-то вроде научной экспедиции...

— А вы будете мучиться: что это за экспедиция — друзья или завоеватели? Установите контакт, а зону контакта окружите ракетными установками? Вам захочется поверить, но вы не сможете избавиться от сомнений. Вот это уже будет настоящее вмешательство. Вы нам нужны такие, как есть. А пробы, фотографии... Мы просто не умеем их делать.

— Другие методы?

— Конечно. Вы же не рубите деревья каменными топорами.

— Железные не так уж далеки от каменных,— возразил Алексей Палыч. — Принцип один и тот же.

— А у нас и принцип другой,— сказала девочка, и в тоне ее явственно прозвучало: «Нечего тебе объяснять, все равно не поймешь».

Не нравилась Алексею Палычу эта девочка. С мальчиком было труднее, но и проще. Он многого не знал, ошибался, но в нем было много человеческого. Девочка скроена из другого материала. Она знала, казалось, все, но это было какое-то холодное знание.

В доме 34 помещалась обыкновенная четырехэтажная школа с пристройками по бокам — спортзал и столовая. Во дворе было пусто. Как и в школе Алексея Палыча, в старших классах здесь шли экзамены, младшие уже распустили.

— Спасибо, Алексей Палыч,— сказала Елена, — вы мне очень помогли.

Сказано было спокойно. Алексей Палыч, который всю дорогу понемногу раскалялся, вскипел именно от этого спокойствия.

— Извините, мадам,— сказал он, — кажется, вы меня отпускаете, но я все-таки задержусь.

Впоследствии, когда Алексей Палыч вспоминал эту фразу, он так и не разобрался, откуда возникла «мадам». Французского языка он не знал; в Кулеминске тоже иностранными языками не увлекались. Очевидно, в данной ситуации слово это следовало понимать как оскорбительное, с намеком на неземное нахальство.

Девочка не оскорбилась. Она пожала плечами и направилась в обход школы к наружной двери спортзала. Туда она и вошла. И сразу за дверью послышались и рев, и стоны, и разные крики.

Побледнев, Алексей Палыч рванул дверь.

Девочка стояла в окружении ребят, одетых по-походному: штормовки, свитеры, рабочие брюки. По залу были разбросаны рюкзаки, набитые до округлости, со спальными мешками, подсунутыми под клапаны.

Ребята орали возбужденно и даже как будто бы негодуя.

В том, что ребята вообще орут, для учителя ничего удивительного не было. Ведь и взрослые часто начинают орать, думая, что так их лучше поймут. Неожиданным был самый смысл воплей.

— Елена Дмитриевна, где вы пропали?

— Елена Дмитна, мы же опоздаем!

— Елен Дмитна, мы уже за вами посылать хотели!

«Куда посылать? — машинально подумал Алексей Палыч. — ТУДА, что ли?»

— Тихо, тихо,— сказала Елена да еще и Дмитриевна. — У нас остался целый час. У кого деньги?

— У меня,— отозвался паренек, на шее которого не без элегантности под воротником свитера была повязана шелковая косынка.

— А мои вещи?

— Вот ваш рюкзак.

— Давайте в последний раз все проверим. У кого список?

— У Мартышки.

— Сколько раз я вас просила — без кличек,— строго сказала Елена, бог ее знает почему, Дмитриевна.

«Сколько же раз?» — тупо подумал Алексей Палыч.

Теперь, когда Алексей Палыч смотрел на девочку издали, она не казалась ему такой уж девочкой. Лет, может быть, восемнадцати, а может, девятнадцати, а может, пятнадцати;

кто их теперь разберет при всеобщем удлинении молодежи. В данном случае это ничего не меняло: Алексей Палыч в присутствии своего ученика Бориса сам видел, как вместе с голубым лучом исчез мальчик, а вместо него верхом, так сказать, на том же луче появилась эта Елена, допустим, Дмитриевна.

Алексей Палыч уехал, а Борис остался. Сейчас Алексей Палыч об этом жалел. Борис удивляться и раздумывать не любил. Во всяком случае, опекая мальчика, он с ним не особенно церемонился.

И все же надо было что-то немедленно сделать. Эти ребятишки не знают, кому они доверяются. А в том, что они доверяются, Алексей Палыч видел не просто опасность — угрозу. И тут очень кстати ему вспомнилось условие мальчика — не говорить никому, кто он.

«А про нее надо сказать,— решил Алексей Палыч.— И пускай тогда ее отзовут. Я не должен допускать экспериментов на детях».

Решить-то он решил... Но все же за два часа общения с железной «мадам» он не успел утратить врожденную деликатность и попытался договориться по-хорошему.

В конце зала, как и во всех таких залах, находилась преподавательская комната, о чем Алексей Палыч хорошо знал. Туда он и направился. Ребята взглянули на него мельком и отвернулись. «Мадам» посмотрела внимательно. Алексей Палыч ей кивнул, и она, сказав что-то ребятам, пошла за ним.

— Елена... извините, Дмитриевна...— строго сказал Алексей Палыч.— Я прошу прекратить! Никаких походов. Я просто не допущу!

— Нельзя, Алексей Палыч, им же обещано.

— А я прошу: делайте со мной что хотите, но их не трогайте!

— Ни с вами, ни с ними ничего не случится. Да и как я могу отменить? Вы же сами видите...

— Заболейте, подверните ногу, что хотите.

«Мадам» покачала головой.

— И вы утверждаете, что это не вмешательство?— гневно спросил Алексей Палыч.

— Я так думаю.

И тут новая мысль осенила вдруг Алексея Палыча.

— А куда вы дели ту Елену Дмитриевну, настоящую?

— Она в отпуске.

— Как же ребята едут с вами, если знают, что она в отпуске?

— Она ведь не в ВАШЕМ отпуске, а в НАШЕМ,— спокойно сказала «мадам».

— Значит...— холодея, произнес Алексей Палыч,— вы что, копия?

— Почти. Я думала, что вы сразу поняли.

— Хорошо,— сказал Алексей Палыч и слегка скосил глаза к потолку, над которым находилось небо, где сейчас его должны были видеть и слышать,— тогда я знаю, что сделаю. Я вас выдам!

— Вам не поверят,— покачала головой Елена, с позволения сказать, Дмитриевна.— Извините,

Алексей Палыч, теперь нам действительно нельзя терять ни минуты.

«Мадам» развернулась и пошла в зал.

Алексей Палыч помчался на второй этаж. Деликатничать он не собирался, сейчас ему было наплевать на то, что его где-то видят и слышат. Нужно было успеть прежде, чем Те, наверху, успеют остановить его каким-нибудь лучом или чем-нибудь в этом роде.

Никаких лучей по дороге не встретилось.

Алексей Палыч ворвался в «предбанник» и спросил у секретарши:

— Директор у себя?

— У себя. А вы по какому вопро...

Но Алексей Палыч уже скрылся в кабинете.

Директор, сидя за письменным столом, разговаривал по телефону. Жестом он пригласил Алексея Палыча присесть в кресло возле стола.

Алексей Палыч сел, поерзал в кресле, но директор, кажется, не собирался кончать разговор. Тогда Алексей Палыч без церемоний взял со стола чистый листок бумаги, написал на нем «Срочно!» и подвинул к директору. Тот кивнул, но трубку не положил. Алексей Палыч ниже «Срочно!» приписал «Очень!». Разговор продолжался. Тогда Алексей Палыч протянул руку к телефону.

— Извините,— сказал в трубку директор,— я потом перезвоню. Что за пожар?— обратился он к Алексею Палычу.

— Простите ради бога, но дело исключительно срочное,— заторопился Алексей Палыч.— У вас уходит в поход группа ребят?

— Да. Ну и что?

— Вы знаете, кто ее возглавляет?

— Конечно.

— Кто?

— Елена Дмитриевна Кашеварова, инструктор по туризму, кандидат в мастера спорта.

— Кашеварова!— возмутился Алексей Палыч.— Еще и Кашеварова! Да вы знаете, кто она такая?

В глазах директора промелькнуло некоторое беспокойство. Склонив голову, внимательно разглядывая Алексея Палыча, он ждал.

— Она инопланетянка!— выпалил Алексей Палыч.— С другой планеты!

Теперь в глазах директора ничего уже не читалось. Смотрел он в стену, поверх головы собеседника.

— С какой же?— равнодушно спросил он.

— Не знаю. Знаю, что она не настоящая Елена Дмитриевна. Настоящая в отпуске. Но она тоже не настоящая.

— Может быть, хватит шутить?— сказал директор.— У меня нет для этого времени. А на сумасшедшего вы не похожи.

— Одну минуту...— умоляюще сказал Алексей Палыч.— Еще не поздно все изменить...

— Хорошо, говорите, но короче.

— Я работаю в школе. В Кулеминске. Знаете?

Директор молча кивнул.

Кто-то потянул Алексея Палыча за рукав, это был Борис.

— Дней десять тому назад в мою лабораторию прислали или забросили — не знаю, как сказать, — мальчика с другой планеты. Мой ученик Борис Куликов при этом присутствовал. Мы этого мальчика пожалели и оставили у себя. Он нам сообщил условие: никому не говорить, кто он и откуда. Иначе его немедленно отзовут, то есть вернут обратно. Был он какой-то... беззащитный, что ли... мы ему помогали... Но сегодня его отозвали. И сегодня же... вот эта ваша Кашеварова... Она прибыла тем же способом. Я видел сам... Борис тоже видел. Теперь она уходит с вашими ребятами. Мне они не поверят... Вы просто должны вмешаться. И давайте не будем терять время!

— Давайте, — согласился директор. — Вы, значит, учитель?

— Физики.

— Неважно. Значит, вам известно, какое сейчас напряженное время: конец года, экзамены и прочее.

— Конечно. Я тоже принимаю экзамены. Но дети...

— Тогда выйдите, пожалуйста, вон! — рявкнул директор. — И учтите: милиции мне не потребуется, вынести вас я смогу и сам!

Директор нажал кнопку звонка. В дверях показалась секретарша.

— Проводите до выхода этого... писателя.

При слове «писатель» секретарша заулыбалась, лицо ее выразило приветливость и почтение.

— С удовольствием, — сказала она нараспев. В груди директора что-то заклокотало, но он сдержался.

По дороге к выходу секретарша несколько раз говорила: «Сюда, пожалуйста, туда, пожалуйста», — словно шли они не по обычной лестнице, а по лабиринту.

— С какого вокзала отправляются ваши туристы? — спросил Алексей Палыч.

— С Центрального. Вы будете о них писать?

— Нет, — буркнул Алексей Палыч.

— А какие книги вы написали?

Алексей Палыч сделал вид, что не слышит.

— А над чем вы сейчас работаете?

— Да подите вы к черту! — сказал Алексей Палыч.

В оправдание Алексея Палыча надо заметить, что за последние двадцать пять лет это была первая грубость в адрес женщины. Но секретарша об этом не знала. Она так и прилипла к перилам.

С тех пор без вины виноватая женщина слово «писатель» произносила презрительно и с ударением на первом слоге.

Когда Алексей Палыч вышел из школы, ему показалось, что за ним следят. Возможно, ТАМ уже приняли меры. Во всяком случае, какая-то фигура метнулась за угол школы.

Алексей Палыч влез в автобус, заполненный всего на девять десятых объема. Мелочи у него

не было, и он стал проталкиваться к кабине водителя, чтобы купить талоны.

Шпион влез последним. У него вообще не было никаких денег, но со свойственной всем шпионам бесцеремонностью он плюхнулся на освободившееся место и пригнулся пониже, чтобы его не заметили.

В громадном зале вокзала Алексей Палыч ни ребят, ни Лжедмитриевны не нашел. Он взглянул на электронное табло. Дальних поездов в ближайшие пять часов не предвиделось. Значит, электричка.

Ближайшая электричка уходила через пятнадцать минут. Но ведь с вокзала отправлялись поезда трех направлений...

Алексей Палыч в растерянности стоял посреди зала. Толпа обтекала его. Он не обращал внимания ни на случайные толчки, ни на дружескую критику пассажиров, называвших его кто пнем, кто столбом,—кому как понравится.

Кто-то потянул его за рукав.

Рядом с ним стоял Борис.

Алексей Палыч почти не удивился: в последнее время много незаконных и тайных дел связывало его с Борисом. Не было ничего странного в том, что сообщник оказался рядом.

— Я тебе сказал оставаться дома,—молвил Алексей Палыч больше для порядка.—Как же ты меня нашел?

— Нашел!—фыркнул Борис.—Да я все время был рядом: в электричке—в другом вагоне, в автобусе—сзади и около школы.

— Это ты прятался за углом?

— А кто же еще!

Алексей Палыч взглянул на табло. Оставалось тринадцать минут. Может быть, и не эта электричка... Но рисковать нельзя. Однако чем рисковать и что нужно делать, Алексей Палыч пока не знал.

Объяснять Борису долго не пришлось: он тоже был специалистом по контактам. Алексей Палыч рассказал ему все в двух словах.

— Ну, я ей рога обломаю,—с угрозой сказал Борис.

— Боря, тут совсем другое.

— С мальчишкой-то справлялся!

— И она совсем другая. Ты ведь понял, что ее знают у нас. Ну, может, не ее, а копию, но ведь это не объяснишь.

— Эх, Алексей Палыч, говорил я вам: не нужно было с ними связываться...

— Боря,—сказал Алексей Палыч,—на рассуждения времени нет. Или что-то надо делать, или ехать домой. Нет, домой нельзя. Если они не вернутся, я никогда себе не прощу.

— Ехать с ними.

— Может быть, и так. Беги на перрон, поищи, в какой электричке.

Борис скрылся.

Много бы отдал Алексей Палыч за то, чтобы все можно было закончить сейчас, сию же минуту.

Подбежал Борис.

— В шестом вагоне, одиннадцать тридцать пять.

Это была та самая, ближайшая электричка. Алексей Палыч пошел к кассе.

— Берите и на меня.

— Ты поедешь домой,—строго сказал Алексей Палыч.

— Тогда я поеду бесплатно.

— Боря!..—еще строже произнес Алексей Палыч.

— Я только провожу и вернусь. Надо же знать, где вас искать.

В последних словах был смысл. Осуждая самого себя, Алексей Палыч взял два билета: туда и обратно. Поскольку куда «туда», он не знал, пришлось брать до конца.

Теперь оставалось пять минут. Алексей Палыч бросился к окошечку почты. Он быстро написал на бланке несколько слов и попытался его просунуть в окошко... Очередь угрожающе, по-шмелиному загудела.

— Товарищи, поезд уходит,—сказал Алексей Палыч, стараясь казаться ничтожным и жалким.

Алексею Палычу объяснили, что он на вокзале и поезда уходят у всех.

Тогда Алексей Палыч сунул бланк вместе с рублем единственному человеку, который молчал, и быстро удалился. Молчаливый хотел что-то сказать, но было уже поздно.

Телеграмма была составлена примерно так: «ВЫЕЗЖАЮ МОСКВУ НЕДЕЛЮ-ДРУГУЮ ВЫЗЫВАЮТ МИНИСТРУ АЛЕКСЕЙ»

Обратного пути нет

В электричку Алексей Палыч с Борисом вскочили уже под объявление: «Осторожно, двери закрываются!»

Сели они в пятый вагон, чтобы до поры до времени себя не обнаружить. Несколько остановок проехали вместе, а затем Борис отправился в шестой вагон в качестве наблюдателя. Алексей Палыч считал, что это вполне безопасно, так как Лжедмитриевна видела его лишь мельком.

Минут через десять Борис вернулся.

— Ну что?

— Поют.

— И она поет?

— Вроде поет. А может, только рот разевает. Она ко мне спиной сидит.

— А что поют?—спросил Алексей Палыч скорее машинально, ибо не в этом была сейчас его главная забота.

— Про «зеленое море тайги»... А сейчас «Буратино».

— Выходить не собираются?

— Вроде нет пока.

— Присядь на минутку.

Борис сел рядом и хмуро прочертил взглядом вдоль противоположной скамьи. Паренек

в форме речного училища спал, прислонившись к стенке вагона. Молодая женщина объясняла своей девочке, что нехорошо называть бабушку старухой.

— Боря,—шепотом сказал Алексей Палыч,—мне кажется... Ну, не то чтобы кажется... А вдруг она искусственная?

Борису никогда ничего не нужно было разжевывать.

— Робот, что ли?

— Что-то в этом роде.

— А если робот, то тогда и говорить не о чем. Вызовем ее в тамбур... Двери эти, если поднажать, открыть можно. Какой она там ни робот, а грохнется о рельсы — все винтики разлетятся.

— Ты с ума сошел! Я ведь только предполагаю...

— Давайте проверим. Я сяду сзади и уколую ее чем-нибудь. Закричит или нет?

— Ерунду говоришь,—поморщился Алексей Палыч.—Если ОНИ умеют посылать своих... представителей... через Космос, да еще мгновенно, то уж никакие уколы для них не страшны. Когда я говорил «искусственная», я имел в виду искусственный мозг. И очень хотелось бы знать, что сейчас в этом мозгу. А на винтики разбирать ее не стоит. Скорее всего их там нет. Это тебе не кружок «Юный техник».

— Ну ладно,—согласился Борис,—я ляпнул. Ну, вот они выйдут... Что мы будем делать?

— Пока не знаю,—вздыхнул Алексей Палыч.

Электричка начала замедлять ход перед станцией.

— Иди,—сказал Алексей Палыч.

Борис исчез и не появлялся еще остановок десять.

Алексей Палыч думал, думал напряженно. В голове его проносились мысли-картинки: вот он хватает Лжедмитриевну за руку и тянет в стационарный милицкий пункт... Что это? Похоже на хулиганство. Да и группа не даст ее в обиду. Или уговаривает ее, умоляет. На коленях, что ли? Не поможет: «мадам»-то железная. И опять же группа... Алексей Палыч дошел даже до того, что мысленно украл у ребят рюкзаки, но не представлял себе, как это сделать.

В вагон заглянул Борис.

— Собираются!

Эта была последняя станция.

Алексей Палыч и Борис вышли на платформу, уже не скрываясь. Но заметили их не сразу. Ребята побросали рюкзаки возле домика станции. Лжедмитриевна зачем-то зашла вовнутрь. Ребята побежали в пристанционный ларек пить лимонад, оставив одного караульного.

Алексей Палыч огляделся. Тихо и пусто. В кронах тополей, высаженных вдоль платформы, суетились какие-то беззаботные птички. Железнодорожная курица, замызганная, как

швабра, копошилась в куче мусора. Даже странно было, что в такой приветливый и солнечный день может случиться что-то плохое.

Туго набитые рюкзаки ребят притягивали взгляд Алексея Палыча, и взгляд этот постепенно принимал хищное выражение.

— Боря, отвлеки дежурного,—вполголоса произнес Алексей Палыч.

И опять Борису долго объяснять не пришлось. Он подошел к дежурному и поманил его за угол со словами:

— Иди сюда, чего покажу.

Дежурный окинул взглядом окрестность, но, кроме Алексея Палыча, который стоял отвернувшись, поблизости никого не было.

— Ну чего? — спросил он небрежно.

— Иди, смотри.

Дежурный сделал два шага за угол. Борис сунул ему под нос запястье, на котором блестяли часы.

— Ну и что? — спросил дежурный.

— Водопроницаемые! Видал?

— Сто раз видал.

— Да ты смотри!

Борис сунул руку в бочку, стоявшую под водостоком.

Алексей Палыч между тем не терял времени. Короткой перебежкой он рванулся к рюкзакам, схватил два из них за лямки и поволок под платформу. Ребятишек, видно, бог не обидел силой: рюкзаки были неподъемными, и похититель двигался не так быстро, как ему хотелось.

За углом в этот момент дежурный увидел, что пространство между стеклом и корпусом часов заполняется коричневой жижей.

— Дурак,—сказал он и вышел из мертвой зоны. Выражение его лица тут же изменилось. Он увидел Алексея Палыча, который закатывал рюкзаки под платформу.

— Э-э-эй,—заорал дежурный,—ты чего делаешь?!

На этот вопль из ларька выглянул один из ребят, крикнул что-то, и тут же весь табун выплеснулся на привокзальную площадь. Группа неслась на выручку решительно, хотя пока не знала, кого и от чего нужно спасать.

Алексей Палыч, багрово краснея, стоял возле краденого. Борис уже был рядом с ним. Но дежурный один против двоих воевать не решился, он ждал поддержки.

Группа, угрожающе дыша, обступила жуликов полуколыском. Объяснять ничего не требовалось, рюкзаки, ясно было, скатились под платформу не сами.

— Ты кушать хочешь? — ласково спросил Бориса паренек с косынкой на шее.

Борис промолчал: не объяснять же, что воровали ради их же спасения.

— Концентратор захотелось? Сейчас мы накормим...

— Это не он,—сообщил дежурный,—он только отвлекал. А главный вот этот, в очках.

— Сейчас будет без очков!

И быть бы Алексею Палычу без очков, а может быть, и с синяками, если бы Борис вдруг не бросился бежать. Группа устремилась за ним. Бежали молча, но молчание это было нехорошим.

Алексей Палыч понимал, что Борис поступил правильно: пусть уж лучше бьют одного, чем двоих. Он всей душой желал Борису удрать, но все же почему-то было за него неловко.

Однако в бегстве Бориса постепенно вырисовывался какой-то смысл. Он пробежал вдоль станции, свернул за пакгауз¹ и на какое-то время скрылся из виду. Когда он появился, между ним и ребятами сохранялось примерно то же расстояние. Ребятишки были спортивные, но штормовки и свитеры против рубашки и джинсов Бориса уравнивали шансы.

После пакгауза Борис повернул и побежал с другой стороны станции. Караульный заколебался: он мог перехватить беглеца, но оставить рюкзаки не решился.

— Бегите, Алексей Палыч! — крикнул Борис.

«Куда?» — мысленно спросил Алексей Палыч.

А Борис обогнул конец платформы и снова побежал к станции, теперь уже по шпалам. Увидев, что Алексей Палыч стоит на месте, он остановился, залез на платформу и подошел к Алексею Палычу. Караульный бросился на него, сжал в объятиях, совсем не дружеских. Борис не сопротивлялся.

Алексей Палыч увидел, что от станции идет к ним Лжедмитриевна.

Ребята тоже увидели ее, и это спасло грабителей от расправы.

Сначала Алексей Палыч удивился, что она не удивилась, увидев его. Но тут же удивился, что удивился: «мадам» она и есть «мадам» — что может быть для нее необычного на нашей слаборазвитой планете?

— Елен Дмитна, — сказал паренек с платком на шее. Кажется, он был главным в этой компании. — Они рюкзаки украли! Дать им или в милицию?

— И не дать и не в милицию, — спокойно ответила Лжедмитриевна, — я их хорошо знаю. Просто я просила их проверить вашу внимательность.

«Значит, врать она все-таки умеет», — подумал Алексей Палыч.

Не слишком убедительно прозвучали слова Лжедмитриевны. Да и говорила она на этот раз ровно и бездушно, словно переводила с иностранного.

— Елена Дмитриевна, — сказал Алексей Палыч, с трудом и отвращением выговаривая полные имя и отчество, — мне нужно с вами поговорить.

— Подождите немного, — сказала Лжедмитриевна ребятам и снова зашагала к станции. У

вокзального домика она остановилась. — Слушаю вас, Алексей Палыч. Только, пожалуйста, недолго.

— А вы мне не указывайте, — строптиво сказал Алексей Палыч. — Или у вас так принято — наводить на чужих планетах свои порядки? Может быть, вы скажете, что этот поход тоже невмешательство?

— Если даже скажу, то вы не поверите...

— Теперь тем более не поверю: я убедился, что вы способны на ложь. Я имею в виду «проверку внимательности».

— Но ведь и вы способны, Алексей Палыч. Я имею в виду слежку за нами.

— А я, повторяю, вас не просил устанавливать свои порядки на чужих планетах! — решительно сказал Алексей Палыч.

— Только не надо насчет порядков, — заявила Лжедмитриевна. — У вас уже давно пишут о преобразовании других планет. Вас об этом просили? Вы сначала свою преобразуйте. Хотя бы на ней наведите порядок.

— Да?

— Да.

— А ваше какое дело?

И тут Алексей Палыч, будучи человеком образованным и отчасти интеллигентным, с ужасом осознал, что затеял базарный разговор с Космосом. Лжедмитриевна — еще полбеда; она же не человек, она формула. Но ведь наверху все слышали...

— Вот что, — строго сказал Алексей Палыч, — о преобразовании планет у нас пишут фантасты. Но даже они не имеют в виду планеты цивилизованные. А вот вы вмешиваетесь.

— Мы не вмешиваемся, — в который уже раз повторила Лжедмитриевна. — Да и не такие уж вы цивилизованные, но спорить я с вами не буду. Что вы хотите сейчас?

— Отмените поход.

— Это уже невозможно. Можно было отменить до отправления электрички. Сейчас поздно.

— Что это значит?

— Вы не поймете или не поверите.

— Чего ты из себя воображаешь? — спросил Борис, до сих пор молча стоявший рядом. — Боря, — тем же ровным голосом сказала Лжедмитриевна, — если ты хочешь со мной поссориться, то это бесполезно. Я ссориться не умею.

— Ну и давай лети домой.

С платформы донесся скандированный крик:

— Е-ле-на Дми-три-ев-на! Е-ле-на Дми-три-ев-на!

— Мне пора.

— Я иду с вами, — решительно заявил Алексей Палыч. — И не подумайте возражать!

Елена железная Дмитриевна и ухом не повела и глазом не моргнула.

— Теперь это неизбежно, — сказала она.

Алексей Палыч, ожидавший сопротивления, слегка пошатнулся: груз, который он

¹ Железнодорожный склад.

намеревался сдвинуть большим усилием, оказался неожиданно легким.

— Боря,— сказал Алексей Палыч,— ты отправишься домой следующей электричкой.

— Боря тоже пойдет с нами.

— Может, я не хочу,— сказал Борис, который только этого и хотел.

— Оставайся. Но что ты будешь делать на этой станции? Вернуться ты уже не сможешь.

— Как это понимать?— спросил Алексей Палыч.

— Дело в том,— хладнокровно сообщила «мадам»,— что раз вы сели в эту электричку, то вернуться уже не сможете. До окончания похода, разумеется.

На этот раз Алексей Палыч поверил сразу и без колебаний.

— И это у вас называется «не вмешиваться»?— спросил он голосом, вдруг охрипшим.

— Да.

— А родители Бори... А мои родные, друзья... Где они нас будут искать?

— Вас не будут искать,— сказала Елена трижды проклятая Лжедмитриевна.— Но больше я и сама ничего не знаю.

Она повернулась и пошла к ребятам, которые, видя, что разговор окончен, принялись надевать рюкзаки.

— Алексей Палыч, чего будем делать?— спросил Борис.

Алексей Палыч беспомощно пожал плечами.

— Идти, наверное. Там посмотрим.

— Ну, теперь-то я ее с обрыва какого-нибудь толкну!— заявил Борис.— Посмотрим, тогда какие у нее внутри транзисторы и конденсаторы.

Привет полуботинкам

Группа шла цепочкой.

Поначалу ребята переговаривались, слышался смех. Но постепенно, как это всегда бывает в первый день, рюкзаки становились все тяжелее. Разговоры сбивали дыхание, и скоро они прекратились сами собой. Ребята шли молча и сосредоточенно— работали.

Первые комары, веселые и настырные, спешили выполнить свой долг перед природой и своим племенем. Больше всего им полюбился Борис, одетый в легкую рубашку с короткими рукавами. Алексей Палыч шел позади него и видел, как он выворачивает руки за спину, пытаясь достать зудящие места под лопатками.

Да и сам Алексей Палыч теперь, когда шли уже не по тропе, а напролом, чувствовал свою неуместность в лесу. Пиджак, галстук, обычные брюки, полуботинки были здесь столь же не к месту, сколь не к месту туристские

Борис обогнул конец платформы и снова побежал к станции.

одежды в театре. Галстук вскоре был сдернут и засунут в карман. Но полуботинки, которые дома вели себя вполне прилично, здесь вдруг начали натирать ноги. Штанины норовили зацепиться за каждый гнилой сучок. Ворот пиджака охотно оттопыривался, чтобы принять порцию хвои или другой мусор.

А Лжедмитриевна и ребята о них, казалось, вовсе не думали. Во всяком случае, никто не оборачивался.

— Алексей Палыч,— сказал Борис через плечо,— почешите мне, пожалуйста, спину.

Алексей Палыч догнал Бориса и на ходу почесал. Останавливаться было опасно: группа не сбавляла темпа.

— Быстро они идут,— заметил Алексей Палыч.— Просто как заведенные.

— Думаете, тоже роботы? — спросил Борис.— Да нет. Обыкновенные туристы. Я таких видел. Компас в зубы — и шлепают, пока не свалятся.

— Надеюсь, что ждать недолго,— сказал Алексей Палыч.— У меня такое ощущение, что если мы свалимся, то они даже не остановятся.

— Остановятся,— уверенно сказал Борис.— Это у них закон. Они просто мечтают кого-нибудь спасти.

— Откуда ты-то знаешь?

Впереди посветлело. Густой ельник сменился редким мелким сосняком. Под ногами захлопало: сосняк рос на подболощенной поляне. Полуботинки Алексея Палыча приняли в себя положенную меру коричневой жижи. Кеды Бориса промокли. Но группа, теперь видная вся целиком, по-прежнему шла напрямиком, словно посуху.

«Неужели нельзя обойти?» — подумал Алексей Палыч. Специалистом по туризму он не был, хотя в лесу бывал не так уж редко: в Кулеминске только безногие по грибы не ходили. Но и неспециалист может понять, что только очень неумный инструктор позволит группе промочить ноги без крайней нужды.

«Или неопытный...» — подумал Алексей Палыч.— Но почему никто не возразил? Может быть, они под гипнозом?»

Все на свете кончается, кончилось и болото. Впереди потянулся пологий взгорок, выстланный белым мхом и вереском. Идти стало полегче в том смысле, что земля уже не стремилась засосать и стянуть туфли с Алексея Палыча. Но в туфлях хлопало, ноги в них скользили, подвергивались, и вообще все было противно и мерзко.

Борису было полегче, не говоря уже о том, что он был просто-напросто моложе.

А группа все шла и шла... Хоть бы кто-нибудь обернулся... Отсюда, снизу, даже ребячьих голов не было видно, а так — рюкзаки с ногами.

Алексей Палыч начинал уже сердиться все-р-ез. То, что ими не интересовались ребята, вполне можно понять: плетутся сзади два чудака и пускай себе плетутся, пока им не

надоест. Но ведь подлая Лжедмитриевна знала все. И то, что они раздеты, и то, что разуты, и то, что у них не было ни крошки еды.

Перевалив через вершину гряды, группа стала спускаться по противоположному склону. Не доходя до опушки леса, ребята остановились и сбросили на землю рюкзаки. Лжедмитриевна сказала им что-то, указывая рукой, и двое мальчиков побежали к лесу.

«Они еще могут бегать», — подумал Алексей Палыч. Он присел на обомшелый камень. Борис плюхнулся рядом на землю. Обоим почему-то хотелось оттянуть момент встречи. Но чем больше затягивалось ожидание, тем глупее все выглядело. Ни та, ни другая сторона уже не могла делать вид, что существует сама по себе.

От группы отделилась девочка и подошла к преследователям.

Алексей Палыч внимательно смотрел на нее, отыскивая признаки гипноза. Борис, как старый женоненавистник, сделал вид, будто ничто окружающее его не интересует, и демонстративно принялся чесать накусанную спину.

Девочка была как девочка, раскрасневшаяся, с капельками пота у висков, со свежими расчесами на лбу, длинноногая и легкая в движениях. Она сразу почувствовала молчаливое сопротивление Бориса. Почувствовала, но никак этого не проявила. Точнее, проявила, но небрежно и элегантно, как это умеют делать девочки. Просто она не заметила Бориса и обратилась к Алексею Палычу:

— Вас зовут.

Девочка побежала вниз вприпрыжку, словно танцуя. Это был боевой танец, предназначенный для Бориса.

Алексей Палыч и Борис нехотя побрели вниз. Оба понимали, что в своих одеждах выглядят в этой обстановке нелепо, как будто они, а не Лжедмитриевна свалились с другой планеты. Но только она и может им помочь, если, конечно, захочет.

Ребята сидели разутые. Кеды и шерстяные носки, разложенные на камнях, дымились под жарким солнцем.

— Познакомьтесь,— сказала Лжедмитриевна.— Это Алексей Палыч и Боря.

Ребятчи ступни от хождения в сырой обуви слегка посинели, кожа на них сморщилась. Алексей Палыч искоса глянул на ступни Лжедмитриевны. Они были точно такими же. И комары Лжедмитриевну тоже кусали: на ее щеке и на кистях рук виднелись свежие волдыри. Впрочем, это еще ничего не значило: работа можно сделать и не такого.

— Они пойдут с нами,— сказала Лжедмитриевна.

Никто не возразил. Никто не обрадовался. Ребята молча разглядывали жалкую парочку. Пускай даже похищение рюкзаков было проверкой. Проверяющие тоже обычно симпатий не вызывают.

— А в чем они пойдут? — спросил паренек с косынкой.

— Не знаю,— сказала Лжедмитриевна с видом если не равнодушным, то вполне безмятежным.

— Так и пойдем,— мрачно сказал Борис.

Ребята дружно засмеялись. Борис насупился. Ему-то было не до смеха. Алексей Палыч, помня о своем учительском положении, потихоньку ежился от неловкости, подыскивал какие-то нужные слова и не мог их найти.

Но смех немного разогнал облака неприязни. Ребята почувствовали свое превосходство и от этого стали добрее.

— У меня есть запасной свитер. Только он хэбэ.— Девочка, которая приходила за ними, покопалась в своем рюкзаке и перебрала свитер Борису.

Борис ловить не стал. Свитер мягко ударился о его грудь и упал на землю.

— А у меня кеды,— сказал паренек в темных очках.

Связанные шнурками кеды мелькнули в воздухе и опустились возле ног Алексея Палыча. Он машинально нагнулся, взял кеды и посмотрел на подошву, где был оттиснут размер.

— Подойдет?

— Спасибо,— сказал Алексей Палыч, и все почему-то опять засмеялись.

Лжедмитриевна внимательно и серьезно за всем наблюдала. Чувств на ее лице было не больше, чем на лунном диске.

Подбежали двое посланных к лесу. Они принесли фляги с водой.

— Нашли родник! Вкусная! — выпалил один, и оба уставились на чужаков.

— Гы-гы! — Что это выражало, было неясно и выяснить не удалось, потому что они тут же плюхнулись на землю.— Есть хочется — жуть!

Остальным больше хотелось пить. Обливаясь и вкусно чмокая, ребята пили. Дошла очередь и до Алексея Палыча. Он послушно засунул горлышко в рот. Впервые в жизни он понял, что ничего не бывает вкусней прохладной, чистой воды.

«Теперь буду пить только такую, без варенья, без сахара...» — подумал Алексей Палыч и тут же поперхнулся. Но не от воды, а от шепота.

— А зачем этого старика взяли? — спрашивал один из водоносов.— Рассыплется ведь по дороге.

В свои сорок пять Алексей Палыч стариком себя не считал, даже не задумывался над этим. Но сейчас пришлось смириться. Это был тот случай, когда утопающий вцепляется в горло своему спасителю. Не виноват был мальчишка, не знал он, что стоит на краю гибели.

Борис пить не стал, но остаток воды вылил себе на макушку.

— В следующий раз сам за водой пойдемь,— сухо заметил паренек с косынкой.

Тем временем из рюкзаков достали три пачки печенья и плитку шоколада. Каждому досталось по три штуки и по одной дольке шоколада.

Алексей Палыч попытался проявить благородство.

— Не нужно. Мы ведь ничем не можем с вами поделиться. Мы не взяли продуктов. Забыли... я хочу сказать — потеряли... Когда мы купим...

— Вы ничего по пути не купите,— сказала Лжедмитриевна.

Алексей Палыч незаметно опустил печенье в карман.

Борис не стал есть печенье по другой причине. Он был человеком самолюбивым и не хотел так быстро сдаваться. Долька шоколада почти растаяла в его ладони. Это не осталось незамеченным.

— Ешь,— сказал Стасик,— ты не у папы с мамой. У нас никого не уговаривают.

Борис неопределенно мотнул головой.

— Ешь,— повторили ему.— У нас выделяться не положено. Дисциплина существует для всех.

Но Борис еще пробовал сопротивляться.

— Ты что, командир?

— Он заместитель руководителя группы,— сказала хозяйка свитера.

— А тебя, Мартышка, пока не спрашивают,— отозвался Стасик.

— А ты руководи поменьше.

В эту перебранку, которая, впрочем, была беззлобной и как будто привычной, Лжедмитриевна не вмешивалась. Она молча переводила взгляд с одного говорившего на другого.

— Боря, нужно съесть.— Это уже Алексей Палыч, перешедший в ряды противника, начал понемногу предавать своего верного друга.

— Ешь, Боря,— почти ласково сказала Мартышка.

Выслушивать дальше уговоры было уже просто глупо. Борис сунул одну печенину в рот и раскусил ее с такой силой, словно на зубах у него была эта самая Мартышка.

После еды все принялись обуваться. Носки и кеды на камнях просохли, а у водоносов они почти высохли на ногах.

Алексей Палыч натягивал кеды, которые были на размер меньше, чем нужно. Стасик заметил и это.

— Выкиньте стельки,— посоветовал он.

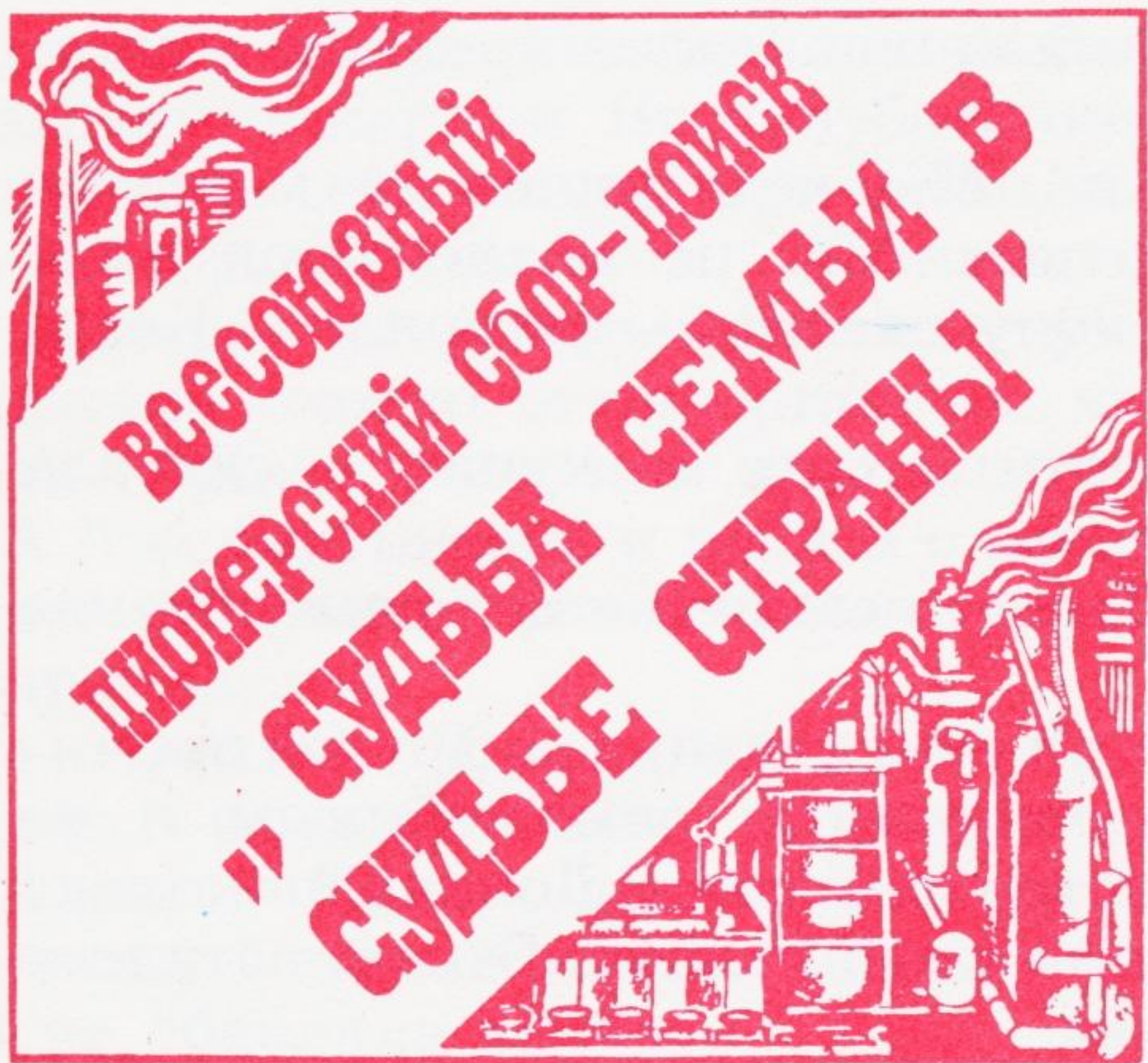
— Спасибо,— послушно отозвался Алексей Палыч.

Группа навьючилась рюкзаками и зашагала к лесу.

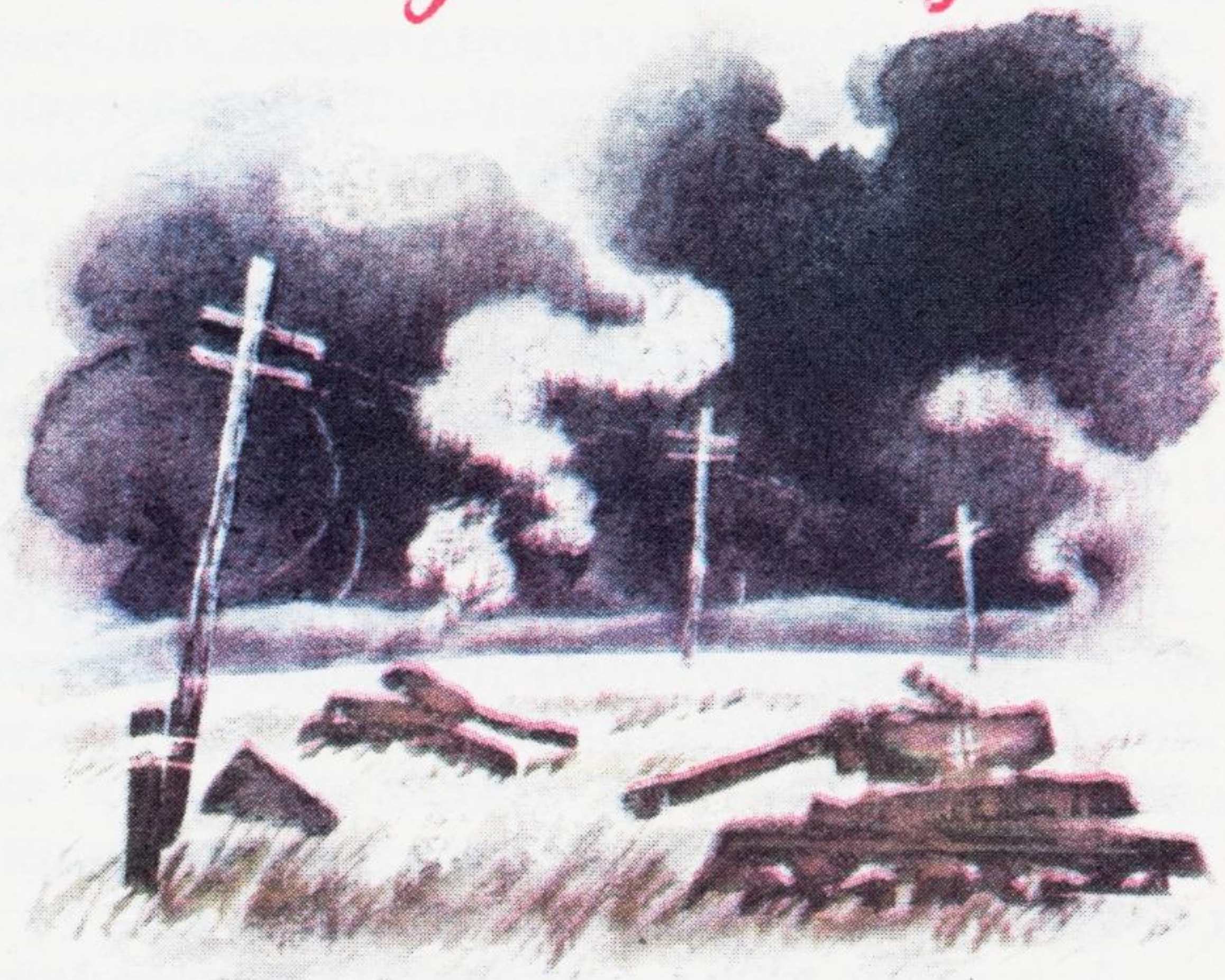
Алексей Палыч с сожалением взглянул на полуботинки, нежившиеся под солнцем на макушке камня. Почти новенькие, заграничные, натуральной кожи. Теперь эти полуботинки с молчаливым упреком смотрели на своего хозяина, словно понимали, что расстаются с ним навсегда.

Алексей Палыч махнул рукой и направился вслед за группой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

О наградах и годах

Когда я узнала о Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны», мне тоже захотелось принять в нем участие и рассказать о моем дедушке Николае Степановиче Курилове.

В 1941 году, когда началась война, дедушка с первых же дней ушел на фронт добровольцем. Тогда ему было только девятнадцать лет. Дедушка принимал участие в Сталинградской битве. Вместе со своими фронтовыми друзьями бил ненавистных врагов. От Сталинграда дошел до Праги.

Мы видели войну в кино, в книжках о ней читали, для нас это история. Но когда я смотрю на дедушкин орден Красной Звезды, всегда думаю, как трудно было ему и всем остальным на

войне, как страшно и каким он был смелым, если его наградили таким орденом. И мне очень хочется быть похожей на своего дедушку.

Сейчас дедушке пятьдесят девять лет. Уже двадцать пять лет он трудится на своем предприятии, его все уважают. За хорошую работу дедушку наградили медалью «За доблестный труд».

А жители нашего поселка выбрали его депутатом поселкового Совета. Я думаю, еще потому, что дедушка добрый и честный, как свои, принимает беды других и относится к людям с доверием.

Аня КУРИЛОВА,

5-й класс,

пос. Покотиловка, Харьковская область, УССР.

Расскажу вам о бабушке

Недavno нашему колхозу исполнилось шестьдесят лет. Это было большим событием для всех жителей нашего села. А для моей бабушки этот день стал особенным: ее удостоили звания заслуженного колхозника. Не каждый добивается такого.

Моя бабушка проработала в колхозе дояркой тридцать три года. Ее часто награждали грамотами, ценными подарками, была она лучшей дояркой не только в районе, но и в области.

Бабушкина работа нелегкая: раньше всех встает она в нашей семье и спешит к себе на ферму. Это теперь труд доярок механизирован, а бабушка пришла сюда семнадцатилетней. Все тогда делалось вручную. Болели натруженные бабушкины руки, она недосыпала, но никогда не унывала, на все находила время.

Она очень скромная, трудолюбивая и веселая — моя бабушка. И еще она щедрая сердцем: все, что она знает, умеет, старается рассказать тем, кто приходит на ферму сейчас. И мне она

часто рассказывает с большой любовью о своей работе.

Я стараюсь научиться, как бабушка, не бояться никаких трудностей.

Эльза МУСТАКИМОВА,

7-й класс,

с. Аслана, Ялуторовский р-н, Тюменская область.

Елена ГРИГОРЬЕВА

* * *

Я все ужасно переживаю,
я ночью долго не засыпаю...
Переживаю, что неумелая,
что даже летом незагорелая,
что я какая-то не такая...
Переживаю, когда толкают.
Переживаю страшные книжки
и что не дружат со мной мальчишки...

Еще я очень переживаю:
зачем я все так переживаю!

Память о зиме

Кленовый лист,
засохший, но красивый,
я достаю зимой
из толстой книги
и вспоминаю
золотую осень
и старый клен,
который листья
сбросил.

Мне очень хочется
на память о зиме
снежинку белую
оставить в книге этой
или хотя бы
легкий след ее,
чтобы потом
случайно встретить летом.

Но нежная снежинка
быстро тает,
а след ее
бесследно исчезает.

Как жаль,
что о зиме на память
нельзя нам
ничего
оставить.

Сны

Я
раздаю сны!
Берите, кому нужны!
Сны про пятерку?
Сколько хотите!
И про шестерку есть,
подходите!
А вам что угодно?
Сон новогодний?
А может, рискнете—
полет в пропасть?
Снов про полеты—
целая пропасть!
Страшно?

Конечно!

Но только в полете
храбрыми станете
и подрастете.

Мечта

Слово «мечта»
на «мачту» похоже.
А может быть, это
одно и то же?

Когда я мечтаю,
то вижу всегда,
как разрезается
килем вода.

Вижу себя я
на быстром корвете,
бьет паруса мои
яростный ветер!
Я уплываю в дальние страны,
меня окружают моря, океаны...

В слове «мечта»
есть и море и качка.
В слове «мечта»
есть высокая мачта!

Алла ДАНИЛЬЧУК
учится в четвертом
классе школы № 3
г. Желтые Воды, зани-
мается в литературной
студии «Изюминка».

Встреча с Лениным

Если б милый Ленин
В гости к нам пришел,
Я бы посадила
Ленина за стол.
Постелила скатерть,
Лучшую притом,
Напоила чаем
С вкусным пирогом.
А потом сказала:
«Дорогой Ильич,
По Стране Советов
Твой несется клич,
Строим, землю пашем,
Хорошо живем.
Наш Союз прославили
Счастьем и трудом».

Стихотворение Светы ЛЯКИ-
ШЕВОЙ из города Сочи. Свете
13 лет.

Дождь

Так неожиданно пальцами холодными
Прикоснулся дождь к моим щекам.
Словно выстрелы над головой захлопали:
Дом сердито окна закрывал.

А хозяйки суетятся, хмурятся —
Вырывались простыни из рук.
Дождь полил по крышам и по улицам,
Шумом ливневым наполнив все вокруг.

Марина ПАНФИЛОВА — из го-
рода Алма-Ата, учится в седь-
мом классе школы № 5.

Хлеб

Испокон веков идет такой обычай:
Хлебом-солью друзей встречать,
Чтоб лежал каравай пшеничный
Золотому солнцу под стать.

Ароматный, большой и хрустящий,
Был рожден он руками людей.
Пекарей, агрономов, рабочих,
Комбайнеров — отцов и детей.

Медео

Серебристый и искристый
Снег с вершин высоких вьется,
Под ногами лед хрустальный
Звонким зеркалом несется.

И застыли в белых платьях
Наши ели голубые.
Смотрят на каток Медео
И на горы вековые.

Был построен наш Медео
В чаше гор людей руками.
Начинают конькобежцы
Здесь свой путь к спортивной славе.

Лене СМЕЛЯНСКОЙ 14
лет. Она живет в Москве,
учится в седьмом классе
школы № 562.

Весна

Пришла весна!
Как долго в году этом
Приход она заставила свой ждать.
Весна красна!
И дух ее согретый
При каждом вздохе можно ощущать.

Она везде!
И в пенье птиц прекрасном,
И в шуме легкого, простого ветерка,
И в борозде
Полян, и в небе ясном,
И в листьях, прошлогодних лишь пока.

И рада я
Коричневой, дышащей,
Еще совсем сырой земле большой.
И шум дождя
На воздухе свежайшем
Меня влечет, как чудо, за собой.

Костя ПОЛОЗОВ живет в городе Липецке, учится в третьем классе. Костя сочиняет стихи и хорошо рисует. Он прислал в «Кораблик» две самодельные книжки со своими стихами и рисунками. Первую он «выпустил», когда ему было 9 лет. Стихи там такие:

Метель

Как на улице бело!
Все метелью замело.
А метель колючая
И снежком пахучая.

Путаница

Вот собака на заборе,
Вот синица на воде,
Вот лягушка в огороде,
Вот корова на сосне.
Вот так путаница вышла,
Даже страшно стало мне!

Вторую книжку Кости Полозова «Кораблик» решил взять на борт целиком — со стихами, рисунками и обложкой. Вот она перед тобой — все шесть страничек.

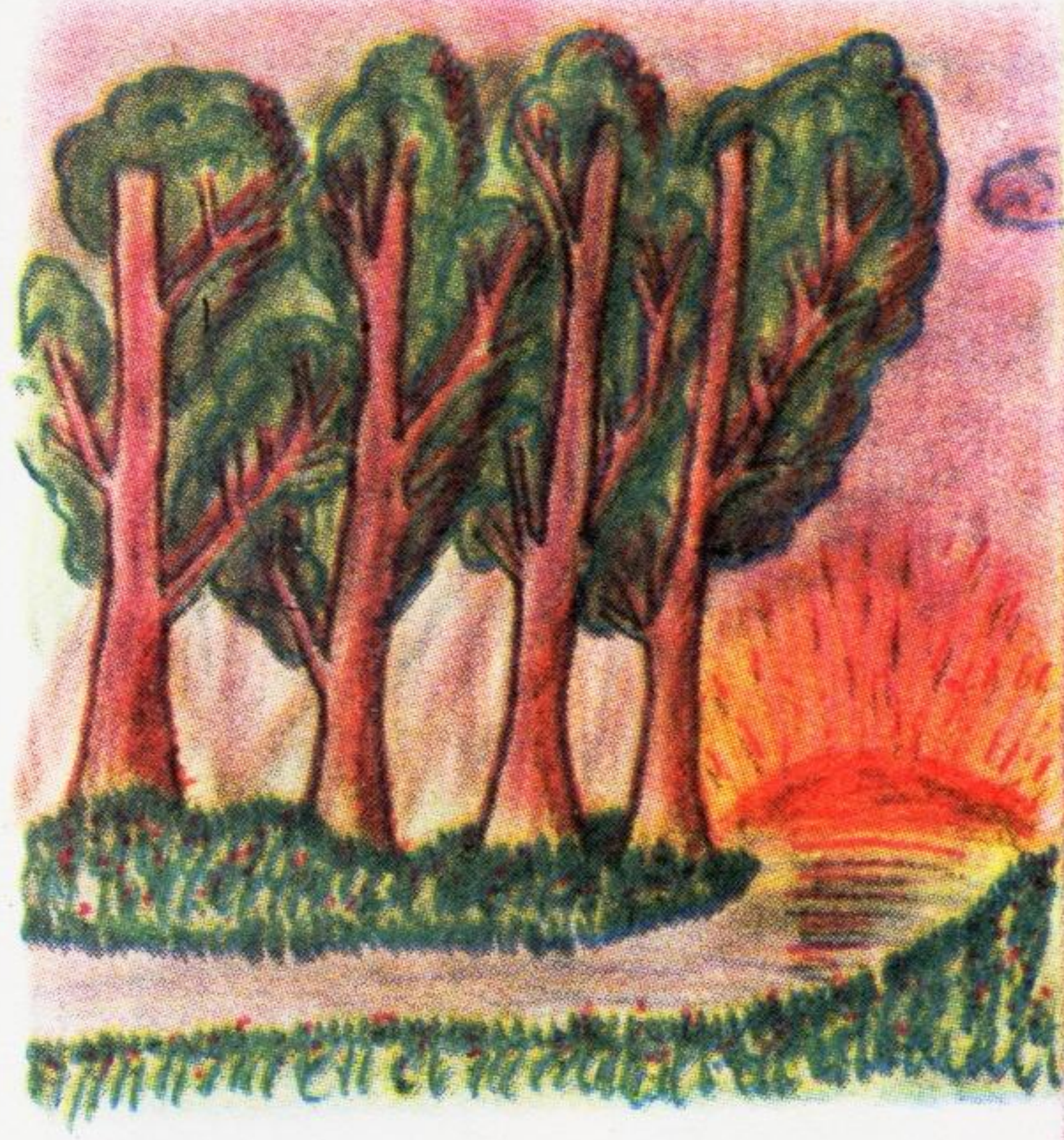
*Шесть страничек — шесть сестричек
Поселились в этой книжке.
Вот страничка синяя
Вся покрыта инеем.*

*Вот зеленая страничка,
Синей вроде бы сестричка,
Но внимательней взглядишь:
Тот же лес и та же река
Цвет другой приобрели.*

*Вот страничка в цвете красном
На рассвете ясным.*

*А вот желтая сестра,
Очень в гости к нам пришла.*

*Вот страничка терная,
Ночь настала темная.*

*Вот последняя страничка —
Это серая сестричка.*

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманнные диалоги

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Как ты понимаешь выражение «Троянский конь»?

Ученица. Это когда в телегу запряжено трое коней.

Тамара Цыбина,
ст. Артышта,
Кемеровская область.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Что бы ты стал делать, если бы заблудился в лесу?

Ученик. Я побежал бы домой.
Эльмира Усенова,
с. Б. Топар,
Алма-Атинская область,
Казахская ССР.

Учитель. Ответь, что такое гигиена?

Ученик. Это самая опрятная черта характера.

Гуля Гильманова,
г. Рудный,
Кустанайская область.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Как называется самый малый океан на земле?

Ученик. Северный Ядовитый.
Наташа Лобачева,
с. Мышанка,
Гомельская область.

Учительница. Почему мы сначала видим молнию, а уже потом слышим гром?

Ученица. Потому что наши глаза находятся впереди ушей!
Афу Расулова,
пос. Сунак,
Дагестанская АССР.

НА УРОКЕ ПЕНИЯ

Учительница. На основе какой повести Гоголя написал оперу композитор Римский-Корсаков?

Ученик. Могучая кучка!
Сергей Вычалковский,
г. Запорожье.

Из школьных сочинений

«Ее руки с такой же быстротой, как и язык, месили тесто».

«От его кулака пахло силой и мощностью».

«Быки — это самые страшные коровы в стаде».

«Герасим набрал для собачки молока и все время тыкался туда мордочкой».

«Гринев смотрел по сторонам, но, кроме скирдов снега, ничего не видел».

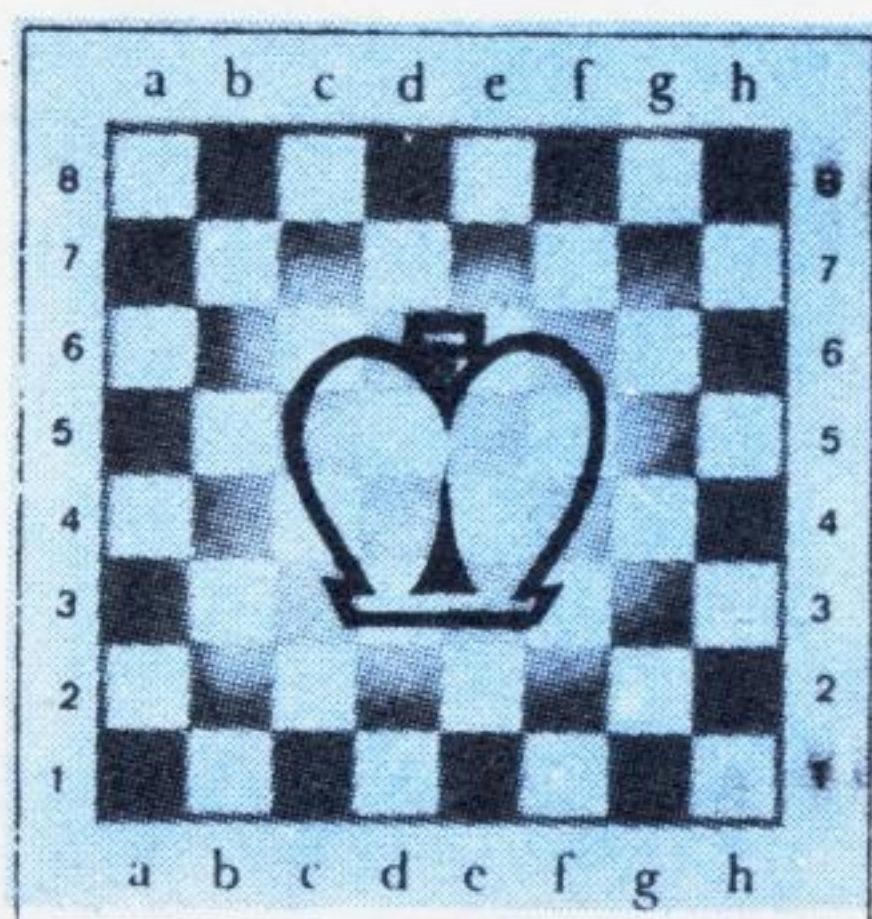
Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

В СТРАНЕ ШАХА —

И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

ШАХМАТНЫЙ ГОРОД

Ребята из небольшого латвийского города Даугавпилса очень любят шахматы. В городе двадцать школ. В соревнованиях клуба «Белая ладья» на этот раз участвовали восемнадцать команд.

Особенно много почитателей шахмат в средней школе № 4. В начальных классах проводятся даже специальные уроки, на которых ребята изучают основы стратегии и тактики шахматной игры. Неудивительно, что команда школы все последние годы выигрывала городские турниры «Белой ладьи» и на республиканских соревнованиях выступала успешно.

Чемпион школы Саша Родионов получил первый спортивный разряд. Саша хорошо учится и даже помогает учителям вести шахматные занятия. Надежно играет в школьной команде Илона Домулс. Не только шахматы увлекают Илону, она имеет еще и второй разряд по гимнастике.

Свой шахматный клуб организовали и ребята из средней школы № 15. Их клуб, в котором проходят учебные занятия и соревнования, хорошо оборудован. Руководит тренировками общественный тренер, кандидат в ма-

стера спорта инженер С. Штафман.

С интересом занимаются шахматной наукой ребята в городском Дворце пионеров. Здесь они могут совершенствоваться в шахматной игре под руководством опытных тренеров, а потом полученные знания передают новичкам. Тренерами-общественниками стали Гирт Гулбис из средней школы № 1, Марис Расип из средней школы № 3, Лариса Грудевич из четырнадцатой и другие кандидаты в мастера и перворазрядники.

(Диаграмма № 1)

К этому положению на прошлогоднем первенстве Даугавпилса пришла партия А. Родионов — С. Кривых. Саша Родионов хорошо использовал неудачное положение черного ферзя.

Игра продолжалась так: 16. Cg2—f1 Фс4—g4.

Команда школы № 4 вновь победила в турнире «Белая ладья».

Черные должны защищать коня с5. Если 16... Фd5, то 17. с4. Самым упорным было 16... Фb4.

17. h2—h3! (Не 17. К:c5 К:c5 18. Ф:c5 ввиду 18... Ф:f3) 17... Фg4—f5 18. g3—g4 Фf5:c2 19.

Kf3—d4. Ферзь попал в западню, и черные сдались.

(Диаграмма № 2)

На диаграмме вы видите острое положение из партии А. Семенов — А. Помазовский, сыгранной в матче команд дворцов пионеров Даугавпилса и Петрозаводска. Даугавпилсский школьник Саша Семенов красиво провел заключительную атаку на черного короля.

35. Фе2:g4! Фg6:g4+ 36. Лh3—g3.

Возникла редкая позиция. Черные могут продолжать 36... Лс2+ но после 37. Kph1! они погибают из-за плохого положения короля — грозит мат на f8. И после 36... Ф:g3+ 37. Кр:g3 черному королю не выбраться из западни.

36... Фg4—g6 37. e5—e6!

У черных громадный перевес — ферзь за слона, но «воюют не числом, а умением»...

37... a7—a6 38. Лf1—f7 Лс8—e8.

Удовлетворительной защиты у черных нет. Проверьте варианты, к которым могла бы прийти борьба после 38... Лс2+ или других ходов ладьи.

39. Лf7—g7+ Фg6:g7 40. Лg3:g7+ Kpg8—f8 41. Лg7—g6. Мат.

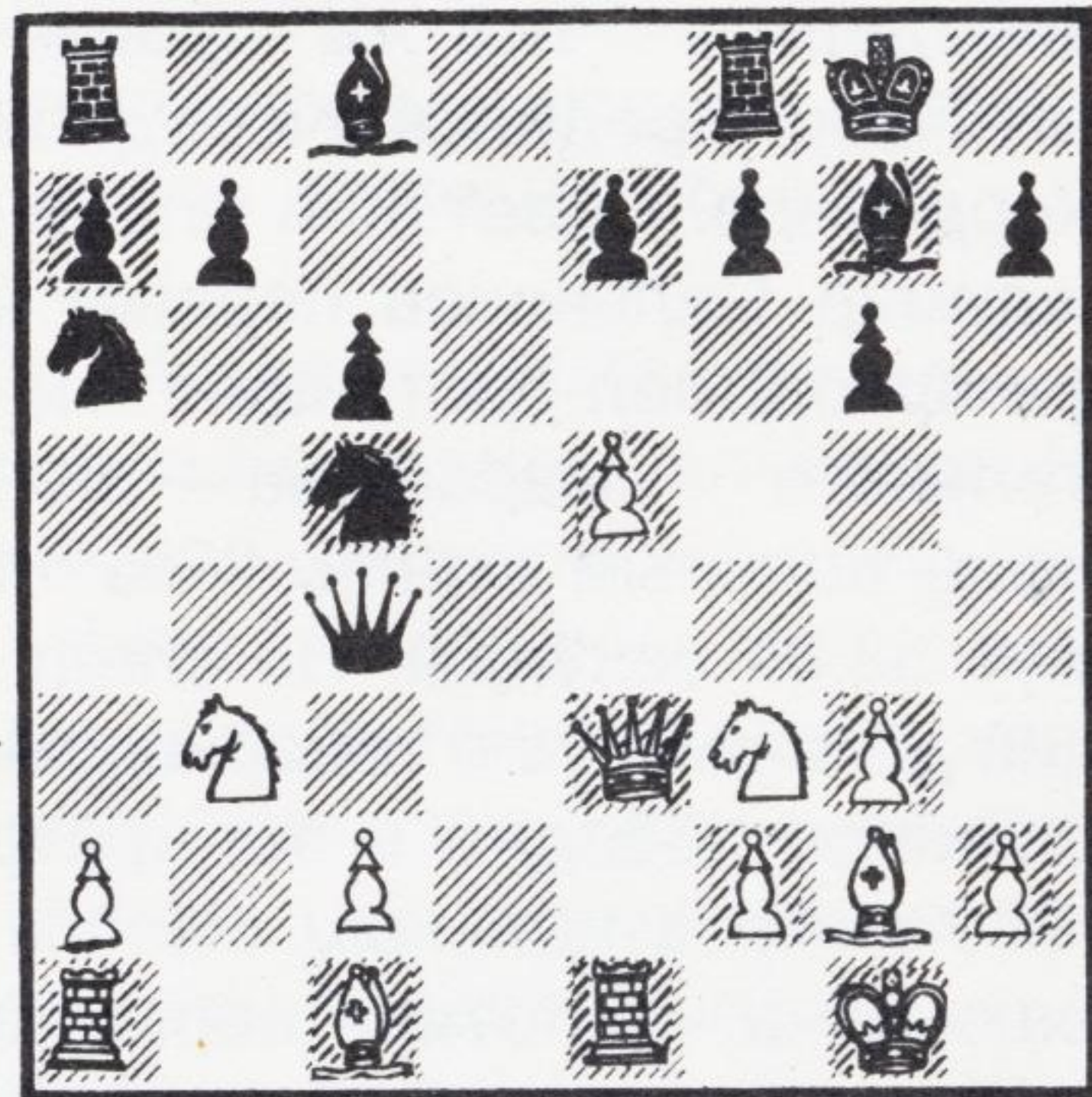

Диаграмма № 1

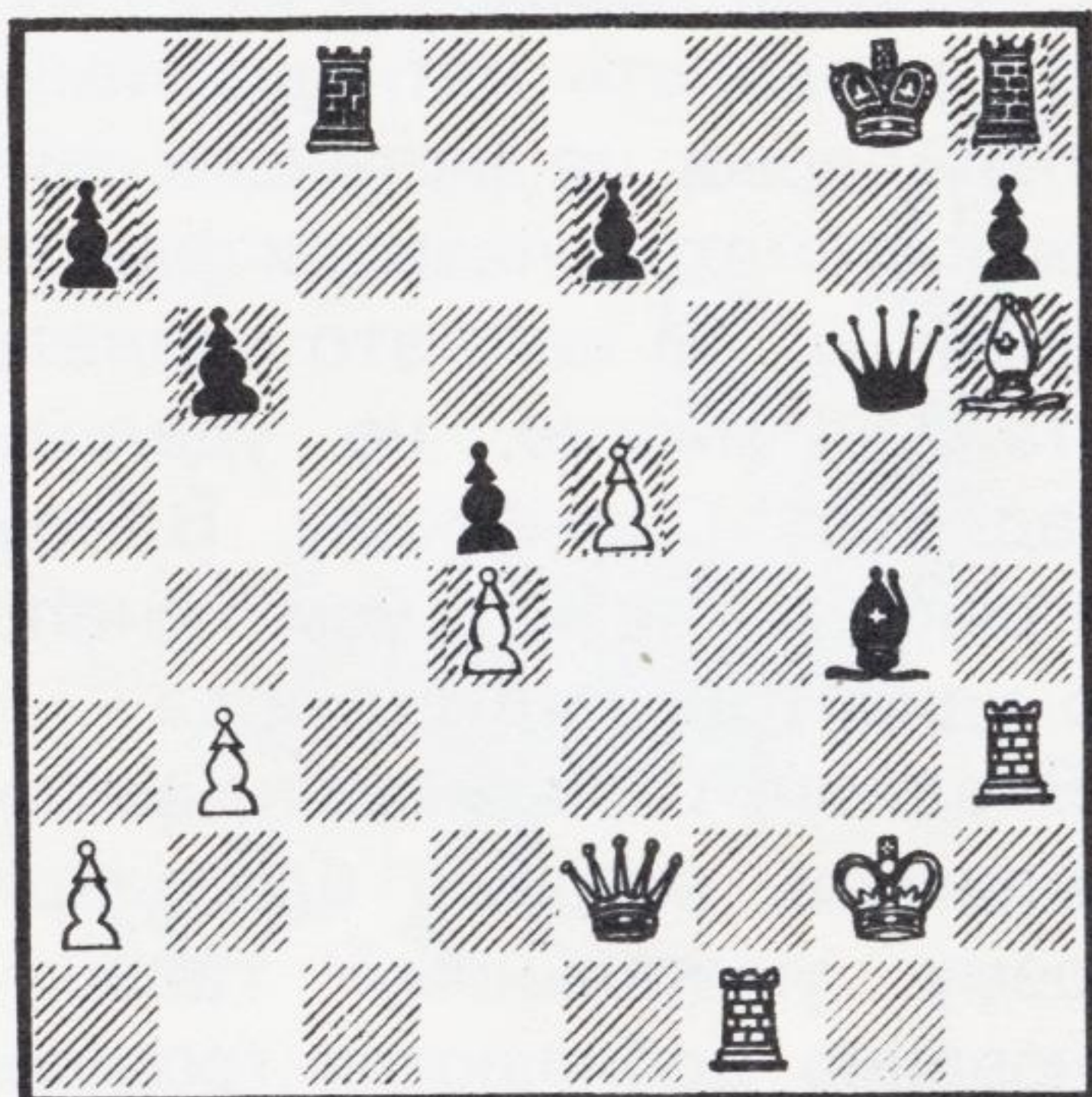

Диаграмма № 2

В издательстве «Просвещение» для вас, ребята, готовится к изданию новая книга о спорте и спортсменах, чьи имена вы хорошо знаете. Называется она «Спорт. Характер. Честь». Написали ее спортивный журналист **Александр ЕЛИСЕЙКИН** и мастер спорта, детский тренер **Татьяна КОЛЧАНОВА**. Некоторые главы этой книги вы можете прочитать на страницах «Пионера».

ЭЖО СПОРТИВНЫХ ПОБЕД

Настоящая буря разразилась под сводами бассейна спорт-комплекса «Олимпийский» — в крылатом здании, с виду настолько хрупком, что, казалось, стеклянные перегородки и витражи не выдержат и десятка одновременных хлопков в ладоши. 22 июля 1980 года несколько тысяч москвичей и гостей Московской Олимпиады в едином порыве сотворили такой радостный гром, что начинавшаяся за стенами гроза могла бы только позавидовать. Что же произошло? Просто родился очередной рекорд мира. Советский пловец Владимир Сальников первым в мире преодолел дистанцию плавательного марафона — 1500 метров вольным стилем — за 14 минут 58,27 секунды. На следующий день вместе с товарищами Сальников победил в эстафете 4×200 метров вольным стилем, а еще одна «золотая» вершина покорила его на дистанции 400 метров.

Рекорд Владимира Сальникова, который первым в мире сумел преодолеть пятнадцатиминутный барьер на дистанции полтора километра, назвали фантастическим. До него это сделать пытались многие, но удалось Владимиру Сальникову. В чем же секрет, где и в чем начало его удивительного рекорда?

Владимир Сальников не из тех чемпионов, которые благодаря своему уникальному таланту мгновенно добиваются громких побед. Он из тех, кто идет к цели

долго, по сантиметру, но зато и приходит надолго.

Володя Сальников начал заниматься спортивным плаванием в восемь лет у очень хорошего специалиста, ленинградского тренера Глеба Георгиевича Петрова. Но вскоре продолжил тренировки у Игоря Михайловича Кошкина. Ученику Игоря Михайловича, талантливому стайеру — пловцу на длинные дистанции — Сергею Русину нужен был спарринг-партнер. Что такое спарринг-партнер? Это пловец, который мог бы поспорить с тобой на тренировке. Чтобы ты не считал, что ты самый лучший и нет тебе равных. Поэтому и решил Игорь Михайлович Кошкин взять Сальникова к себе в ученики: тренер сразу же заметил, что этот мальчишка предельно исполнительен и требователен к себе.

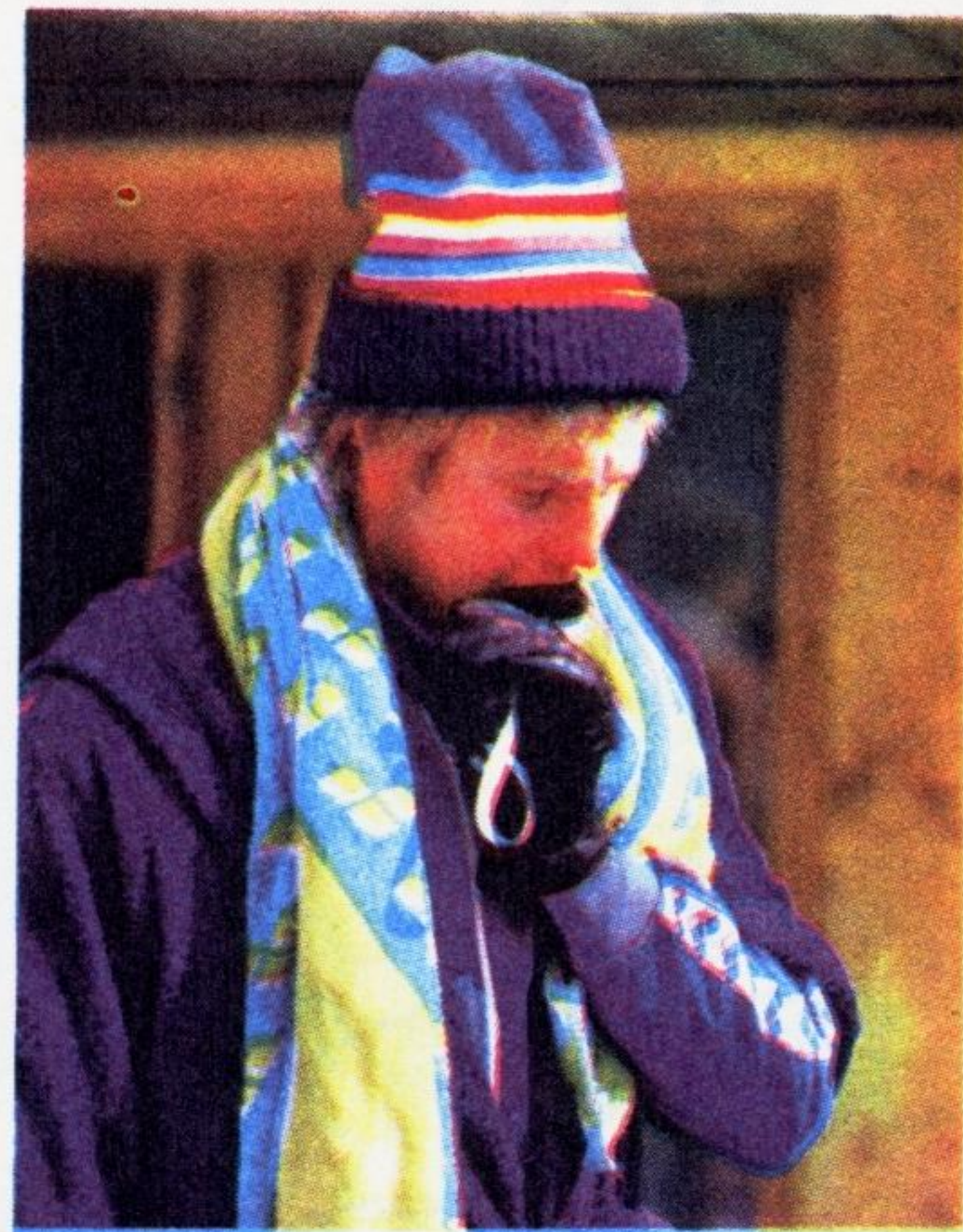
Сергей и Владимир тренировались вместе, выступали на одних и тех же соревнованиях, стали друзьями. Несколько лет подряд, до чемпионата СССР 1976 года, который стал отборочным турниром перед поездкой в олимпийский Монреаль, Владимир ни разу не выигрывал у Сергея дистанцию тысяча пятьсот метров. А здесь выиграл и сразу попал на Олимпиаду. Новичком, от которого никто не ждал высокого результата. Но в Канаде шестнадцатилетний ленинградец удивил всех: мало того, что он стал первым из советских спортсменов, пробившихся

в финальный заплыв на дистанции полтора километра за всю историю нашего участия в Олимпийских играх, так Сальников еще и рекорд Европы сумел установить. Правда, рекорд рекордом, а в Монреале Сальников остался без медали. Золотым дождем они посыпались на него чуть позже.

Несколько слов о рекордах в спорте. Прежде всего рекорд — это всегда победа, правда, не всегда эта победа приносит золотую медаль. Случается, что установишь высшее достижение в предварительных соревнованиях, а в финале не поведет, или расслабишься — и прощай первое место. И еще рекорд — это всегда победа над самим собой, над нехотениями и нежеланиями, неудачами, невезениями и прочими «не».

После побед и мировых рекордов Владимира Сальникова, которые начались в 1978 году с чемпионата мира в Западном Берлине, о ленинградце стали складывать легенды. О нем говорили: «Пловец Сальников — человек без нервов», «Феномен Сальникова — в абсолютном спокойствии», и даже так: «Выходя на старт, будь Сальниковым».

Что ж, подражать характеру такого спортсмена незазорно. У Сальникова есть чему поучиться. Хотя бы тому, как он умеет перебарывать свои «не хочу» и «не могу». А они есть у каждого, и не только в спорте. И для того,

ЧУВСТВО УВЕРЕННОСТИ — ОБЯЗАТЕЛЬНО. НО, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ТАКОГО: ШАПКАМИ ЗАКИДАЮ.

чтобы научиться этому преодолению, необходимо огромное терпение.

Как-то Сальников сказал, что спорт научил его главному — умению терпеть. В чем заключается «спортивный» смысл этих слов, вы поймете из рассказа Владимира Сальникова о том, что помогло ему взойти на олимпийский пьедестал:

— Большой спорт начинается с самодисциплины. Станешь ты чемпионом или нет, покажет время. Но одно могу сказать совершенно точно: без самоконтроля жить трудно. Чем раньше задумаешься над тем, что, когда и как делать, тем лучше. И не считайте, что режим дня приносит скучную и однообразную жизнь. Я сам задавал когда-то себе вопрос: разве человек — машина, чтобы жить словно заведенный: в одно и то же время вставать, ложиться, гулять или делать уроки, тренироваться или смотреть телевизор?..

Успевать делать все — это великое умение. И сравнивать здесь человека с бездушной машиной тоже не следует. Каждый день приносит столько открытий, пусть маленьких и незаметных окружающим, что никогда

не скажешь: я прожил два одинаковых дня. Только надо замечать, что делается вокруг, интересоваться не одним любимым делом и собственной персоной, а всем, из чего складывается твоя сегодняшняя жизнь. Я был самым обыкновенным мальчишкой. Не припомню за собой повышенной серьезности, зато помню, как стало не хватать времени на все мои мальчишеские дела, когда серьезно занялся плаванием. Успеть хотелось везде: в кино сходить, погулять... Не один месяц прошел, пока понял, что без расписанного по часам дня ничего успевать не буду.

Когда появляется главное в жизни дело, приходится учиться жертвовать для него мелочами. Вот, к примеру: хотите стать большим спортсменом, а до полуночи не спите. Но ведь для того, чтобы быть готовым к новому дню, надо как следует выспаться. Если человек не выспался, так ему и утренняя зарядка бодрости не принесет. Несколько раз нарушишь режим дня, потом очень трудно будет вернуться к нему. А слабость воли всегда можно объяснить какими-то объективными причинами. Но это значит обманывать самого себя. А это, на мой

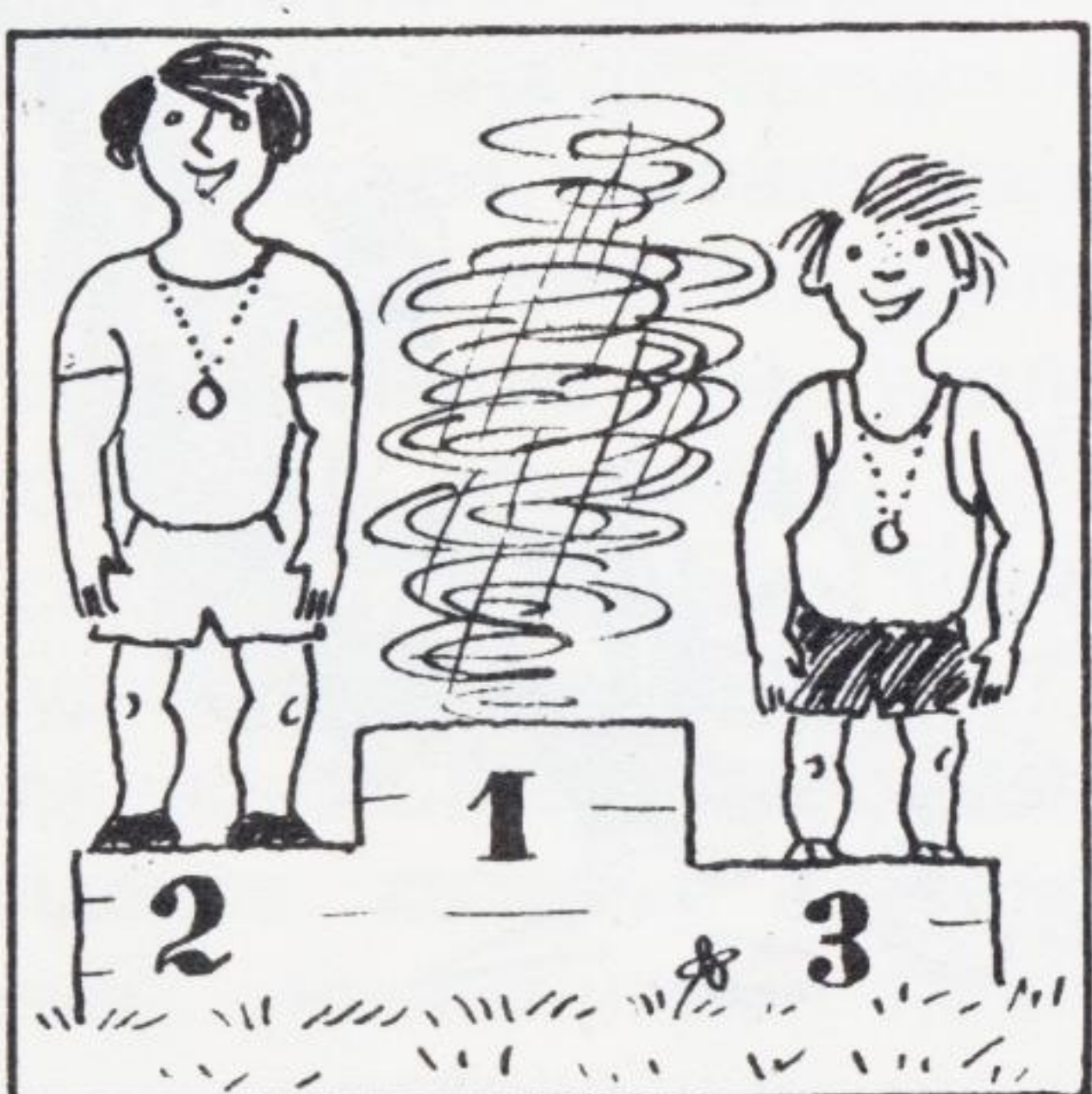
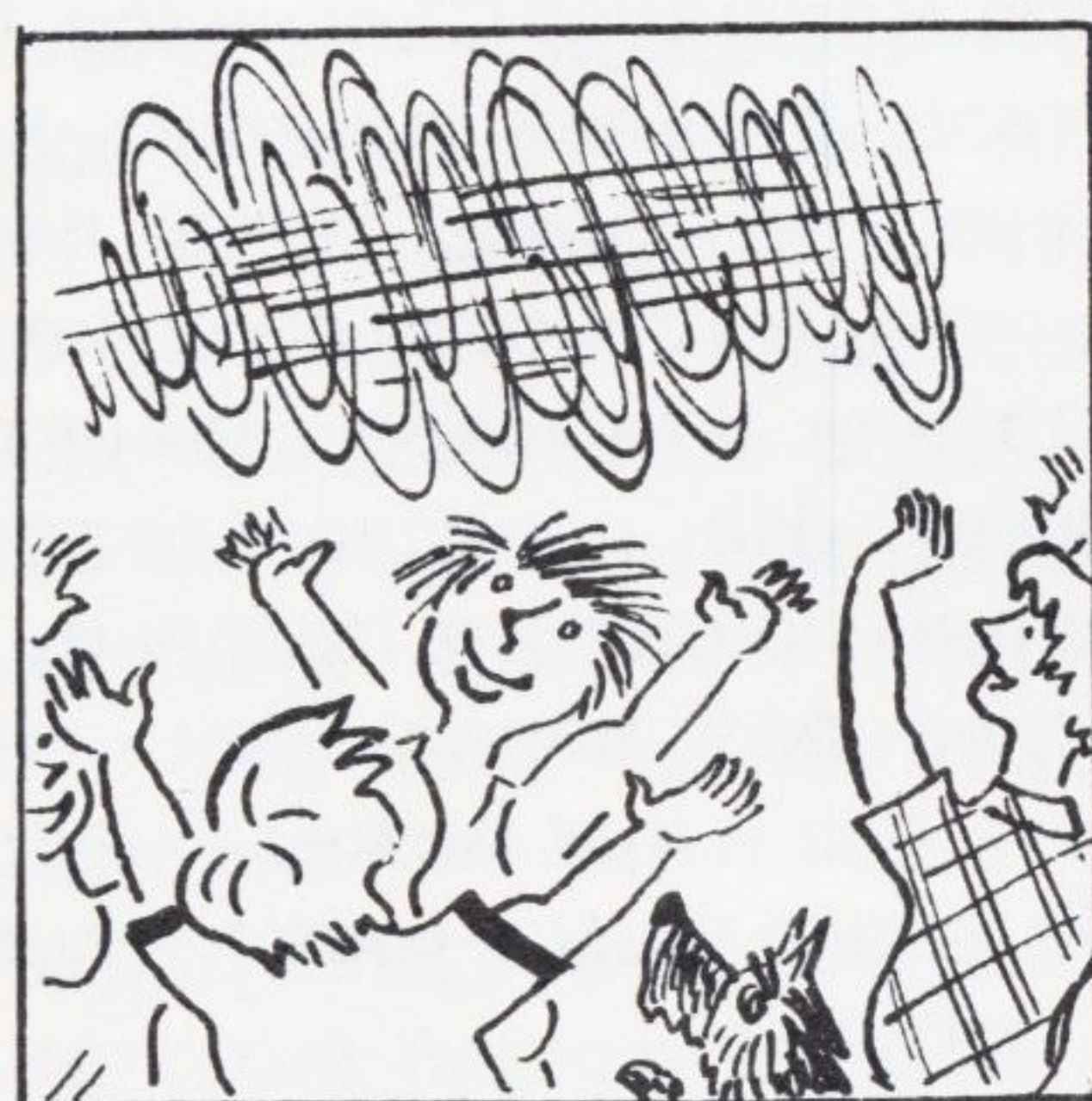
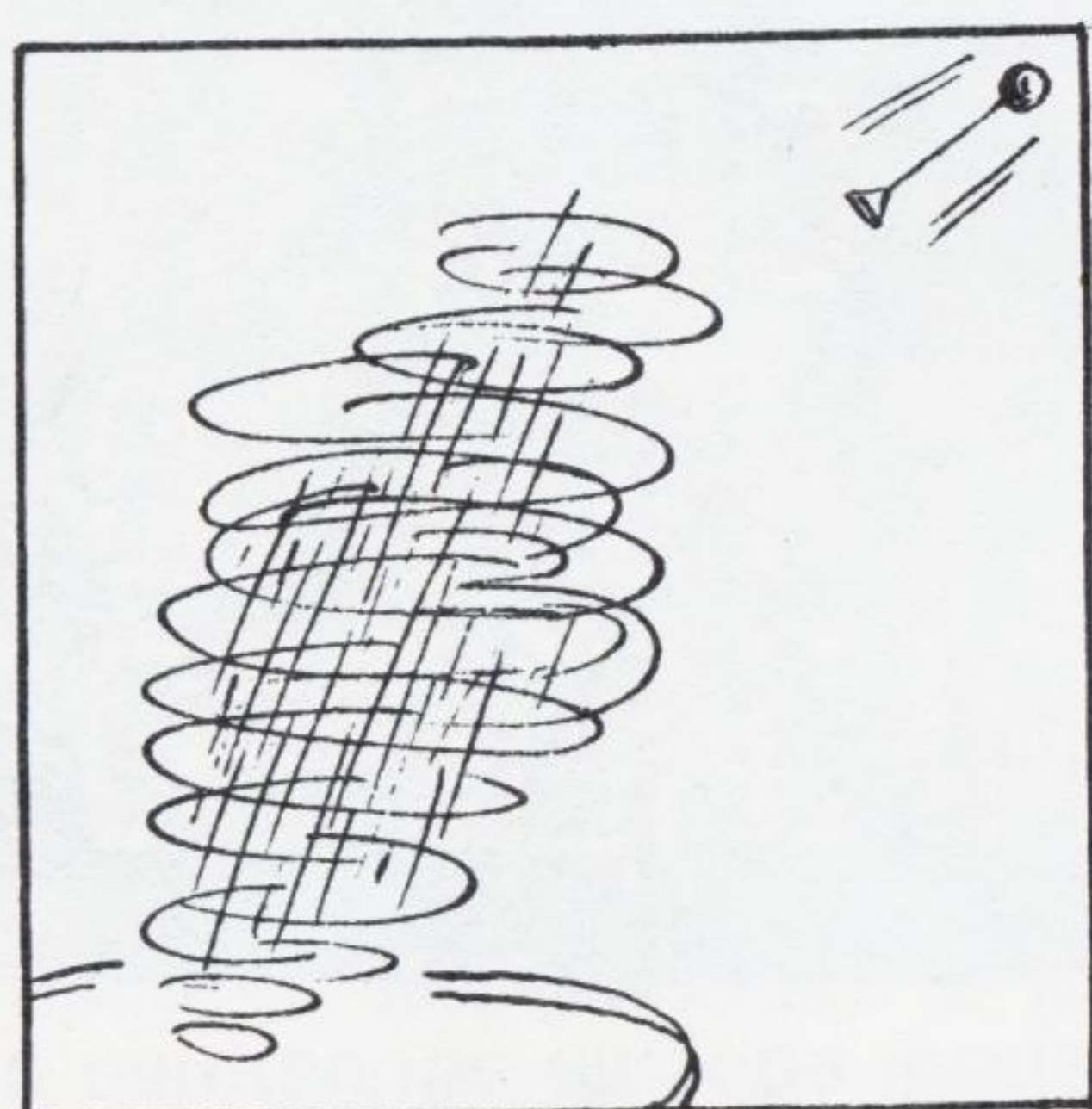
взгляд, вообще последнее дело. Объективная причина здесь может быть только одна — если ты занят делом, необходимым окружающим тебя людям.

...Так что без характера в большом спорте делать нечего. Хотя не только в спорте, кем бы вы потом ни стали — шофером, инженером, учителем, — все равно без этого не обойтись.

14 минут 58,27 секунды, что плыл Владимир Сальников 1500 метров, стрелой умчались в историю. Человеку, мало посвященному в тонкости спортивного плавания, эти цифры ничего не скажут. Но представьте себе, что вам предстоит проплыть сто метров без передышки пятнадцать раз и как можно быстрее.

Быстрее всех в мире!.. Ну, что, не устали?..

Случайны ли сенсации

Недавно я вместе с нашими олимпийскими чемпионами побывал в Сибири, за Полярным кругом, в молодых, но уже знаменитых городах—Уренгое, Салехарде, Надыме.

Обычно спортсмены не любят говорить о себе. А вот на таких встречах как бы раскрываются перед собеседниками. Почему? В судьбах строителей новых городов и спортсменов-чемпионов, возможно, есть что-то общее. Они впереди всех. Они сильные, отчаянные, отважные и трудолюбивые.

В дни Московской Олимпиады имя борца Жаксылыка Ушкемпирова прогремело на весь мир. Он стал олимпийским чемпионом. А начинался его путь к золотой медали с лыжных соревнований.

В его родном городе Джамбуле, на юге Казахстана, к зимним видам спорта не привыкли. Однажды организовали соревнования лыжников. Кто-то не смог выйти на лыжню, и тогда Жаксылыка попросили заменить товарища. Он впервые встал на лыжи и прошел всю дистанцию!.. Жаксылык нам сказал, что этот давний случай помог ему поверить в свои силы и возможности, научил идти на риск, не страшась трудностей.

Я слушал Ушкемпирова и вспоминал о другом нашем замечательном спортсмене.

В 1960 году на Олимпиаде в Риме самым сенсационным событием стал успех Юрия Власова. В сумме трех упражнений он сумел поднять вес 537,5 килограмма и превысил прежний мировой рекорд сразу на двадцать пять килограммов!

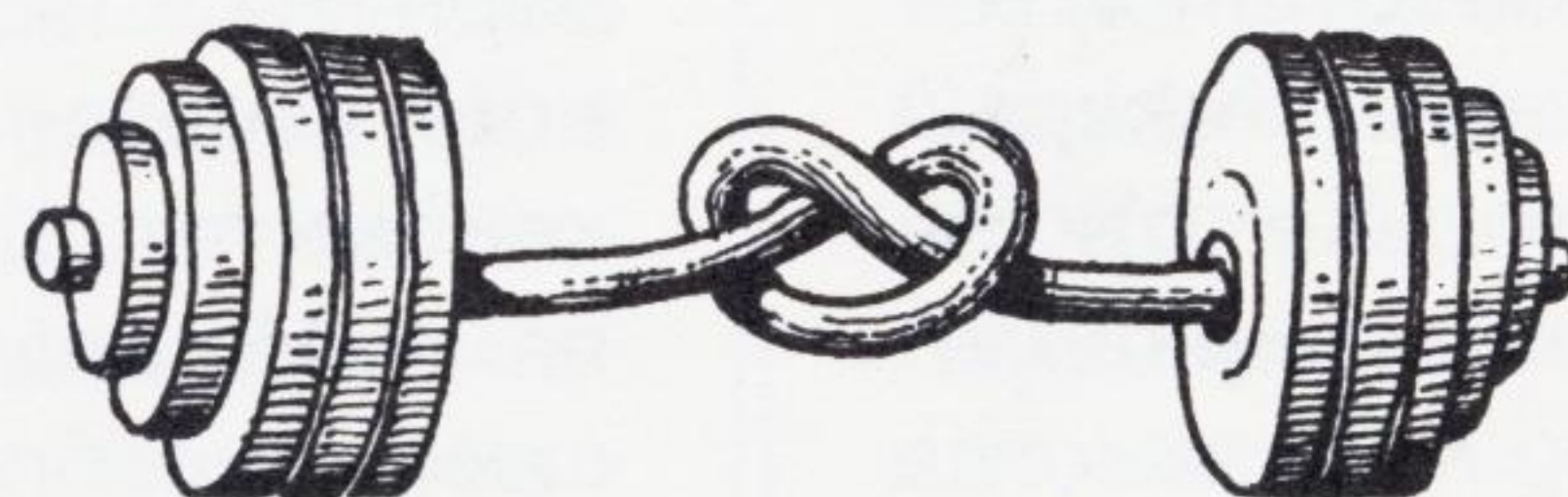
В чем же секрет стремительного взлета?

Юрий Власов провел детские годы в суворовском училище. И был там одним из лучших многоборцев: отлично метал гранату, ядро, хорошо прыгал, быстро бегал... Кстати, когда он выступал на первых в своей жизни спортивных соревнованиях, то метнул гранату совсем недалеко. Вот тогда-то Юрий и решил во что бы то ни стало добиться успеха. Он разработал специальный комплекс упражнений для развития силы, самостоятельно тренировался по два раза в день. Вот и весь секрет.

Не случайно первая книга Юрия Власова называется «Соленые слезы». Кто же лучше чемпиона может рассказать о том, как в спорте трудиться надо!

Да, секреты побед—и не только спортивных!—очень просты. Без труда, без увлеченности, без упорства ни один даже самый талантливый человек не добьется успеха, не достигнет своей цели.

Наум ДЫМАРСКИЙ,
спортивный комментатор,
заслуженный работник культуры РСФСР.

«Все говорят: «Если хотите быть бодрыми и веселыми, делайте зарядку!» Я хочу быть бодрой и веселой, но делать зарядку мне никак не удается: времени не хватает. А на уроках почти засыпаю. Что мне делать?»

Ира Кузьмина, г. Владимир.

3=СОРОК ПЯТЬ

Не спешите оспаривать это равенство. Оно не имеет к математике никакого отношения. Эту формулу бодрости вывел много лет назад русский педагог К. Ушинский. Он говорил: «Две-три минуты движения подарят вам сорок пять минут внимания».

Трудно усидеть на месте от звонка до звонка, быть все сорок пять минут урока внимательным и сосредоточенным, особенно когда на утреннюю зарядку не хватает времени. После третьего урока перемены ждешь не дожدهшься, последние минуты как часы тянутся. Это вовсе не оттого, что ты ленив или непоседлив, просто в это время организм уже устал и просит отдыха. Устал от неподвижности (ученые называют ее «гиподинамией»). Но вот прозвенел спасительный звонок, а тебе даже не хочется очутиться в водовороте школьного коридора: хочется остаться в классе и отдохнуть. Тут-то самое время вспомнить, что иногда ТРИ = СОРОКА ПЯТИ.

Начинается физкультпауза с ходьбы на месте. Это упражнение нужно выполнять с одновременным движением рук. На счет «раз» — вытянуть руки вперед, на «два» — поднять вверх, на «три-четыре» — опустить их через стороны вниз.

Второе упражнение — приседания. На счет «раз» — надо присесть и хлопнуть над головой ладони, на счет «два» — встать, положив руки на пояс (8—10 раз).

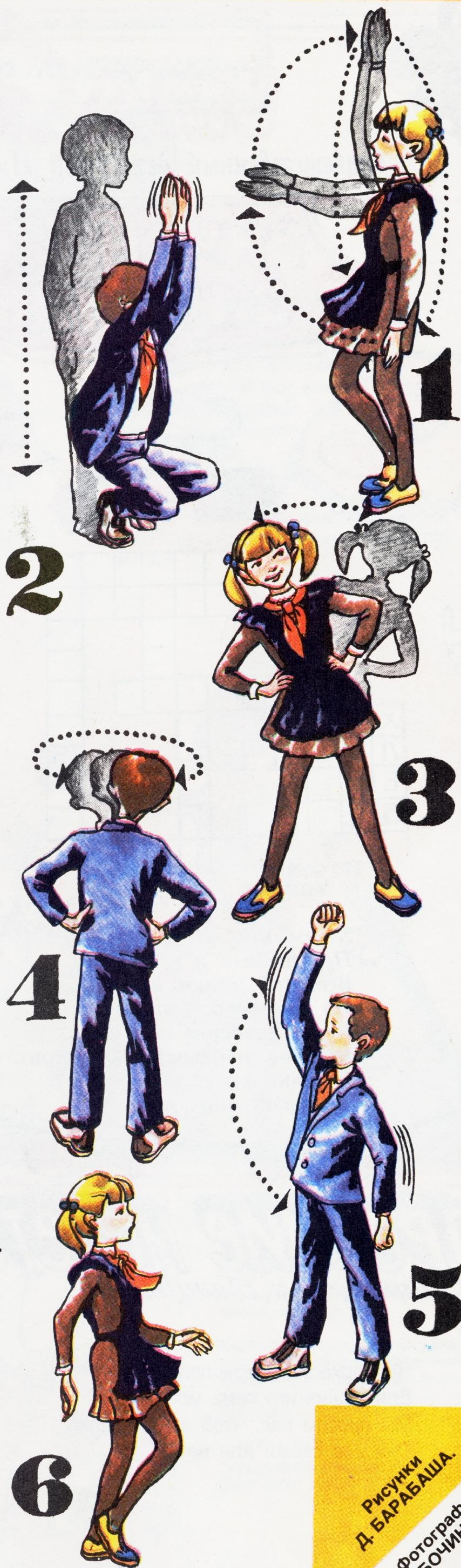
Следующее упражнение — наклоны в стороны. Оно тебе хорошо известно: ноги должны находиться на ширине плеч, на «раз-два» — наклон в одну сторону, на «три-четыре» — в другую (8—12 раз).

После наклонов сделайте круговые движения головой, сначала по часовой стрелке, а потом — наоборот. Это упражнение поможет отдохнуть мышцам шеи. Никто не скажет тебе сейчас: «Иванов! Перестань сию минуту крутить головой». Крути себе на здоровье! (8—10 раз).

А теперь сделай рывки руками. Исходное положение: правая рука вверх, левая опущена вниз. На «раз-два» — рывки руками, на «три-четыре» — смена положения рук (16 раз).

Заканчивается физкультпауза спокойной ходьбой на месте.

Взгляни на часы: весь комплекс упражнений продолжался всего три минуты, которые, ты в этом скоро убедишься, на уроке превратятся в сорок пять минут бодрости и внимания.

Рисунки
Д. БАРАБАША.
Фотографии
А. БОЧНИНА.

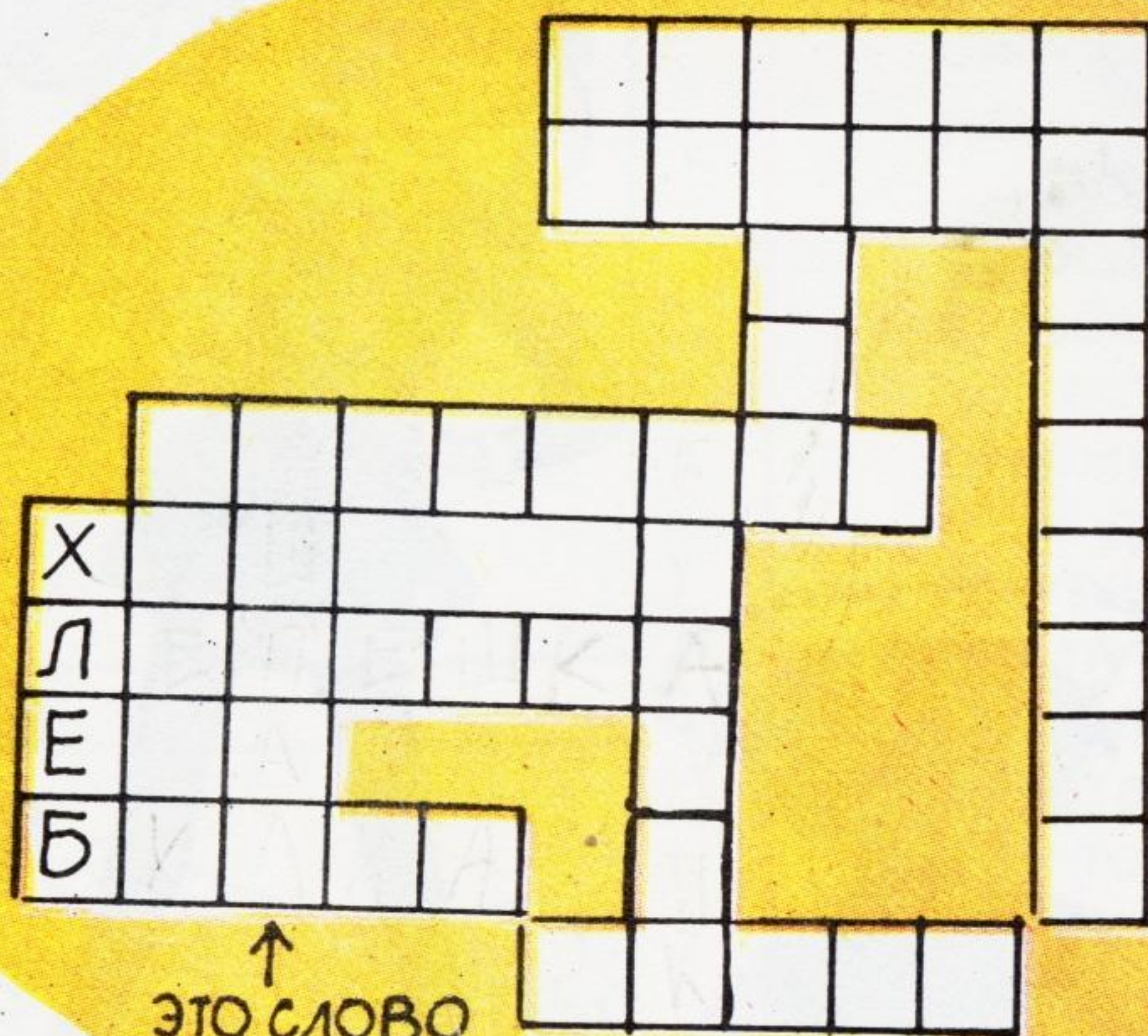
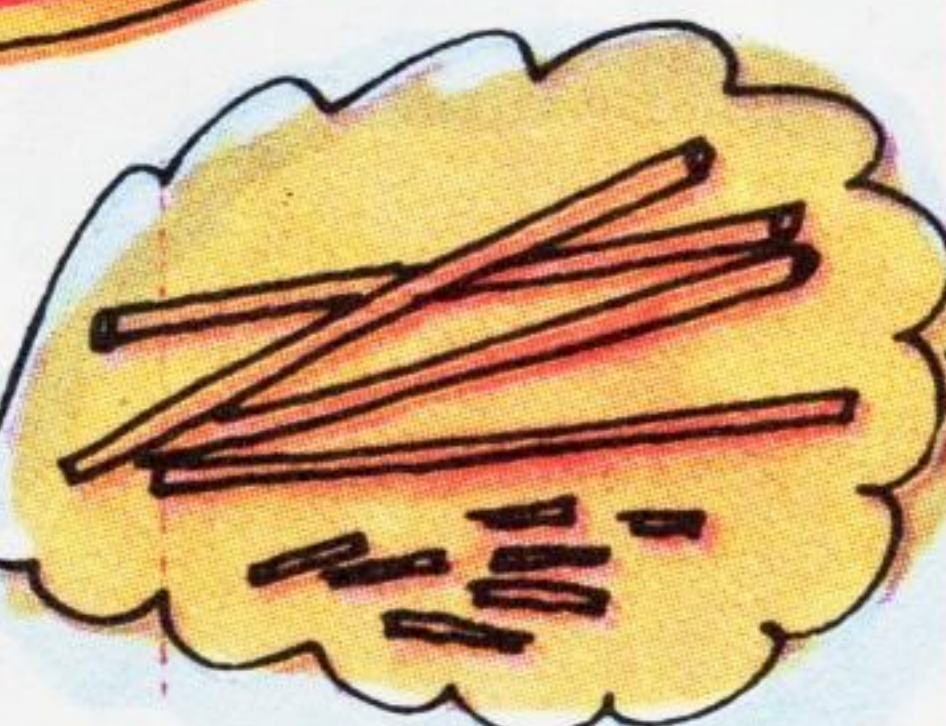
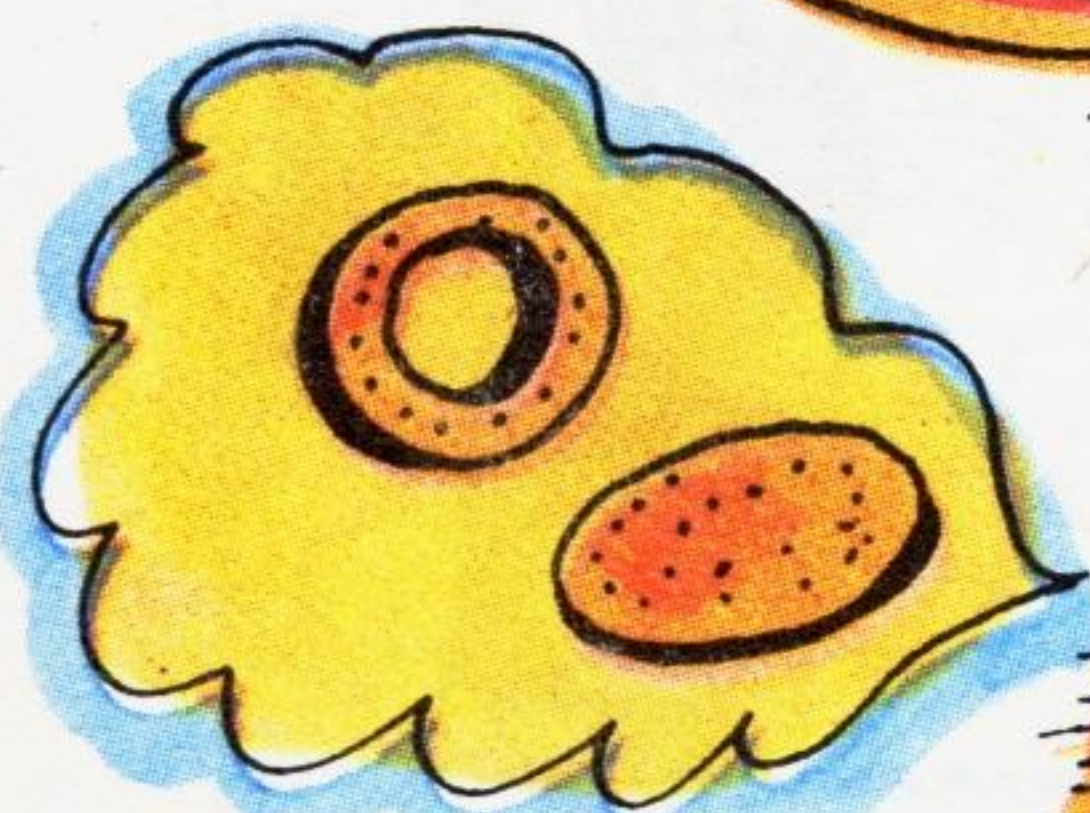
УМА

ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

ВКУСНАЯ ЗАДАЧА

↑
это слово
читается снизу вверх

Хитроумно! Интересно!
Поразмысли и в тиши
Все, что делают из теста,
На свои места впиши!
Я уже решение начал:
Видишь, первым «хлеб» стоит!
Эта вкусная задача
Вызывает аппетит!

Игры
Детей
Буквоеда

Слон и пешка перед вами
(В каждом ровно семь частей).
А коня сложите сами!
Нужен ум и нужен клей!
Жду наклеенный ответ.
До свиданья! Всем привет!
Живживка.

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ

Игры Луты и Тинцета

Нам археологи прислали
Для наших игр семь монет.
Мы просим вас, чтоб вы сказали:
Они все схожи или нет?

Капитан Перо ищет помощника

НА ОСТРОВЕ МИМОГУ

На острове Мимогу
Три племени живут:
Мимоны лгать не могут,
Мимитики все лгут,
А тили—так и эдак:
То истина, то ложь.
Корзиночки из веток
Плели Пик, Ив и Пош.
Они все трое были
Из разных трех племен.
И Пик сказал: «Я—тили!»
А Ив: «Нет, ты—мимон».

Промолвил Пош лениво:
«Известно мне, что Пик
Слегка правдивей Ива,
Но тоже лгать привык».
Теперь прочти все снова,
Подумай, не спеши
И, кто же из какого
Был племени,
Реши!

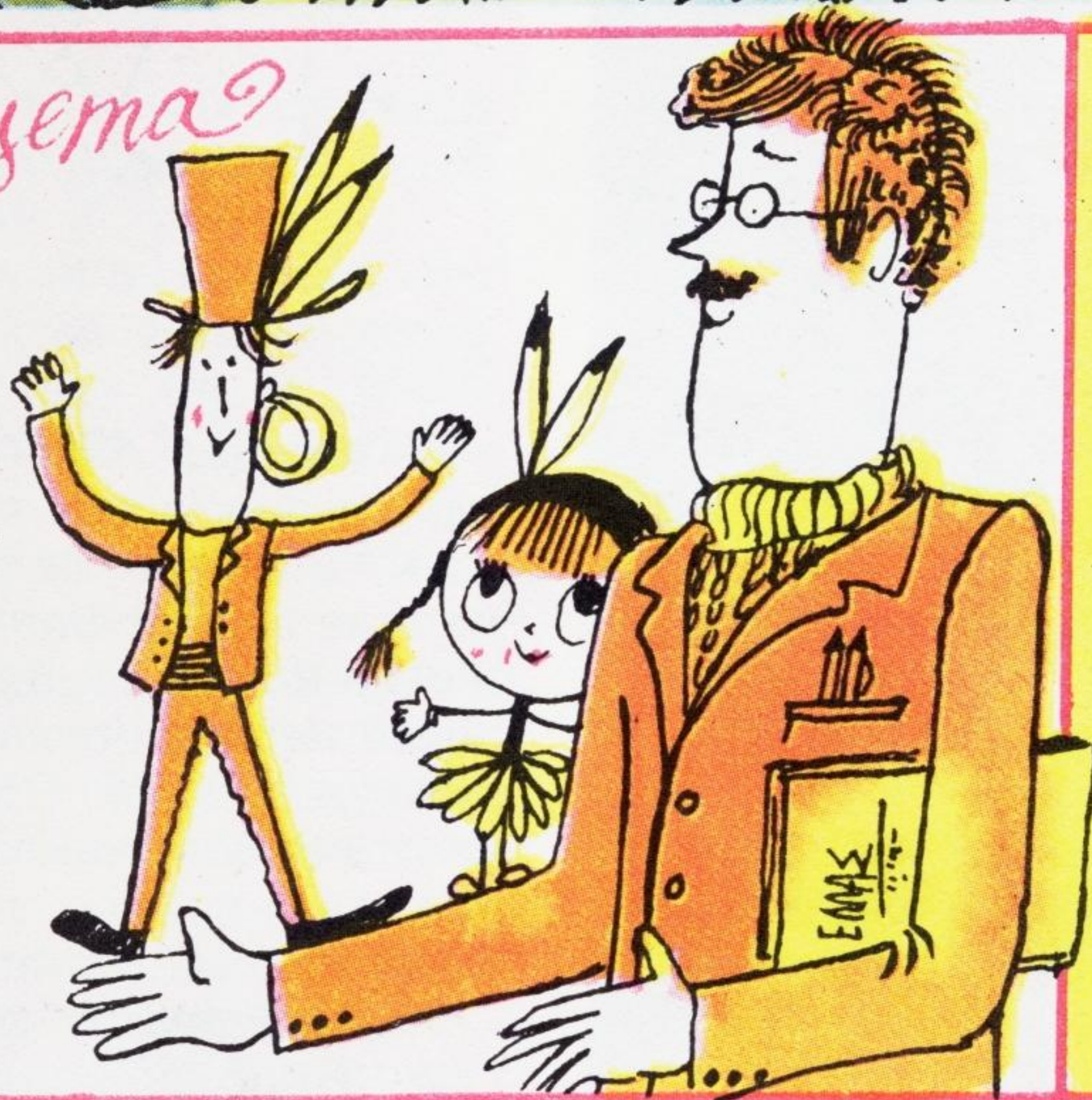
Совет: сделайте предположение,
что Пош сказал правду. Что полу-
чится?

Игры Луны и Пинцета

Рисунок четкий на монете,
Как будто только что отбит.
И рассмотрели мы—проверьте!—
Что у одной—особый вид!

Предупреждаю честно вас:
Наиострейший нужен глаз!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Маршрут Бармалея. Маршрут закончится в № 5.

Кирпичики. Кирпич А соприкасается с тремя другими кирпичиками, кирпич Б—с четырьмя, В—с шестью, Г—с пятью, Д—с четырьмя.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА.

Загадочный сфинкс. Ди Валли
Этот стоит лицом к другим.

МОЙ КОНЕК

Летчик
Яков Георгиевич
Пауль
был награжден
именным значком
общества «Добролет»
за то, что
без единой аварии
налетал
сто тысяч километров
в трудных условиях
среднеазиатских
маршрутов...

Сегодня наш рассказ о фалеристике — коллекционировании и изучении значков, жетонов, нагрудных знаков. Увлечение фалеристикой в нашей стране началось в 1957 году. Два крупных события украсили этот год: Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который проходил в Москве, и первый запуск в космос искусственных спутников Земли. Тогда-то и появилось много значков и каждый желающий мог начать собирать коллекцию.

С тех пор тысячи и тысячи людей не мыслят себя без увлечения фалеристикой. Почему? Об этом тебе расскажут Максимилиан Борисович САУККЕ и Виктор Александрович ТУРЬЯН — страстные фалеристы.

ЛАБИРИНТАХ СТРАНЫ ФАЛЕРИСТИКИ

Вечера под уютной лампой

Мы любим ходить в гости друг к другу. Нет ничего лучше этих вечеров: уютно светится настольная лампа, тихо тикают часы, стынет в чашках чай, а мы сидим за столом плечом к плечу и рассматриваем альбомы...

Мы — коллекционеры, поклонники прекрасной фалеристики. И альбомы, которые мы любим рассматривать, — наша коллекция значков.

Часто к нам приходят друзья, и тогда вечера под уютной лампой превращаются для нас в путешествия по странам и городам мира. Мы рассказываем о наших значках — почему и когда они были выпущены, как попал тот или иной значок в нашу коллекцию.

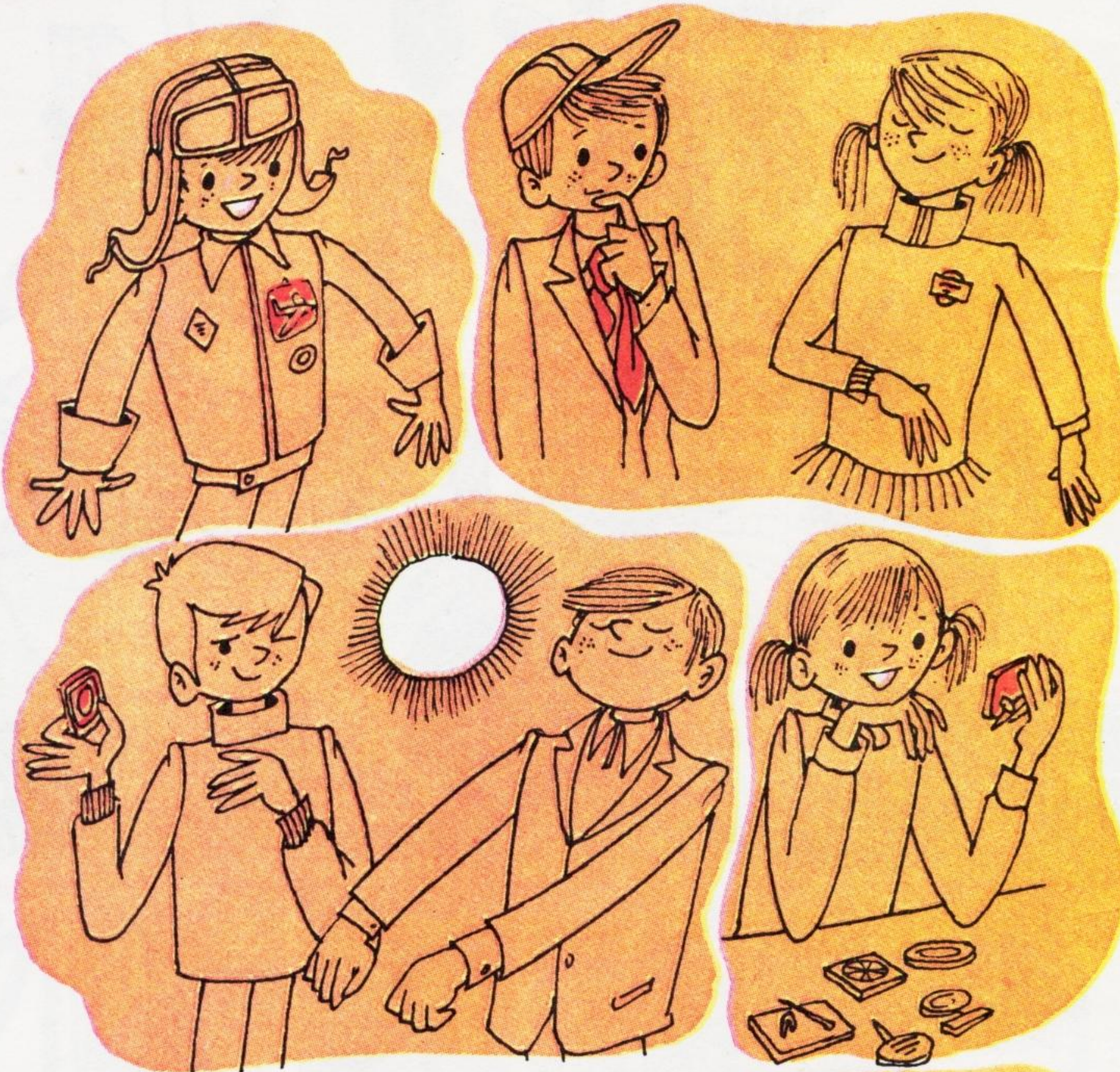
Мы — авиационные инженеры. Нам интересно собирать значки с изображением самолетов. И еще наши находки помогают нам в работе, помогают глубже узнать историю советской авиации.

Приглашаем и вас, ребята, в небольшое путешествие по нашей коллекции.

Ответственное задание

Вот значок с изображением крупнейшего в тридцатые годы самолета АНТ-6. Этот самолет называли летающей крепостью — так он был велик и тяжел.

Четырем экипажам АНТ-6 было поручено государственное задание: достигнуть Северного полюса и посадить там полярников. Теперь имена этих героев-полярников известны всему миру — Папанин, Кренкель, Федоров, Ширшов...

С именем АНТ-6 связаны и первые бомбовые удары советских летчиков по фашистским полчищам в годы Великой Отечественной войны. В начале войны фашисты двинули на мирные города и села нашей страны мощные танковые колонны, в наше небо вторглось более четырех тысяч вражеских самолетов. Этот натиск был страшен и тяжел. Сотни самолетов АНТ-6, бомбя вражеские аэродромы, переправы, высаживая десанты, доставляя боеприпасы, помогли сдержать его.

Мы гордимся, что значок, посвященный АНТ-6, есть в нашей коллекции.

О том, как мы искали...

Однажды от знакомого коллекционера из Киева к нам в Москву пришло письмо. Он писал, что ему удалось достать значок самолета АНТ-14 «Правда», и спрашивал, не хотим ли мы приобрести эту находку. Конечно же, мы хотели!.. Значок этот выпустили в начале тридцатых годов, и в Москве он был только в одной коллекции. В нашей же коллекции были значки, посвященные АНТ-14 «Правда», но все они были выпущены за последние пять — десять лет. А значок киевского коллеги был современником знаменитого самолета, одного из самых больших пассажирских самолетов своего времени. Кроме того, один из нас получил на этом самолете воздушное крещение, и этим особенно дорог нам был значок с его изображением.

В Киев полетели письма. Мы спрашивали, что искать взамен, просили прислать фотографию значка. Наш киевский коллега собирал старые значки авиационных школ. И мы начали поиск...

Сначала нас преследовали неудачи. Те значки, которые у нас были, уже имелись в киевской коллекции. Со многими коллекционерами нам пришлось встретиться, многое мы узнали в ходе своих поисков. Наконец, нужный киевскому коллеге значок мы нашли у московского коллекционера. Но он собирал значки с изображением электростанций и готов был обменяться на значок по своей тематике.

Начался новый поиск. Теперь мы «работали» не в своей области: искали значок с электростанцией.

И наконец, наши обмены и поиски увенчались успехом. Из Киева пришла бандероль. И вот мы уже держали в руках бесценный для нас значок с изображением АНТ-14 «Правда».

Как видишь, собиратель значков встречается со многими людьми, получает письма со всех концов страны и становится очень любознательным человеком. Например, ты увлекся спортивными значками и уже не сможешь равнодушно пройти мимо киоска или витрины, где увидишь значки. Ты следишь за всеми спортивными событиями и как болельщик, и как коллекционер. У тебя появилось настоящее увлечение. Словом, ты радостно живешь. И тебя вовсе не должно огорчать отсутствие тех или иных значков. Потому что, оказывается, важнее всего в любом деле — радость узнавать новое.

А значка в коллекции нет

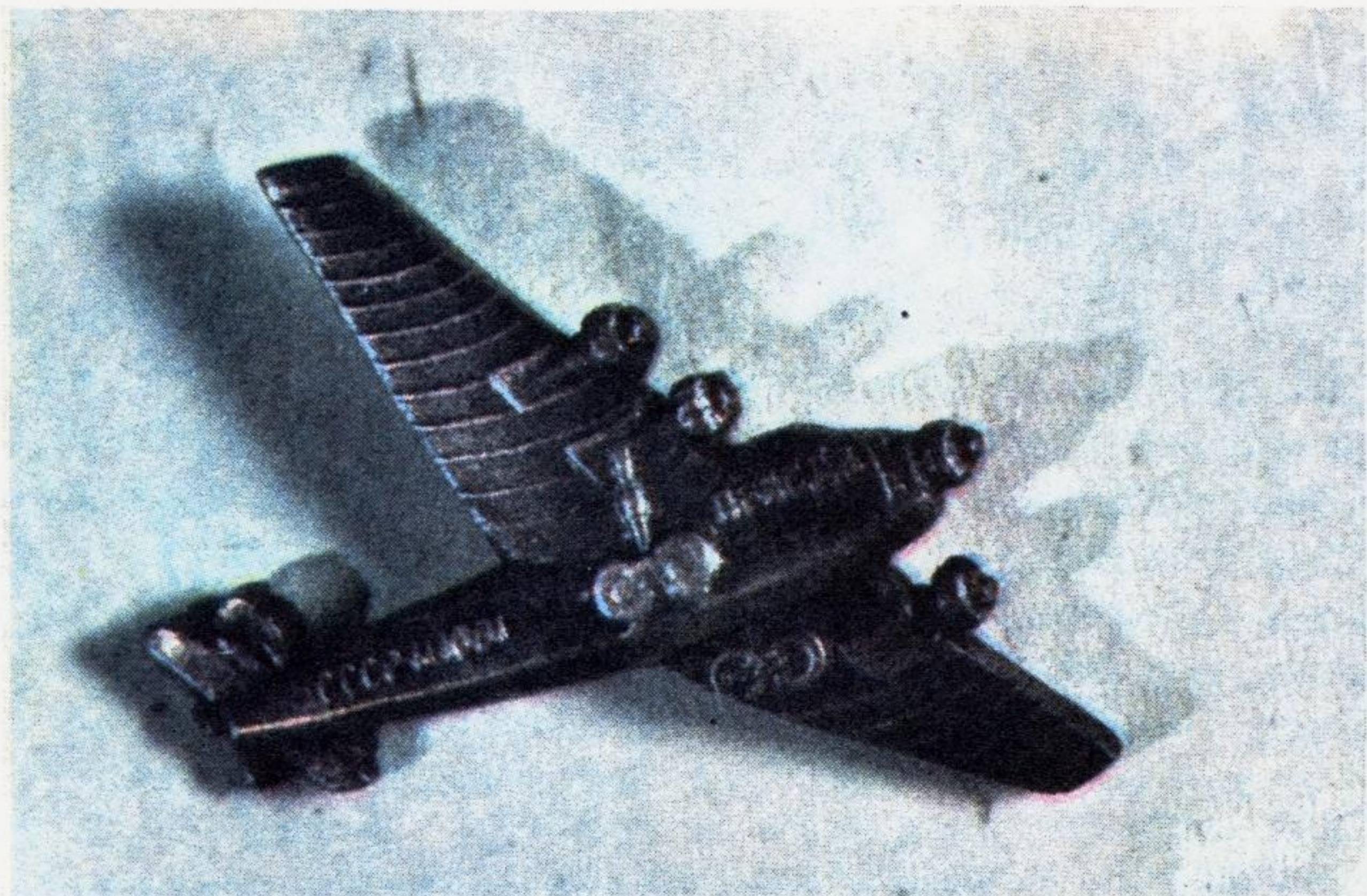
Совсем необязательно быть обладателем всех значков. Это невозможно. Пока мы листаем наши альбомы, вспомнилась вот такая история.

Однажды наш товарищ-коллекционер узнал, что у летчика Якова Георгиевича Пауля есть именной старый значок. Такой, какого нет ни в одной коллекции, потому что был он сделан в единственном экземпляре.

Наш товарищ написал прославленному летчику, попросил рассказать о себе и о значке.

Вскоре пришел подробный ответ с фотографией значка. Оказывается, значок появился в двадцатые годы, когда еще не существовало государственной компании «Аэрофлот», а действовало акционерное общество «Добролет».

На фоне красного флага, серпа и молота был изображен самолет. На флаге надпись: «Добролет». Над самолетом — горная вершина, покрытая сне-

Значок, посвященный самолету АНТ-14 «Правда», выпущен в начале тридцатых годов, в Москве он был только в одной коллекции.

Самолет АНТ-6 — крупнейший в тридцатые годы (вверху) — называли летающей крепостью: так он был велик и тяжел.

гом. Справа внизу — позолоченная надпись: «100000 км. Пауль Я. Г.». Значок венчает пятиконечная звезда.

Летчик Пауль был награжден именным значком общества «Добролет» за то, что без единой аварии налетал сто тысяч километров в трудных условиях среднеазиатских маршрутов, многие из которых проходили в горных районах.

Яков Георгиевич Пауль подробно рассказал о значке, а о себе — ни слова. Но, как любой коллекционер, наш товарищ продолжил поиск. Пошел в библиотеку. И вот что он узнал о летчике Пауле.

...23 января 1924 года к заснеженному перрону Павелецкого вокзала подходил специальный поезд. В нем находился гроб с телом Владимира Ильича Ленина. Поезд встречали сотни людей. У них были скорбные, суровые лица.

На перроне было тихо. Только лязгал на стыках рельсов траурный поезд да жужжал в небе мотор самолета, сопровождавшего поезд. Его пилотировал Я. Г. Пауль. Московская школа летчиков поручила ему отдать последние почести дорогому для всех человеку...

В дальнейшем Пауль много работал летчиком-испытателем...

Вот такая история. Значка ни в одной коллекции фалеристов нет, а история есть.

А теперь — несколько советов

О том, как хранить коллекцию. Нарезь листы ватмана так, чтобы они подходили под размер папки скоросшивателя. На четные листы нанеси прямоугольную сетку. Теперь в каждую ячейку можно прикрепить по одному значку. Ячейки пронумеруй.

Нечетные листы служат двум целям: предохраняют значки от повреждений, и на них записывают исходные данные о значках, помещенных на следующем листе.

Что такое исходные данные? Это материал, из которого сделан значок, год и место его выпуска, размер. Иногда удастся узнать автора значка. Это обязательно надо отметить в своей записи. Также не забудь описать кратко событие, которому посвящен значок. И очень скоро ты убедишься, что у тебя не набор металлических пластинок с булавками, а коллекция, интересно и увлекательно рассказывающая о выбранной тобою теме.

Желаем успеха!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

СОДЕРЖАНИЕ

С думой о тебе.— С. Фурин. Рисунки М. Лисогорского, Ю. Тихонова	1
«Примолкнув вдруг...».— Стихи А. Суровой. Рисунок П. Прокова	5
История Мальчиша-Кибальчиша.— Пьеса В. Железникова. Рисунки М. Петрова	6
Союз нерушимый	
Новый этаж.— М. Прилежаева. Рисунки Д. Барабаша	
Ты, я, наш отряд	
Наш Гагарин.— Записал Г. Цепулин. Рисунки С. Трофимова	18
Когда я носил красный галстук	
Старые отцовские сапоги.— Записал А. Воробьев. Рисунок М. Петрова	20
Зеленый попугай.— Рассказ Р. Погодина. Рисунок В. Дудкина	22
Сами о себе	25
Сергея-парус.— Рассказ Ю. Чернова. Рисунок М. Петрова	26
Международный пионерский клуб «Товарищ»	28
В комсомольском строю	
Мой прекрасный Комсомольск.— А. П. Маресьев. Рисунок Ю. Родина. Фотография Б. Задвиля	32
Боевой листок. Рисунки М. Фитилевой	34
«Я столетний дед Корней». — З. Паперный. Рисунки А. Борисова. Фотография В. Крупского	35
Происшествия в путешествии.— Повесть Ю. Томина. Рисунки Л. Хачатряна	37
Всесоюзный сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны». Рисунки Ю. Родина	50
«Я все ужасно переживаю...». Память о зиме. Сны. Мечта.— Стихи Е. Григорьевой. Рисунок Б. Гуревича	51
«Кораблик»	52
«Переменка». Рисунки Е. Шабельника	54, III обл.
В стране шаха — владыки черных и белых полей. М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой	55
Путешествие в Спортландию. Рисунки Д. Барабаша. Фотографии А. Бочинина	56
Ума палата	60
Мой конек	
В лабиринтах страны фалеристики.— М. Саукке, В. Турьян. Рисунки Е. Шабельника	62
Салют Гайдари.— Песня. Музыка Е. Крылатова. Слова М. Пляцковского. Рисунок А. Борисова	IV обл.

На обложке:

Горки Ленинские.— Рисунок Ю. Тихонова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

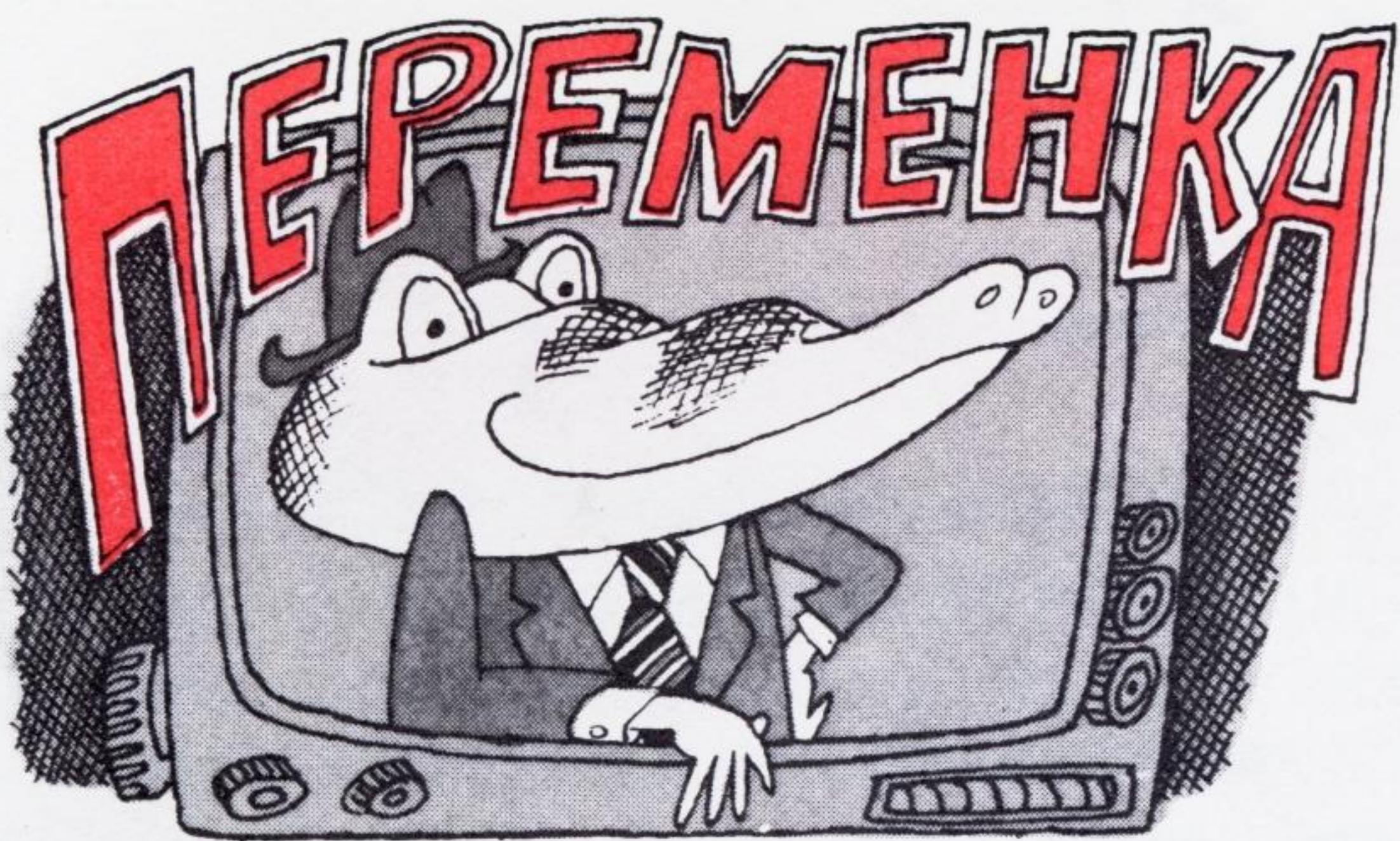
Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1982.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.02.82.
Подписано к печати 17.02.82. А 05030. Формат 84×60^{1/8}.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 615 000 экз. Изд. № 596. Заказ № 2016.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

Несколько серий телевизионного фильма «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» вызвали поток писем в «Переменку». Ребята тут же вспомнили, что **Василий ЛИВАНОВ** не только исполнитель роли Холмса, он еще озвучивал в мультфильмах любимых героев: Крокодила Гену, Удава, Черного Кота...

Мы попросили нашего корреспондента **Ольгу Пожарскую** встретиться с заслуженным артистом республики **Василием Ливановым**.

Корреспондент. Скажите, как вам удастся говорить голосами таких разных героев?

Ливанов. Наверное, ребята хорошо знают картину Васнецова «Богатыри», ну, помните, Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Корреспондент. Еще бы! Очень часто в классах пишут сочинения по этой картине.

Ливанов. А у меня как у артиста другая задача: сделать так, чтобы богатыри заговорили. Я смотрю на картину и представляю себе, какой голос у каждого из них. Это просто необходимо для того, кто работает в мультипликации, а я работаю там уже пятнадцать лет. Мне кажется, что Илья Муромец — человек сильный, решительный, а значит, голос у него низкий, говорит он медленно, с расстановкой. Добрыня Никитич — человек действия. Это видно и по его позе на картине. Он, наверное, немногословен, и голос у него, пожалуй, немного глуховатый. Попович вооружен скромнее своих товарищей, но он берет хитростью, и голос у него скорее всего высокий, приятный, лукавый. Вот видите, как для меня важно угадать характер героя!

Например, главная черта характера Карлсона — нетерпение, ему хочется как можно скорее воплотить все свои озорные замыслы. А Крокодил Гена — вежливый и говорит так, чтобы его все поняли, и поэтому всегда добивается своего. А мультипликационный сказочный Удав — прежде всего удивленный. Он удивляется и очень радуется тому, что он такой длинный — целых 38 попугаев!

Корреспондент. Значит, вы смотрите созданный мультипликационный фильм и потом озвучиваете его?

Ливанов. Нет, так я не люблю. Обычно художники показывают мне рисунок, портрет моего будущего героя, а я стараюсь определить главное в его характере. И если я его понял, я озвучиваю его, а художники-мультипликаторы слушают мой

голос и уже по голосу и тексту рисуют сюжет.

Корреспондент. Каких своих мультипликационных героев вы особенно любите?

Ливанов. Знаете, случается, что маленькие, скромные роли зрителю незаметны, а для меня часто и трудны и интересны. Вот, например, озвучивал я тренера по плаванию, который читал лекцию о рыбах. Ничего веселого

го в этой лекции нет, а зрители смеются. Почему? А потому, что я решил, что тренер по плаванию отличается от других людей тем, что он постоянно простужен. И я читаю лекцию очень серьезным голосом, но говорю в нос. И зритель чувствует, что перед ним человек, который настолько любит свое дело, что готов лезть ради него в холодную воду. А если человек любит свое дело, он всегда вызывает у окружающих симпатию.

В моей работе самое глав-

ное — внимание к людям. Все мои сказочные герои говорят человеческими голосами и наделены чисто человеческими чертами характера. Вот помните Черного Кота из сказки о котенке Гав? Это бездомный кот, который гуляет сам по себе и, казалось бы, всех презирает. На самом деле он притворяется, что ему ни до кого нет дела. На самом деле ему очень хочется дружить и помогать маленьким. Именно это я хочу донести до зрителя.

Корреспондент. Но все-таки от вопросов ребят о Холмсе вам уйти не удастся...

Ливанов. Ну что ж, моя работа над образом Холмса не слишком отличалась от работы над мультипликацией. Конан Дойль очень точно описал Холмса, и его внешность, и его одежду. И мне только оставалось наполнить эти известные всем черты человеческим содержанием. Шерлок Холмс всегда идет на помощь терпящим бедствия, он благороден и бескорыстен. В этом его огромная человеческая привлекательность.

Корреспондент. Ребята спрашивают, как выглядела эта страшная собака Баскервиль в жизни.

Ливанов. Для съемок выбрали самую-самую громадную собаку в Советском Союзе, самой устрашающей внешности, но, как оказалось, с самым нежным характером. Когда надо было снять сцену нападения собаки на Баскервиля, которого играл Никита Михалков, режиссер категорически запретил подвергать опасности известного актера. Под Никиту переодели хозяина собаки, он побежал, выпустили собаку, она тут же бросилась за ним, он упал, а собака... собака сорвала все планы: она мирно улеглась рядом с хозяином и облизала его с ног до головы. Сняли двадцать дублей, но мирный характер собаки от этого не испортился. Пришлось делать хитрый киномонтаж.

Корреспондент. Спасибо за интересный рассказ!

16-81

